
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1979

Москва. Встреча на аэродроме.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ

Во время переговоров.

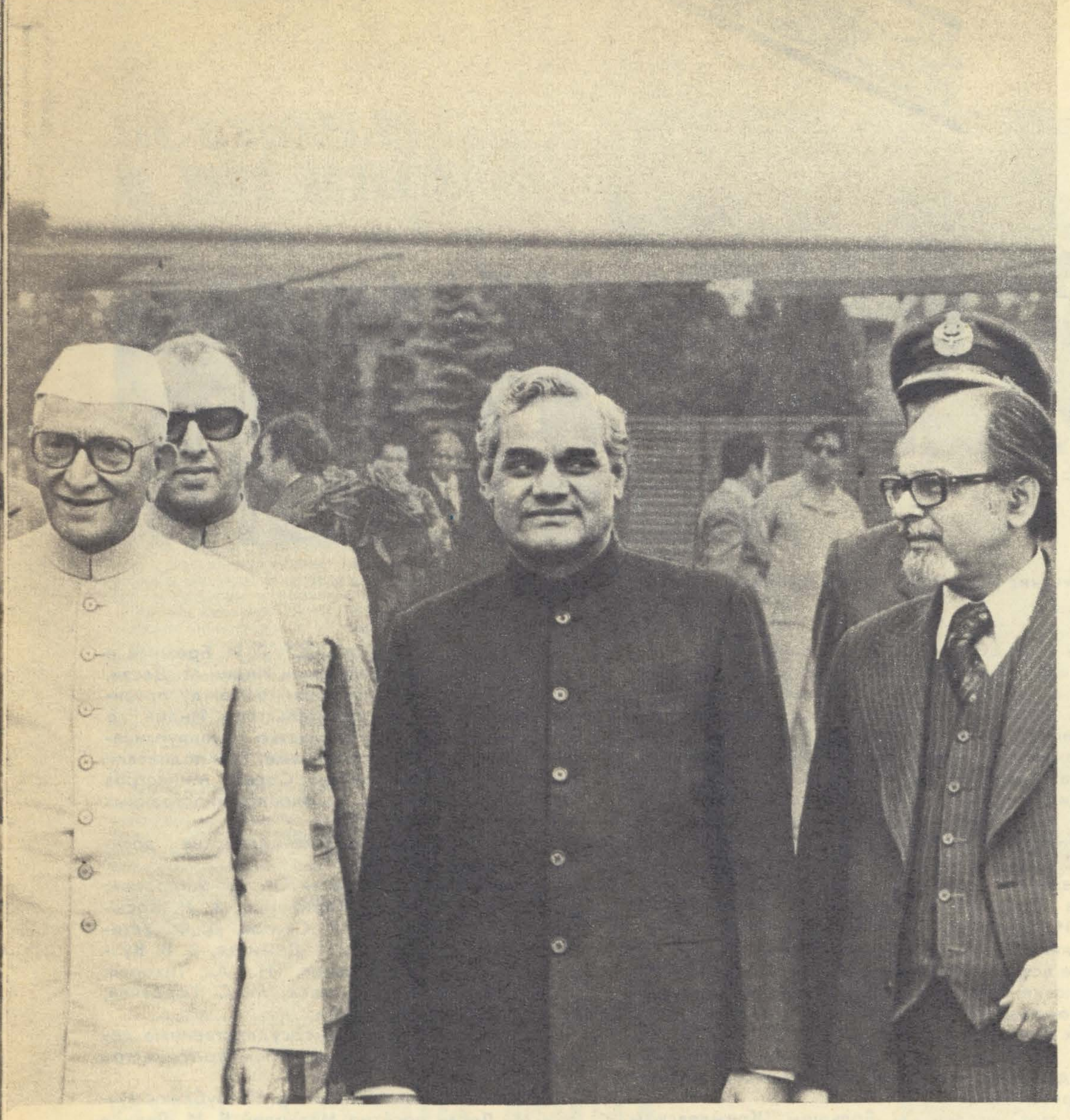

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА и В. ЕГОРОВА (ТАСС)

ВИЗИТОМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (2710)

16 ИЮНЯ 1979

По приглашению советского руководства 11 июня в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Премьер-Министр Республики Индии Морарджи Десаи.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Республики Индии и СССР, М. Десаи у трапа самолета встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

Среди встречавших находились министр иностранных дел Индии А. Б. Ваджпаи, дипломатические сотрудники посольства Индии в Москве.

По дороге в Москву Премьер-Министр Индии Морарджи Десаи посетил Узбекистан.

10 июня в аэропорту столицы Узбекистана высокого гостя встречали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Кириллин, Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР И. Б. Усманходжаев, Председатель Совета Министров республики Н. Д. Худайбердыев, посол СССР в Республике Индии Ю. М. Воронцов, другие официальные лица. Среди встречавших находился посол Республики Индии в СССР И. Гуджрал.

М. Десаи возложил цветы к памятнику В. И. Ленину, к могиле Неизвестного солдата. Премьер-Министр почтил минутой молчания память советских воинов, павших в годы Великой Отечественной войны в борьбе за независимость Родины.

Состоялась беседа Ш. Р. Рашидова с М. Десаи. Высокий гость был ознакомлен с достижениями республики в различных областях экономики и культуры.

В этот же день М. Десаи и сопровождающие его лица совершили кратковременную поездку в Самарканд. Там они ознакомились с историко-архитектурными памятниками, с новостройками города.

11 июня в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с Премьер-Министром Республики Индии Морарджи Десаи.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов советско-индийских отношений, успешно развивающихся в соответствии с Договором о мире, дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Индией 1971 года, а также пс актуальным международным проблемам, в том числе о положении в Азии.

Подписание Заявления Союза Советских Социалистических Республик и Республики Индии.

При обсуждении международных проблем особое внимание было уделено вопросам дальнейшего углубления процесса разрядки, упрочения мира и международной безопасности, актуальным мерам по ограничению гонки вооружений и разоружению. Было отмечено важное значение предстоящего заключения договора между СССР и США об ограничении стратегических вооружений для сдерживания гонки вооружений и для упрочения разрядки.

Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР 11 июня дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь Премьер-Министра Республики Индии М. Десаи.

Вместе с М. Десаи на обеде были сопровождающие его индийские государственные деятели.

С советской стороны на обеде были Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, В. В. Кузнецов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, председатели государственных комитетов СССР, другие официальные лица.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев выступил на обеде с речью.

Он, в частности, сказал:

— Для СССР нет более высокой цели во внешней политике, чем укрепление мира, ослабление угрозы новой войны, сокращение бремени вооружений, которое несут народы.

Насколько я понимаю, к тем же целям стремится и Индия. Естественно поэтому, что Советский Союз хочет видеть дружественную Индию сильным и процветающим государством, играющим подобающую ей важную роль в азиатских и мировых делах.

12 июня в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Премьер-Министром Республики Индии Морарджи Десаи.

На встрече, прошедшей в дружественной обстановке, были рассмотрены вопросы дальнейшего развития и углубления советско-индийских отношений в различных областях, а также обсуждены международные проблемы, представляющие взаимный интерес для обеих сторон.

В этот же день в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-индийских документов.

Было подписано Заявление Союза Советских Социалистических Республик и Республики Индии. Документ подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Республики Индии М. Десаи.

Подписано также соглашение между правительством СССР и правительством Индии о сотрудничестве в строительстве металлургического завода в Висакхапатнаме. Его подписали заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов и министр иностранных дел Индии А. Б. Ваджпаи.

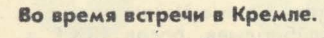
При подписании советско-индийских документов присутствовали:

с советской стороны — Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, Н. А. Тихонов, В. И. Долгих, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, другие официальные лица;

с индийской стороны — государственные деятели, сопровождающие Премьер-Министра Индии.

12 июня Премьер-Министр Республики Индии М. Десаи посетил Мавзолей В. И. Ленина и возложил венок. Высокий гость и сопровождающие его лица минутой молчания почтили память создателя первого в мире социалистического государства.

Венок был возложен также к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены.

Во время встречи в Кремле.

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

6 июня состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца с делегацией Ливанской компартии в составе заместителя Генерального секретаря ЦК ЛКП Ж. Хауи, члена Политбюро, секретаря ЦК ЛКП Н. А. Самада и члена Политбюро ЦК ЛКП Ж. Батала.

В ходе дружественной беседы представители КПСС информировали об успешной реализации Коммунистической партией и советским народом решений XXV съезда в области политического, экономического, социального и культурного развития, в деле расширения социалистической демократии. Они рассказали о внешнеполитической деятельности КПСС, направленной на выполнение программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов.

Представители ЛКП информировали о деятельности партии в условиях дальнейшего обострения обстановки в Ливане, об эскалации враждебных действий правящих кругов Израиля. Используя сепаратный договор с Египтом, они при поддержке империалистических сил добиваются расчленения Ливана и установления контроля над его южными районами, ликвидации палестинского присутствия в этой стране и ее отрыва от других арабских государств.

Делегации КПСС и ЛКП подтвердили стремление обеих партий и впредь развивать взаимоотношения дружбы и сотрудничества, содействовать укреплению единства международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, в борьбе за мир, национальную независимость и социальный прогресс народов.

Встреча прошла в теплой, товарищеской атмосфере.

Во время встречи.

Фото В. Егорова (ТАСС)

ПУТЬ ХО ШИ МИНА

...12 октября 1923 года, в дни работы в Москве Всемирной крестьянской конференции, газета «Правда» сообщила: «На втором заседании выступил от французской колонии Индокитая товарищ Нгуен Ай Куок. Оратор отметил, что крестьянство Индокитая угнетено вдвойне — как крестьянство вообще и как крестьяне колониальной страны».

Пройдут годы, и мир узнает другое имя товарища Нгуена — Хо Ши Мин — имя вождя вьетнамской революции. А тогда Нгуен Ай Куок вел активную работу в рядах Коминтерна. Однажды в московской гостинице «Люкс» к нему подошел репортер журнала «Огонек» и попросил ответить на вопросы журнала. Так в конце декабря 1923 года на страницах «Огонька» появился очерк о «первом коминтерновщике из Индокитая», которого автор назвал человеком с врожденным тактом и деликатностью, дышащим какой-то совершенно новой культурой, «быть может, культурой будущего».

С именем Хо Ши Мина связано распространение во Вьетнаме идей марксизма-ленинизма, создание партии коммунистов. В этой целеустремленной и энергичной деятельности он и его боевые соратники черпали силы и вдохновение из ленинской теории революции и практики Великого Октября.

Под руководством партии во главе с Хо Ши Мином народ Вьетнама создал первое в Юго-Восточной Азии государство рабочих и крестьян. Это произошло в историческом 1945 году. Первым президентом независимого Вьетнама стал Хо Ши Мин.

«С редким самообладанием и тактической гибкостью ведет он корабль молодого государства, умело обходя многочисленные подводные рифы,— читаем мы в книге.— Свои действия он постоянно сверяет с бесценным ленинским опытом, ища и находя в нем ответы на многие вставшие во весь рост вопросы. Он не раз напоминает в эти дни своим ближайшим друзьям и соратникам мудрые ленинские слова: трудно взять власть, но удержать ее еще труднее».

Когда на молодую республику обрушились военные испытания, Хо Ши Мин призвал вьетнамский народ к сопротивлению до победного конца. Ни французским колонизаторам, ни американским агрессорам не удалось поставить этот героический народ на колени, ибо в сердце каждого патриота всегда звучал и звучит боевой клич Хо Ши Мина: «Нет ничего дороже независимости и свободы».

Он сражался до последнего вздоха, оставив партии и народу свое знаменитое завещание, в котором выразил непоколебимую веру в победу Вьетнама. Продолжая дело Хо Ши Мина, коммунистическая партия и сплоченный вокруг нее вьетнамский народ полностью освободили свою страну от чужеземных агрессоров, воссоединили родину, дав ей гордое имя: Социалистическая Республика Вьетнам.

«Идя по пути, указанному великим Лениным, по пути Октябрьской революции, вьетнамский народ одержал огромные победы. Именно поэтому у него столь глубоки чувства признательности и благодарности к славной Октябрьской революции, к великому Ленину и к советскому народу»,— подчеркивал Хо Ши Мин.

Книга показывает Хо Ши Мина как выдающегося партийного и государственного руководителя, последовательного борца за торжество идей марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма и как талантливого журналиста, поэта, человека ленинской простоты и скромности.

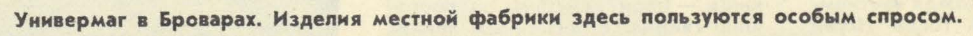
Для советских людей имя Хо Ши Мина всегда будет стоять в одном ряду с величайшими борцами человечества за свободу, мир, демократию и социализм. Незабываемы слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева: «Великие вожди революции заложили основы наших государств, дали решающие импульсы их развитию и начертали наш курс — Владимир Ильич Ленин в Советской России и Хо Ши Мин во Вьетнаме. Мы с гордостью можем сказать, что верно следуем этому курсу».

Книга «Хо Ши Мин» рассказывает о жизненном подвиге революционера, о героизме вьетнамского народа, о международной солидарности. Силу этой солидарности подтвердила и недавняя победа над китайскими агрессорами, которые встретили мужественный отпор на вьетнамской земле и решительное осуждение их авантюры во всем мире. Как подчеркивал Хо Ши Мин, «вьетнамский народ полон решимости отдать все свои духовные и материальные силы, пожертвовать своей жизнью и имуществом, чтобы отстоять свое право на свободу и независимость». Эти слова из Декларации независимости 1945 года всегда будут грозным напоминанием любому агрессору.

Закрывая прочитанную книгу, испытываешь чувство признательности автору — советскому востоковеду Е. Кобелеву за проделанную им большую работу.

Сергей АФОНИН

Евгений Кобелев. Хо Ши Мин. М., «Молодая гвардия», 1979, 366 стр.

Лучшая вязальщица Любовь Журибида.

Универмаг в Броварах. Изделия местной фабрики здесь пользуются особым спросом.

Самые младшие горожане предпочитают одежду, которую на фабрике шьют их мамы

«СОЛНЫШКО» И «КОЛОБОК»

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Есть под Киевом небольшой городок Бровары. Само название позволяет предположить, что поселение было известно своим пивом,— броварами-то называли пивоваров. Большая промышленность появилась здесь лишь в последние десять — пятнадцать лет. Созданный промышленный узел вобрал в себя заводы порошковой металлургии, пластмасс, шиноремонтный и другие. Скромное место среди них занимает трикотажная фабрика, выросшая на базе полукустарного канатно-веревочного производства.

Хотя и мал золотник, да дорог. Со всех концов нашей страны приезжают сюда специалисты, чтобы познакомиться с работой броварских трикотажниц, изучить их опыт. Каждая здешняя модель сочетает в себе высокий вкус, последнее веяние моды, отличное качество и практичность. Фабрика выпускает детскую одежду: от шерстяных вязаных конвертиков, ползунков до костюмов и кофт для школьников.

Когда художник-модельер Маргарита Петровна Кузнецова разложила передо мною брючные костюмчики для трехлетних малышей, сарафанчики, жакеты, костюмы и платьица для школьников, это было похоже на яркую цветочную клумбу. Каждой моделью можно любоваться, каждую отличают тщательность отделки и щедрость художественной выдумки: карманчики, застежки, кружева, аппликации. У них и названия соответствующие: «Колобок», «Дюймовочка», «Недотрога», «Солнышко»...

Здесь не рассчитывают на готовенькое, хотя и работают в деловом контакте с республиканским Домом моделей. Чаще всего сами разрабатывают новые образцы и изготавливают их в производственной лаборатории. Ежегодно внедряется до ста новых моделей — почти половина из всех, находящихся в производстве. Здесь решительно снимают с конвейера устаревшую с точки зрения художников модель до того, как она устареет с точки зрения покупателя.

И тут читатель мог бы задать вопрос: как выглядит не выставочный экземпляр, а тот же костюмчик, но снятый с конвейера?

Вопрос резонный. Позволю себе небольшое отступление: однажды мне доводелось видеть, как руководители крупного обувного предприятия показывали прекрасные образцы своей продукции, но сами при этом были в импортных сапогах и туфлях... В Броварах такое невозможно. В двух кварталах от фабрики находится универмаг. И каждая работница, заходя сюда в отдел детского платья, первым делом осведомляется: есть ли в продаже изделия их фабрики? Считайте удачей, если в киевском пассаже «Детский мир» застанете трикотаж из Броваров,— его раскупают немедленно.

На складе готовой продукции я попросил вытащить из разных пачек по одному костюмчику. Они оказались двойниками опечатанных образцов. Смотришь на такой костюмчик, и кажется, что вязала его для своего чада заботливая мама, тщательно подбирала цвета ниток, меняла рисунок вязки, для каждой детали придумывала особый способ переплетения нитей, считала каждую петлю.

Каким же образом удается сохранить эту тщательность отделки при конвейерном производстве?

— Справедливости ради, — говорит главный инженер Алексей Степанович Худин,— надо отдать должное нашим поставщикам пряжи. Отличным сырьем нас снабжают коллективы Криворожской шерстопрядильной и Донецкой камвольно-суконной фабрик. Кроме того, наши цеха хоть и неказисты снаружи, зато оборудованы хорошей техникой. Но главное — это живое участие всего коллектива в обсуждении и внедрении новых моделей.

Перед тем как представить образец брюк или кофточки на республиканский художественный совет, здесь собирают свой худсовет — не менее широкий. В него, кроме руководителей фабрики и модельеров, входят и швеи, и вязальщицы, и слесари-наладчики. И чем больше понравится новая модель коллективу, тем настойчивее идет борьба за ее освоение.

Мне рассказали, например, как осваивали свитерок, который здесь называют кольчужкой. Верхние кольца-петли в нем одного цвета, а изнаночные — другого, и он действительно напоминает нарядную кольчужку малолетнего царевича. Модель всем понравилась. Но технологи резонно заметили: такая фигурная вязка требует большого количества ручных переключений машины, а это снизит производительность труда вязальщиц. Ведь фабрика не избавлена от жестких рамок планов по себестоимости, производительности труда, валу...

Но модель уж очень понравилась, особенно мужчинам — механикам, наладчикам. И они пообещали: освоим! В короткий срок было разработано специальное приспособление, которое стало переключать машину автоматически. Кольчужка пошла на поток, производительность труда вязальщиц не снизилась, а художники получили возможность и в будущих моделях свободно использовать такую фигурную вязку.

Подобные «закавыки» встречаются при обсуждении почти каждой модели, но если она приходится всем по душе, ее сообща и внедряют.

Коллектив фабрики ревниво оберегает честь своей марки. Здесь выросли отличные кадры мотальщиц, вязальщиц, швей — все это в основном молодежь. При высоком качестве работы они постоянно перекрывают сменные задания, чтобы изготовить как можно больше продукции, которая пользуется большим спросом у покупателей. На фабрике известны имена вязальщиц — Нина Помазок, Инна Проскурнича, Лида Рунова, швей — Нина Гаврилец, Анна Громова. Не так давно пришла в цех Лена Болбот. Быстро освоив очень тонкую профессию кеттельщицы, девушка стала одной из лучших производственниц. Кеттельный шов — это когда трикотажная ткань скрепляется без рубца, петля в петлю. А ведь в детской одежде так важно, чтобы и с изнанки не чувствовалось ни рубцов, ни узелков.

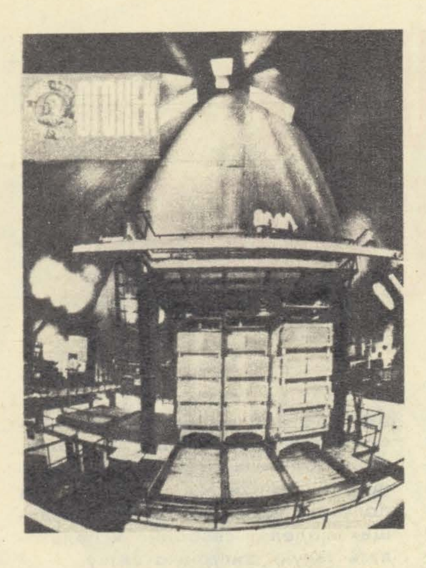
Технологи каждый месяц требуют от базовых магазинов характеристики спроса на продукцию фабрики. Я просматривал эти характеристики-отзывы. Можно только пожелать, чтобы и другие предприятия легкой промышленности получали такие отзывы на свои изделия. Встречаются, конечно, и замечания. Они, как правило, сводятся к двум позициям: «мало дали» или «почему так ограничен выбор размеров?».

— Что касается выбора размеров, — говорит М. П. Кузнецова,— тут мы особых изменений не обещаем. Дело в том, что при серьезном подходе к конструированию детской одежды каждую модель надо рассчитывать на определенный возраст. Что мы и делаем. Карманчик типа «кенгуру» хорош, скажем, на платьице трехлетней девочки. А платье для школьницы требует иного оформления. Короче, художественно законченная модель должна учитывать возраст ребенка, поэтому шкала ее размеров ограничена.

А вот увеличение выпуска продукции — другое дело. Здесь у коллектива фабрики хорошие перспективы. Если сейчас изготавливают миллион изделий в год, то уже к концу 1981-го выпуск должен возрасти до пяти миллионов. Отпущена крупная сумма на возведение новых корпусов, а также на строительство жилья, детских учреждений. Работы начнутся в нынешнем году, объявленном Годом ребенка.

У кеттельщицы Лены Болбот золотые руки.

«ПИОН» НА ГОРЕ АРАГАЦ

Сегодня космические лучи чрезвычайно интересуют исследователей. Ведь они являются для нас пока единственным источником знаний о природе и свойствах элементарных частиц материи в недостижимых пока областях энергии и дают информацию о наиболее интересных и перспективных направлениях в физике. Чтобы «поймать» и исследовать их, ученые забираются высоко в горы, поднимают свои приборы на самолетах, аэростатах, искусственных спутниках Земли.

В начале июня в Ереване проходила Всесоюзная конференция по космическим лучам. В ней приняли участие ученые практически всех центров, занимающихся физикой космических лучей, из Москвы и Ленинграда, Алма-Аты и Киева. Ташкента и Тбилиси, Еревана и Душанбе, Якутска... Приехали ученые и из социалистических стран.

На конференции с особым вниманием выслушали доклады исследователей с высокогорной станции «Арагац» Ереванского физического института. Станция расположилась на склонах высочайшей вершины Армении на высоте 3250 метров над уровнем моря. Ее создавали в грозные годы Великой Отечественной войны, и с того времени она является одним из крупных научных центров страны в этой области.

На прошедшей конференции ереванские ученые рассказали, что ими впервые в практике проведено изучение потоков космических лучей с энергией свыше 500 миллиардов электрон-вольт с помощью так называемых детекторов переходного излучения в сочетании с другими современными приборами. Это дает возможность различать элементарные частицы, опознавать их «сорт».

Новую установку ученые назвали «Пион». Ее обслуживают две электронные вычислительные машины. А сам метод переходного излучения берет начало в открытии, сделанном советскими физиками более тридцати лет назад. Традиции лидерства советской науки продолжаются: внедрение метода переходного излучения в созданную ереванскими физиками уникальную установку на Арагаце (ее можно увидеть на обложке журнала) позволяет изучать взаимодействие частиц с атомными ядрами при энергиях до нескольких тысяч миллиардов электрон-вольт!

— Ввод в строй этой установки открывает перед физикой космических лучей новые возможности, позволяющие расширить пределы наших знаний о процессах взаимодействий элементарных частиц при энергиях, недостижимых на современных ускорителях. Это позволит еще глубже проникнуть в структуру материи,— сказал председатель оргкомитета конференции академик С. Н. Вернов.

Б. БОРОДИН

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

НИКАРАГУА

НАКАЛ БОЕВ

Пламя народно-освободительной войны охватило Никарагуа. Отряды Фронта национального освобождения имени Сандино занимают города и населенные пункты страны. Национальная гвардия диктатора Сомосы несет большие потери.

Колонны повстанцев продвигаются с разных сторон к Манагуа, стягивая кольцо вокруг никарагуанской столицы. Войска диктатора и иностранные наемники отчаянно пытаются сдержать натиск патриотов и вернуть утраченные позиции. Правительство Соединенных Штатов в срочном порядке рассматривает возможности американского вмешательства в Никарагуа.

Засев в бронированный бункер, Сомоса предпринимает лихорадочные усилия удержаться у власти. По его приказу авиация сбрасывает напалмовые бомбы на густонаселенные районы, где проживают в основном рабочие и крестьяне. Палачи зверски расправляются с населением, проводя массовые расстрелы жителей по подозрению в связях с партизанами.

На снимке: колонна патриотов на марше.

ЧИЛИ

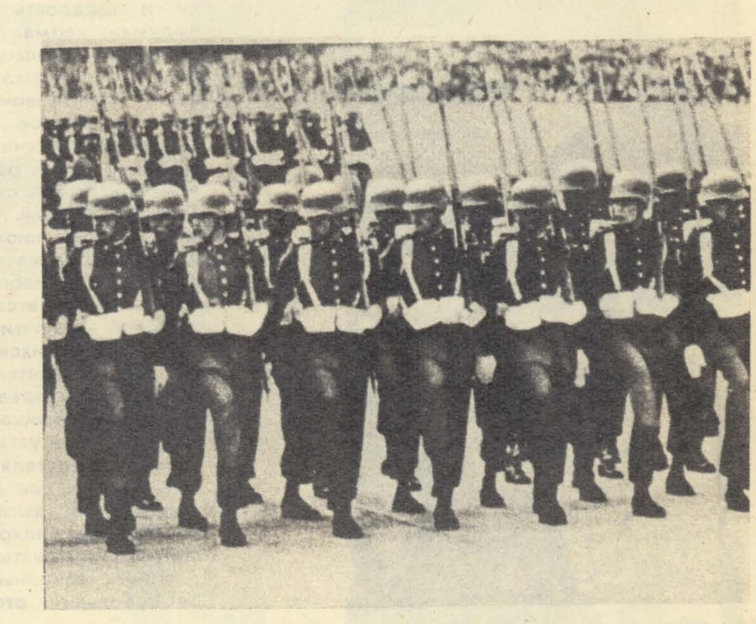
ПАЛАЧ ОЗАБОЧЕН

О том, как «заботится» о чилийских детях Пиночет, мир узнает из часто публикуемых даже в буржуазной прессе фотографий голодных, угрюмых ребятишек, в оцепенении сидящих перед своими хижинами или роющихся среди мусора на городских свалках. «Голод в Чили!» — плакаты с таким заголовком обошли все страны мира. «Дети Чили не помнят, что такое молоко»,— писала английская «Санди таймс».

Международный год ребенка военная хунта тоже не забыла. По сообщениям западной печати, в Чили диктатор и его сообщники усиленно думают над тем, как уговорить чилийских трудящихся иметь побольше детей. Один из докладов, подготовленных пиночетовскими властями, просто требует «ощутимого прироста населения», ибо иначе-де не может быть гарантирована «национальная безопасность». С момента прихода военщины к власти статистика отмечает резкое падение рождаемости — с 28 детей на тысячу жителей в 1973 году до 21,6 в прошлом году. Все это результат снижения уровня жизни. Касаясь хозяйственной политики Пиночета, западногерманский журнал «Шпигель» пишет: покупательная способность в этом году составила 62 процента от 1972 года, а уровень безработицы подскочил на 15 процентов.

Дети Чили в очереди за похлебкой.

«ЯКУДЗА» — ЗНАЧИТ МАФИЯ

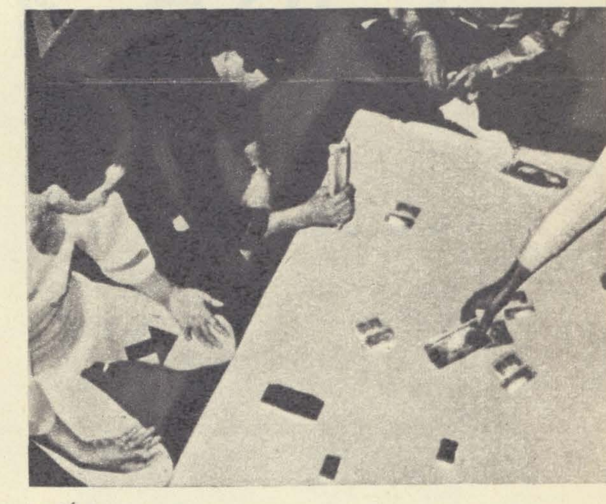
ЯПОНИЯ

В маленькой, невзрачной гостинице вокруг стола сидят на циновках несколько человек. Они играют в «тэхонбики», игру с одной игральной костью. Минимальная ставка — 50 тысяч иен. За вечер из рук в руки переходит от 15 до 20 миллионов иен. В южном районе Осаки, куда полиция обычно не заглядывает, насчитывается около 50 таких игорных домов, и там процветает проституция. Владельцы притонов — мафия («якудза»).

Японские гангстеры смогли до такой степени расширить свои организации, что сегодня, помимо игорных домов, проституции, торговли наркотиками и рынка рабочей силы поденщиков, они контролируют большое число вполне легальных предприятий: рестораны, бары, строительные и транспортные предприятия, конторы заимодавцев и т. д. Число членов преступных банд достигло огромной цифры — 120 тысяч. Почти каждая гангстерская организация имеет свое помещение — резиденцию, над дверью которой изображен условный знак банды. Официально они являются обществами взаимопомощи, против которых полиция не может ничего сделать, если только не застигнет их членов на месте преступления.

Крупнейшим «синдикатом преступности» является банда «Ямагути-гуми», которая распространила свою деятельность на весь юг японского архипелага. Ее основной соперник — меньшая по размеру шайка «Мацуда-гуми», соперничество с которой вылилось в кровавый конфликт, названный японской печатью «осакской войной».

Руководители этих организаций обычно выступают с открытым забралом. Так, «Ямагути-гуми» устроила по телевидению пресс-конференцию, во время которой один

Ставки растут...

из ее руководителей от имени «семейства» принес извинения гражданам за волнения, причиненные «схваткой» с «Мацуда-гуми», и признал ответственность шайки за ряд убийств.

Самой доходной незаконной деятельностью японских гангстеров, начиная с «Ямагути-гуми», главарь которой Таока — член ассоциации по борьбе против наркомании, стала теперь торговля наркотиками.

Японская мафия тесно связана с правыми организациями и партиями. Так, токийские шайки под покровительством Ёсио Кодамы, одного из руководителей крайне правых сил, были использованы в 1960 году как наемники против левых организаций, выступавших против «договора безопасности» с США.

Вот такие послушные, вымуштрованные слуги нужны диктатору.

США

НА ГОЛОДНОМ ПАЙКЕ

В США разгорается «бензиновая» паника. Огромные очереди выстраиваются с шести часов утра, где уже к этому времени очередь доходит до пятисот автомобилей. Большинство водителей терпеливо дожидаются, но некоторые норовят пробиться к бензоколонке силой. Пререкания и драки вспыхивают в таких случаях. Но бывает и хуже. Полиция сообщает о поножовщине на бензозаправочных станциях в Сан-Франциско и о тяжело раненном пистолетным выстрелом водителе в Сакраменто.

Во многих местах бензозаправочные станции закрываются по воскресеньям. Нефтяные монополии преднамеренно создают нехватку горючего в стране и повышают цены на свою продукцию.

Владельцы нефтяных корпораций, используя своих ставленников в Вашингтоне, диктуют правительству и конгрессу США угодную им политику. С 1 июня правительство США отменило контроль над ценами на нефть, добываемую в стране. Это решение президента обогатит нефтяные монополии, но больно ударит по владельцам автомобилей. Ежегодные барыши монополий возрастут на 17 миллиардов долларов к 1982 году. Потребитель потеряет 34 миллиарда долларов.

На снимке: в ожидании своей очереди.

ОБАЯНИЕ ТАЛАНТА

Надежда КОЖЕВНИКОВА

— ...Она пришла ко мне в мастерскую в красной шапке, волосы немного встрепаны,— и меня тронула ее живописность. Пятна красного цвета, бодрящего, возбуждающего цвета нетерпеливой юности. Я знал, больше она никогда не придет такая. Надо было ловить момент. Садись, Ира, сказал, я тебя напишу...

Так возник портрет. Заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственной премии Павел Федорович Судаков показал мне его в своей мастерской на Малой Грузинской улице, где он работает с первых послевоенных лет.

В начале встречи мы говорили с Павлом Федоровичем о его вкусах в живописи, о традициях русской реалистической школы, о том, как эти традиции живут в нашем времени,— говорили долго, но все же можно было заметить, что сами по себе теоретические размышления Судакова мало занимают. Его убеждения очевидны в его работах. В выборе тем, маршрутов поездок — в Казахстан, Кузбасс, Горный Алтай, на северо-запад России, в Карелию. Да и его биография и нынешний образ жизни, быт, рабочий распорядок — это тоже подтверждает, почему в живописи он работает именно так, почему понимает наследие Репина, Сурикова с некоторой даже истовостью.

Нет нужды сейчас защищать реалистическую традицию в искусстве, хотя она подвергалась и подвергается нападкам. Но люди сами уже обнаружили, что разрушить куда легче, чем сохранить. И нет нынче сомнений в ценности всего подлинного — чистой воды, чистого воздуха, в ценности основ человеческих взаимоотношений.

Реалистическое же искусство всегда за эти ценности стояло, оберегало, воспевало их.

Один известный западный композитор писал: «Я могу допустить, что когда-нибудь будет существовать музыка, напрочь оторванная от тональности. Я не слышу у себя в голове этой музыки, но готов представить себе такую возможность. Но это «когда-нибудь» наступит тогда, когда произойдут фундаментальные изменения в наших физических законах, быть может, тогда, когда человек оторвется от этой планеты. Возможно, исследуя космос, человек уже вступил на длинную дорогу к Новому Созданию, на дорогу к Омеге. Может быть, настанет день, когда мы освободимся от тирании времени, от диктата гармонических последовательностей. Может быть. Но пока мы все еще базируемся на Земле... Мы все еще земные создания, все еще нуждаемся в человеческом тепле и общении с себе подобными. И слава богу. И до тех пор, пока в этом мире мы тянемся друг к другу, будет существовать целительное ощущение тонального отклика».

Это о музыке. Но и о живописи, о литературе тоже. Мы — земные создания, такова наша природа, наша психика, потому именно нуждаемся мы в целительном тональном отклике, и в книгах нас, помимо всего прочего, увлекает еще и сюжет и завораживает тайна человеческого лица на полотнах старых мастеров.

А душа художника, артиста становится нам понятна не тогда, когда он мудрствует в теории, а когда роняет несвязно: «Она вошла... Тронула меня своей живописностью — и подумал, вот сейчас написать». Вот оно, вдохновение, которое дарит жизнь и которое воплощается, реализуется в творчестве.

Да, реалистическая тенденция не нуждается в защите — от чего ее защищать? От упреков в однообразии? Это когда традиции нашей реалистической школы включают настолько непохожих художников, как, скажем, Врубель или Лактионов?

— Пришлось мне как-то побывать в Бразилии,— вспоминал Судаков,— на международной выставке, где участвовало 56 стран. В основном там демонстрировались работы художников формалистического направления, и они довольно презрительно отзывались о реалистической школе: мол, эта «скрипучая телега» в наш-то космический век. А я тогда спросил: как же так получается, что картины художника-японца похожи на работы художника из Италии, а пейзажи испанца совпадают с пейзажами австралийца? Где же своеобразие климатических, природных условий этих стран? В чем отличие характера, быта их народа? Кто же, как не художник, должен видеть, воспевать неповторимость своей родины?..

И он продолжил:

— Вот так бывает, что в стремлении к оригинальности теряется собственное лицо. А поиск в искусстве, конечно, необходим. Больше того, позволю сказать, что знакомство с новыми веяниями изменило коечто и у традиционников: избавило некоторых от самодовольной напыщенности, научило большему такту, осторожности в деталях да и в самом выборе сюжетов, тем. Ведь, бывает, глядишь, уж так все натурально выписано — какая-нибудь кора на дереве,— что только муравьев и не хватает. А Репина смотришь, Тициана смотришь — туда муравьев не запустишь, нет...

Конечно, все идет от способностей человека, божий дар ничем не заменишь. Но что нас больше всего поражает в искусстве старых живописцев? Мастерство. И оно внятно даже непрофессионалу. Хотя в то же время именно профессионалы мучаются: как это сделано, как? В чем тайна таких, с первого взгляда незатейливых, до дна просвеченных чеховских рассказов? А тайна есть, и никому, кроме как Чехову, она недоступна.

— Да-да,— кивает Судаков,— вот и Рембрандт: подойдешь совсем близко — хаос какой-то, отойдешь подальше — потрясающе! «Блудный сын», к примеру. А как сделано — непонятно.

Очевидность мастерства и его тайна—вот основа настоящего, большого искусства. И только в мучительной каждодневной работе постигается эта основа.

Но говоря о манере, стиле, образном строе в творчестве того или иного художника, мы, разумеется, отдаем себе отчет, что тут нет и не может быть случайного выбора. Стихия творчества — вольная стихия, но в ней присутствует то, над чем сам человек уже не властен,— время, оно формирует личность. И вне времени ни судьбы, ни искусства нет.

Павел Судаков родился в большой рабочей семье, в Симоновской слободе, окруженной садами, огородами. Здесь, на окраине тогдашней Москвы, городская жизнь, городские нравы смыкались с жизнью, нравами деревни. Косили траву, держали свою скотину. Ребятишки лазали к соседям за яблоками, за вишнями — риск придавал яблокам особый вкус. У стен Симоновского монастыря они играли в бабки, бегали на Москву-реку купаться, глядели, как разводят деревянные мосты — тогда скапливались на дороге обозы, везущие в столицу картофель, капусту, свеклу, огурцы.

Так проходило детство Судакова, а лет с двенадцати он начал рисовать. Отец работал в Моссельпроме, приносил фанерные ящики изпод конфет, папирос — вот на них Павел попробовал писать первые свои картины. Одна из картин так понравилась соседке, что она захотела ее купить. С тремя впервые заработанными таким образом рублями Павел помчался на Кузнецкий мост к магазину «Художник».

Закончив в 30-х годах ФЗУ, он поступил работать слесарем на завод «Динамо», а вечерами посещал художественную студию при МОСХе, которой руководил А. Каневский. Вставал в пять утра и до начала работы на заводе писал. Из студии, что находилась тогда на Садовой-Триумфальной, возвращался домой в половине двенадцатого ночи.

Сейчас вспоминает:

— Трясется старый трамвай, за плечом этюдник висит, а мостовая булыжная — треск, грохот...

Когда открылся Московский художественный институт, поступил в мастерскую Георгия Георгиевича Ряжского. Возглавлял в то время институт Игорь Грабарь.

— Редчайший был руководитель,— вспоминает Судаков.— С утра по всем мастерским сам пробегал. Остановится у мольберта, вглядится, если понравится, постучит одобрительно по плечу.

Спрашиваю:

— Вас постукивал?

— Да, бывало...

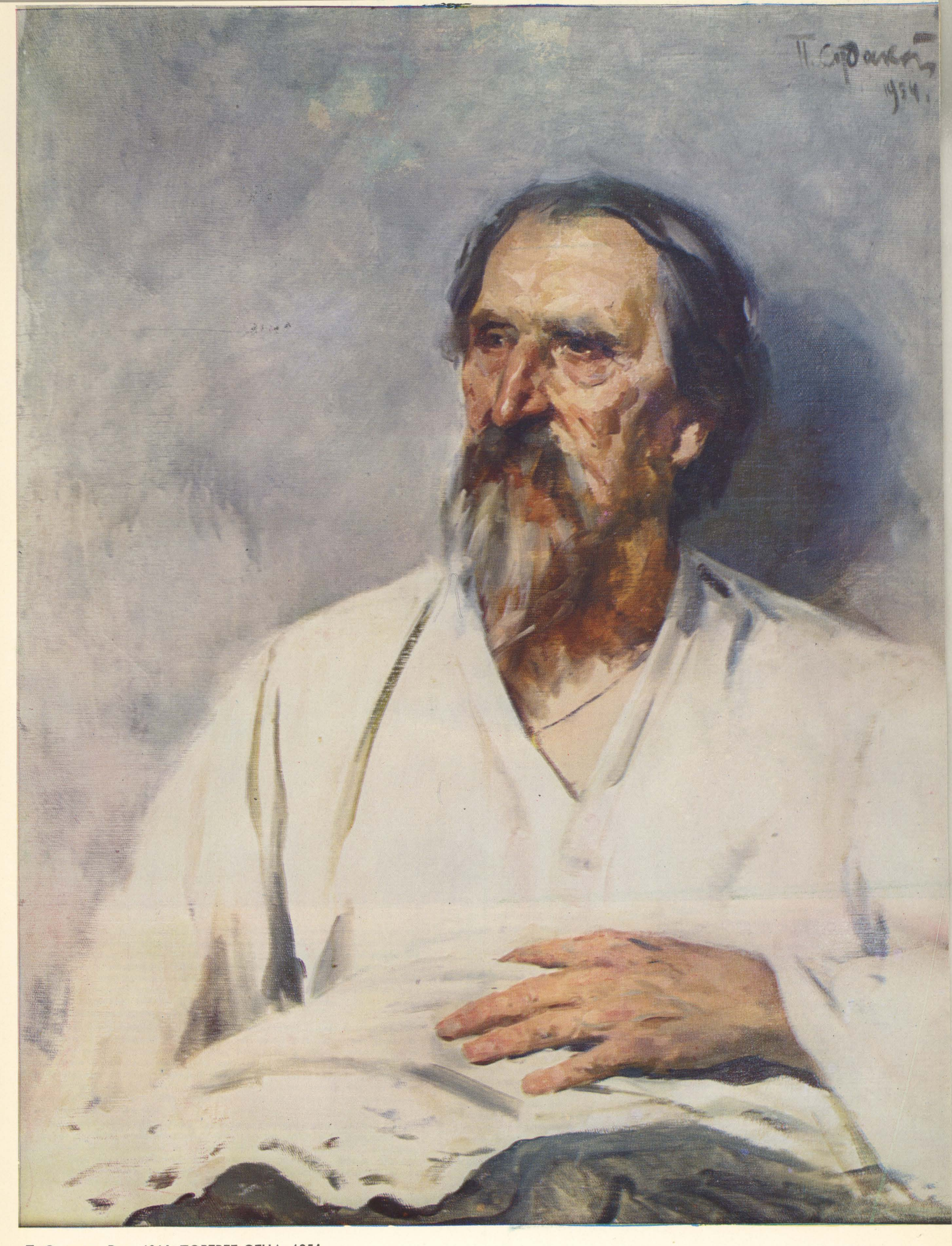
Судакову утвердили тему дипломной работы: «Расстрел двадцати шести бакинских комиссаров». Дом в Симоновской слободе как раз отремонтировали, и на свежей штукатурке во всю стену он сделал углем набросок своих «Комиссаров». Уголь ложился замечательно... А случилось это в канун войны. 10 июля 1941 года Судаков ушел добровольцем на фронт в составе 18-й ополченческой дивизии Ленинградского района.

Война закончилась, он вернулся. В доме в Симоновской слободке под руководством жэка только завершили ремонт, оклеили стены новенькими обоями.

— Если бы отец был в то время дома,— говорит Судаков,— он бы мою работу сохранил.

...Портрет отца. Судаков написал его, когда отцу минул восьмой десяток. Но сколько внутренней душевной энергии, жизненной хватки в этом высоколобом старце. Он болен, лежит, опершись на подушки, но художник написал так, что воспринимаешь его как бы во весь рост, выпрямленным, гордым, статным. Вот только рука бессильная, больная. Взгляд живописца узрел то, что не хотел, возможно, видеть, понимать сын — прорвалась в эту картину боль прощания, боль по уходящей жизни.

— Отец был для меня самым лучшим натурщиком. Он вроде никогда и не уставал, и ему никогда не надоедало мне позировать. А еще в годы студенчества, когда материально приходилось очень туго, отец меня от спешки остерегал. «Только учись,— говорил,— учись»... Этот портрет я писал ночью. Вошел к отцу, взглянул: «Папаня, а что если

П. Судаков. Род. 1914. ПОРТРЕТ ОТЦА. 1954.

П. Судаков. Л. ЛЕОНОВ. 1963.

я тебя сейчас напишу? Ты спать-то не захочешь?» «Нет,— он ответил,— я мало сейчас сплю. Я даже рад — одному-то лежать скучно»... Я написал его тогда за четыре часа.

Что-то в интонациях Судакова, когда он говорил об отце, заставило меня отвлечься от портрета и взглянуть в лицо самого художника — и тут же я отвела глаза. Когда у взрослого человека, мужчины, так набрякают веки, смотреть на него нельзя.

— А с хирургом Беляевым,— продолжил Судаков после паузы,— я познакомился вначале как пациент, когда меня привезли в Институт Склифосовского. Потом мы сдружились. Стал я ходить к нему на операции. В первый раз все в голове замутилось. Считаю: двадцать пять, двадцать шесть...— ну как меня учили. Нет, чувствую, не могу, все вокруг плывет. Тихонечко вышел, прислонился к стенке. Сестра подходит: «Вы плохо себя чувствуете?..» Минуты через три вроде прошло. Вернулся, залез на подиум, и около часа, пока шла операция, смотрел, рисовал. Понял, какова у них работа, у хирургов. Стал писать портрет Беляева. «Но отчего,— его спрашиваю,— вам бы белый халат не надеть? Белый цвет тонкий, красивый — а этот смотреть, извините, противно». А Беляев смеется: «Нет,— говорит,— теперь мы только в таких работаем. Вы же сами настаивали, вам правда нужна».

За более чем сорок лет творческой деятельности Судаков создал сотни работ — портретов, пейзажей, акварелей, рисунков, натюрмортов. Интересует его и батальная живопись: после поездок на Дальний Восток он написал многофигурную картину «Капитуляция Квантунской армии».

Его герои — это известные советские ученые, академики: К. Скрябин, О. Шмидт, А. Опарин, К. Сатпаев, Е. Павловский; писатели — среди них М. Шолохов, Л. Леонов. Картина «Максим Горький в гостях у Серафимовича» стала первой в его писательской портретной галерее. Есть у художника и портреты Героев Советского Союза генерал-полковника В. Шатилова, М. Кантария, Ф. Зинченко, С. Неустроева, М. Егорова, И. Сьянова, воинов-пограничников. Он ездит к шахтерам, колхозникам, рыбакам, делает множество этюдов, и в результате появляется картина, такая, скажем, как «Встреча бригады победителей на шахте». Интересные работы он привез из стран Латинской Америки, где побывал в длительных творческих командировках.

...Выставочный зал Союза художников РСФСР весь пронизан лучами заходящего солнца: солнечные блики падают на паркет, рисуют на нем клетчатый переплет высоких окон, придают особую яркость, влажность букетам сирени, стоящим в керамических вазах на полу, и по-новому празднично освещают картины, висящие на стенах,— картины Павла Федоровича Судакова.

Даже не будучи знакомым с художником, только глядя на его работы, можно угадать натуру, особенности характера. Естественность — вот, пожалуй, основная его черта. Естественность, без которой нет подлинной творческой свободы, без которой нет жизни,— а художник Судаков очень любит жизнь. Вот, скажем, его натюрморт «Рыбец» — до чего же аппетитны эти висящие в связке сочные вяленые рыбины, чувствуется даже их запах! И вместе с тем улавливаешь хитроватый прищур автора: согласитесь, как бы говорит он нам с улыбкой, ведь жизнь прекрасна!

На выставке много пейзажей, доносящих до нас аромат свежести русской зимы, а в подчеркнуто толстом слое чуть не ватного снега чувствуется та же улыбчивая ликующая интонация — жизнь прекрасна! А рядом — церковь из села Коломенское: ранняя весна, теплое марево покрывает зеленый косогор, стремительные облака проносятся в высоком небе. По-рыловски крепко написано полотно «Северный ветер». Крик чаек, шумный, мощный поток северной реки, предгрозовое тяжелое небо и бьющий наотмашь пружинистый северный ветер.

Совсем в другом ключе написан холст «Кабардино-Балкария». Снежная гряда гор, глубокие фиолетовые тени на откосах, по бесконечной дороге скрипит арба, едет всадник в черной бурке.

Художнику присуща особенная, доверительная уютность в решении интерьеров: «У русской печки», «За чаем», «Русская баня», «Уголок моей мастерской» — туда хочется зайти, обжиться.

Прекрасно нарисованы образы писателей — Михаила Шолохова и Эрнеста Хемингуэя: обаяние таланта — вот что распознается в них мгновенно.

В лучших традициях русской школы написан блестящий этюд «Егерь Иван Архипович». Художнику Судакову удалось в этом небольшом холсте показать всю силу истинно станковой живописи, восходящей по своим традициям к таким титанам русского искусства, как Суриков и Репин.

С этой картиной перекликается портрет «Крестьянин в серой рубахе». Монохромность, легкое касание кистью холста — а сколько темперамента вложено, сколько душевной энергии! У крестьянина жилистая широкая шея и жиденькая бороденка на впалых щеках, слезящиеся глаза в красных, воспаленных веках часто-часто помаргивают. И долго будет видеться, помниться это частое, как бы испуганное помаргивание — настоящая живопись всегда несет в себе заряд динамики, она не застывает на холсте, она дышит, живет.

— Бывают картины,— говорит Судаков,— требующие долгой сосредоточенности, длительного внимания. Но иной раз приходит счастливый миг — вижу, и написать хочется. Тогда ни в коем случае нельзя откладывать — завтра это уже не напишешь. Так было и с Ириным портретом, так вообще нередко бывает. Но помедлишь — улетел настрой внутренний, исчезло, растворилось то, что вроде бы так ясно ощущал. «Чудак,— про себя думаешь,— что же сразу-то не схватил — сразу писать надо было»...

Выражение лица художника сделалось растерянным — точно действительно улетело, растворилось нечто, что он готов был уже схватить. Счастливый миг — сколько их проносится в нашей жизни! И, наверное, только тогда мы по-настоящему впитываем, понимаем жизнь. Но вот мгновение остановить, воплотить его в картине, в стихотворении, в мелодии — на это способен только мастер.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПАРОХОД

Лет семь-восемь назад я познакомился с первым помощником капитана современного океанского лайнера «Ставрополь» Б. В. Быковским. Улыбчивый, добродушный, Борис Васильевич много рассказывал о своем судне, о его замечательных людях. А потом заметил:

— Наш «Ставрополь» — уже второе судно с таким названием. Первое входило в состав Российского добровольного флота и было куплено в начале века в Норвегии на средства, собранные жителями Ставрополя. Героический был пароход. Он проложил морской путь из Владивостока к устью Лены и Оби, высаживал первых советских колонистов на остров Врангеля, принимал участие в спасении членов экспедиции Амундсена...

Я специально занялся историей парохода. Удалось найти людей, плававших на судне, снимки, обнаружить интересные архивы. В фондах Одесского музея Морского флота СССР оказались записки бывшего капитана парохода «Ставрополь» Августа Оттовича Шмидта о событиях далеких двадцатых годов.

«Не желая подчиняться правительству господ Меркуловых, обосновавшихся на Дальнем Востоке, — писал капитан,— 6 июня 1921 года «Ставрополь» снялся из Владивостока с грузом железного лома в китайский порт Чифу... Китайское правительство по просьбе посольства Дальневосточной республики задержало пароход в порту. Все попытки и уговоры с целью вернуть судно во Владивосток не находили у команды поддержки. Моряки категорически отказались служить белогвардейцам.

...Меркуловское правительство после уговоров перешло к действиям. Оно лишило моряков жалованья и прекратило выплату столовых денег. Наступили тяжелые дни. Только благодаря доброте местного беднейшего населения мы получали от него кое-какие продукты в кредит... Меркуловцы решились на крайнюю меру. Они намерены были захватить непокорное судно силой. С этой целью они послали военное судно «Магнит», которое ранним утром 5 июля 1922 года вошло в гавань и направилось к борту парохода «Ставрополь», которым после съезда капитана на берег стал по выбору моряков командовать я. Пираты намеревались захватить нас спящими. Но благодаря бдительности вахтенных — кочегара Погорелова и повара Корчагина, — мы не дали захватить себя врасплох. Мы обратились к китайскому комиссару по иностранным делам с просьбой немедленно прекратить разбой (угрожая в противном случае затоплением судна в акватории порта). Китайские власти вынуждены были вызвать к себе командира «Магнита» — и потребовали от него немедленно отойти от «Ставрополя» и в течение 24 часов оставить Чифу.

25 октября 1922 года, в день занятия Владивостока Народно-Революционной армией, на пароходе «Ставрополь» мы подняли красный флаг. 17 ноября 1922 года, после полуторалетней разлуки с Родиной, мы отдали якорь в бухте Золотой Рог. В это время в порту стояли всего лишь три судна. Это было все, что осталось от русского торгового флота на Тихом океане...»

Такова история подвига парохода и его команды, описанная в скупых строчках капитанской докладной записки. Чего стоил этот подвиг, можно судить хотя бы по тому, что все члены команды вернулись домой больными — ведь китайские власти отказывали судну в продуктах, и последние несколько месяцев пищу моряков составляла в основном солонина, запасы которой имелись на борту. Съезжать на берег русским было запрещено, и они пили только ту дождевую воду, которую удавалось собрать в растянутый на палубе брезент.

Ю. ХРИСТИНИН

Ставрополь.

ЧТО З

Там, где рабочий человек знает, что к его голосу прислушиваются, с ним считаются, что его позиция действительно учитывается при разработке социальных и хозяйственных планов,— там и только там он чувствует себя подлинным хозяином производства, хозяином своей судьбы.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи на XVI съезде профсоюзов СССР

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬСЯ!

В приемную Краснодарского крайисполкома вошел невысокий, сухопарый старичок. Он степенно со всеми раскланялся, пожелал доброго здоровья и уселся на крайний стул. Старичок не суетился, не ерзал, не просил пропустить вне очереди, а когда пригласили в кабинет, прошествовал туда неторопливо и очень достойно.

— Честно говоря, я долго не мог понять, чего он от меня хочет,— рассказывает заведующий приемной А. И. Гриза.— Старичок говорил о похолодании на планете, об энергетическом кризисе, о дефиците жидкого топлива, а потом достал из хозяйственной сумки груду бумаг, рисунков и чертежей. Все ясно, решил я, или изобретатель вечного двигателя, или... А что: человеку за восемьдесят, все возможно. Но потом до меня дошло, что Николай Евдокимович Михайлусенко предлагает проект экономичной печки для обогрева домов. «Вот чертежи, вот отзывы хозяев, вот расчеты,— говорил он.— Шестьдесят лет кладу эти печи, тысячи краснодарцев пользуются ими — и все довольны». «Так что же вы хотите?» — спросил я. «Издать книжку или какое-нибудь пособие. Стар я. Да и учеников нет. Не унести бы секрет с собой. А на том свете, говорят, тепло, коегде так просто жарко,—пошутил он.— Словом, забирайте бумаги и печатайте. А деньги — в Фонд мира. Мне ничего не нужно».

Вот вам и жалобщик! Что делать? Попросил Николая Евдокимовича зайти недели через две, а чертежи передал специалистам-коммунальщикам. Те со смехом вернули: какие, мол, печи, кому они нужны в век газификации и электрификации?! Я слово в слово передал все старому мастеру. Тот спокойненько сгреб бумаги в сумку и ушел... А через месяц получаю письмо из Комитета народного контроля СССР, в котором говорится, что предложение Н. Е. Михайлусенко заслуживает самого пристального внимания и рекомендуется издать брошюру о его опыте. Вот так! Не разобрались мы толком, отмахнулись от человека — и пожалуйста, повторная жалоба. Да и дело-то, как оказалось, действительно стоящее: чуть ли не горстью щепок можно обогреть три-четыре комнаты. Если же учесть, что частных домов, особенно на окраинах города, в районных центрах и станицах, много, то проекту старого мастера цены нет!

Я потому так подробно рассказываю об этом случае,— подвел итог А. И. Гриза,— что он меня многому научил. Мы ведь здесь привыкли, что на прием приходят в основном по жилищным вопросам. Половина посетителей считает: они и только они имеют право на внеочередное получение квартиры. А тут совсем другой случай, совсем другая проблема. Человек пришел не брать, а давать.

Человек пришел не брать, а давать... Эти слова и меня заставили на многое взглянуть по-новому.

В августе прошлого года Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «О работе городского, районных и поселковых Советов народных депутатов Краснодара по рассмотрению предложений, заявлений и жалоб граждан». В этом постановлении подробно рассматривается и положительный опыт краснодарцев — а он, безусловно, есть — и указывается на существенные недостатки.

Итак, город Краснодар... На что жалуются трудящиеся, чего добиваются? Доходит ли их голос до руководителей городских организаций? Не приходится ли обращаться в краевые и республиканские органы?

В прошлом году в Советы народных депутатов Краснодара, их отделы и управления обратилось более 87 тысяч человек и поступило 154 тысячи писем. Иначе говоря, примерно каждый третий житель краевого центра либо приходил к кому-то на прием, либо писал письма. Много это или мало? На мой взгляд, много. А теперь попытаемся разобраться, чего добивались, на что жаловались люди.

Много писем, жалоб и других обращений так или иначе связано с жилищными вопросами. Как правило, речь идет об улучшении жилищных условий: женился сын, выросла семья, появились внуки. И даже таких просьб за последние годы стало заметно меньше. Объясняется все просто: в Краснодаре много строят. Только за два с половиной года десятой пятилетки сдано 564 тысячи квадратных метров жилья. Раз уж заговорили о строительстве, сразу отметим, что за это же время введено три школы, пять больниц и поликлиник, четырнадцать детских садов и яслей, тридцать восемь магазинов, шестьдесят пять предприятий бытового обслуживания. Таким образом, ликвидирован повод для многих и многих писем. Раньше люди много жаловались на очереди в поликлиниках, на то, что жителям новых районов в химчистку или прачечную приходилось ездить за тридевять земель, а в булочную или гастроном — и того дальше. Теперь таких писем тоже заметно поубавилось.

Транспортная проблема многие годы была притчей во языцех, писем по этому поводу приходило великое множество. Пешком добирались до своего предприятия рабочие завода радиоизмерительных приборов, часами простаивали на остановках жители поселка гидростроителей, северного микрорайона, труженики фарфоро-фаянсового завода «Чайка». Продлить старые маршруты трамваев и продолжить новые, открыть автобусные и троллейбусные линии — дело нелегкое: нужно решить проблему снабжения электроэнергией и горючим, получить трамвайные вагоны и автобусы. Сейчас поток писем и жалоб на работу транспорта практически иссяк: еще бы, за последние годы открыто четыре троллейбусных и пять автобусных маршрутов, продлены многие трамвайные линии. В горисполкоме не скрывают, что если бы жители не ставили эти вопросы перед городскими властями и общественными организациями так активно, транспортная проблема решалась бы куда медленнее.

А снабжение водой... Как и во всех южных городах, в Краснодаре вода чуть ли не главная ценность. До недавнего времени ее не хватало. Сколько это порождало неудобств в быту, нетрудно представить. Нетрудно представить и то, сколько было по этому поводу писем и жалоб. Теперь построены новые водозаборные сооружения, пробурены сотни скважин — на каждого краснодарца приходится 220 литров воды в сутки. Казалось бы, все сделано, а письма идут! Правда, теперь характер жалоб совсем иной: люди поднимают вопрос об экономии расходования воды, о создании централизованной аварийно-диспетчерской службы, об ограничении потребления питьевой воды на технологические нужды предприятий.

— Как видите, краснодарцев волнуют проблемы, связанные не только и не столько с их личными нуждами, сколько с правильным ведением всего общегородского хозяйства,— говорит заместитель председателя горисполкома В. А. Самойленко.— А это — прямое свидетельство их возросшей гражданской зрелости. Мы всячески поощряем такого рода обращения, но при этом ни на минуту не забываем, что за каждым письмом — человек, за каждым фактом — проблема. И путь для сокращения потока писем по тому или иному вопросу только один: решить эту проблему. Ну, а коли возникает повторная жалоба, значит, не решена проблема, породившая ее. В таких случаях мы строго взыскиваем с виновных. Достаточно сказать, что вопросы повышения ответственности должностных лиц, государственных и общественных органов в работе с письмами, жалобами и другими обращениями граждан 16 раз обсуждались на сессиях народных депутатов Краснодара и 209 — на заседаниях постоянных комиссий. К сожалению, не все руководители понимают важность этой работы, бывают случаи, когда грубо нарушается порядок рассмотрения писем и жалоб. С такими горе-руководителями мы решительно расстаемся: в прошлом году тридцать должностных лиц были привлечены к строгой дисциплинарной ответственности.

Информированность населения, гласность мер, принимаемых по тому или иному вопросу, отчеты работников исполкома в трудовых коллективах, своевременная реализация наказов избирателей, четкость, оперативность и доброжелательность в рассмотрении писем и жалоб, неукоснительное соблюдение дней и часов приема руководителями учреждений и предприятий — вот, на мой взгляд, те основные нормы, которые надо соблюдать, чтобы не потерять связь с жизнью, с теми заботами и проблемами, которые волнуют краснодарцев.

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ!

Одно из писем, с которым меня познакомили, привело в Тимашевский район. Звеньевой колхоза «Искра» А. Ф. Ворошилов писал, что их станица Новокорсунская — одна из старейших в крае: первые дома появились в 1804 году. Сейчас здесь живет около четырех тысяч человек. В станице прекрасный Дворец культуры, торговый центр, Дом быта, отличная школа... Колхозники работают замечательно, только зерновых собрали по пятьдесят центнеров с гектара, да и живут зажиточно: в станице двести личных автомобилей и тысяча мотоциклов. А какие хорошие у всех дома! Но вот беда — край степной и холода зимой сибирские. А с топливом худо. За угольком приходится ездить аж в Донбасс! Газ бы провести, чтоб было в домах и тепло и горячая вода. На фермах она, кстати, тоже не помешает. Средства в колхозе есть, рабочих рук хватит, но все уперлось в трубы. И надо-то их не так уж много, до магистрали рукой подать. А достать невозможно...

И вот я в Тимашевском районе. Уже пять лет он носит высокое звание «Район высокой культуры земледелия», награждался переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС. Здесь восемь колхозов, шесть совхозов, и все — один крепче другого.

Председатель Тимашевского райисполкома Н. П. Стешенко молод, энергичен, самозабвенно любит свой район. Рассказ о нем Николай Петрович предложил совместить с показом. До Новокорсунской всего шестнадцать километров, но Николай Петрович успел о многом рассказать и назвал несколько интересных цифр: 8846 тимашевцев награждены орденами и медалями, среди них 11 Героев Советского Союза и столько же Героев Социалистического Труда; 90 процентов выпускников школ остаются работать на селе, а из армии возвращаются почти все демобилизованные воины.

Все это заслуживает пристального внимания. Что ни говорите, молодежь — самый верный барометр культуры сельской жизни и сельского труда. Если парни и девчата бегут в город, значит, что-то на селе неладно, значит, надо срочно принимать самые решительные меры, чтобы им не хотелось уезжать из дома. А ску-

А ПИСЬМОМ?

питься на стадионы, Дворцы культуры и т. п. нельзя, так же как ни на минуту нельзя забывать, что эти люди растят хлеб. Не будет хлеба, не будет ничего! «Хлеб всегда был важнейшим продуктом, мерилом всех ценностей». Эти слова Л. И. Брежнева, сказанные им в «Целине», должны стать своеобразным девизом в деятельности всех людей, так или иначе связанных с селом.

— Мы это прекрасно понимаем,— говорит Николай Петрович.— Тем более, что сейчас на повестке дня вопросы не столько материальные, сколько моральные. Все колхозы и совхозы достаточно хорошо обеспечены техникой, везде есть толковые специалисты, но у людей разный уровень ответственности, если хотите, совестливости. Смотрите, как буйно цветут сады! А сегодня ночью синоптики обещали пять градусов мороза. Теперь обратите внимание: в саду справа от дороги почти у каждого дерева кучи соломы, старые автомобильные скаты — когда их подожгут, дым прикроет сад. Урожай будет спасен! Слева — другой колхоз. В саду, как видите, ни соломы, ни покрышек нет. Урожай, стало быть, погибнет. И претензии предъявлять вроде бы негоже: стихия есть стихия. Но ведь сосед-то действует, борется! Таких людей нам пока что не хватает. И все же их становится все больше и больше. Именно они наша опора, наша надежда на будущее.

А вот и теплицы агропромышленного комбината «Прогресс». Красота! Пять лет получаем мы круглогодично свежие огурцы и помидоры. А скоро и цветы пойдут. Начинали с шести гектаров закрытого грунта, вот-вот будет тридцать, а в перспективе единый межколхозный огород площадью 1200 гектаров. Теплиц становится больше, урожаи выше, значит, и рабочих надо много, причем женщин. Директор комбината А. М. Шаленый добился, я бы сказал, идеального решения этой проблемы: прежде чем строить новые теплицы, начал строить жилье. Сейчас здесь работает 250 человек, все имеют благоустроенные квартиры. Скоро понадобится еще 150 работниц — строительство дома идет полным ходом. А чтобы привлечь именно женщин — многие из них не идут работать только потому, что некуда деть ребятишек, — заложили прекрасный детский сад с игровыми площадками и плавательным бассейном. Казалось бы, все предусмотрено? Оказалось, нет. Недавно в райисполком пришло письмо от группы комсомольцев «Прогресса». Они пишут, что в совхозе слишком увлекаются хозяйственным и жилищным строительством, но хорошего спортивного комплекса до сих пор нет. А без него что за жизнь?! Что ж, ребята правы, придется директору поднатужиться. Ничего, он мужик крепкий, потянет и эту стройку, — весело закончил Николай Петрович.

Первое, что замечаешь, подъезжая к Новокорсунской,— великолепный Дворец культуры. Честно говоря, я таких еще не видел. Огромное и в то же время легкое здание оригинальной архитектуры высится на холме. Близился вечер. Закатное солнце омывало горделивый дворец, облицованный розовым армянским туфом. А рядом кипень цветущих садов. Чуть поодаль школа. Если она и уступает в красоте Дворцу культуры, то немногим. С истории строительства этой школы и начал свой рассказ председатель колхоза Н. М. Капленко.

— Школа у нас была, и неплохая, но колхозники все время жаловались: у соседей, мол, ребята учатся в одну смену, занимаются не в классах, а в кабинетах. На всех сходах и собраниях так или иначе поднимался этот вопрос. Больше всего доставалось мне, как депутату крайсовета: действуй, депутат, мы тебя выбирали, изволь теперь защищать наши интересы. Я им и так и эдак, школа, да еще на тысячу с лишним мест,—это вам не курятник. Деньги у нас есть, но где взять материалы, строителей, как «пробить» ее в план? А люди свое: строй, председатель, и все тут! В конце концов навалились всем миром и подняли школу за... восемь месяцев. Думаю, что это если не всесоюзный, то, уж во всяком случае, республиканский рекорд.

— А что с газификацией? Ваш звеньевой пишет, что газа не хватает, за углем куда только не приходится ездить...

— Увы, он прав,— вздохнул Николай Максимович.— На сегодняшний день это вопрос вопросов. В принципе газ есть во всех домах, но это баллоны, их хватает лишь на кухонные нужды. А для отопления нужен сетевой газ. Если же учесть, что нам удалось решить проблему снабжения водой, да не в 1982 году, как планировалось, а нынче, нетрудно представить, как люди ждут газ. Подогреть бы эту воду — вот вам и тепло, и ванна, и прочие городские удобства. Но все уперлось в трубы! Отдел строительства крайкома партии обещал помочь, правда, лишь в 1980 году. Так что придется еще одну зиму бедовать и добывать уголь.

И тут я рассказал о печке Н. Е. Михайлусенко.

— Да ну! — обрадовался председатель.— Завтра пошлю к нему гонцов. Пока дождешься той брошюры, закоченеешь. А мы тут мигом наладим печную бригаду.

Потом я задал такой вопрос:

— Николай Максимович, а на вас никогда не жаловались?

— В каком смысле?

— Ну, мало ли... Отказались кого-то принять, кому-то не помогли, отмахнулись от чьей-то беды.

— Гм... вопросик! Чтобы кого-то не принял, такого не было. Каждую субботу с восьми до двенадцати я в этом кабинете — и ни на шаг. Как говорится, хоть гром, хоть ливень, а день приема—святой день. Люди ведь его ждут и приходят с разным. У кого-то рушится семья: просят приструнить пьянчугу-мужа. Мы его на сходе так пропесочим, что на всю жизнь забудет, где винный отдел магазина. Бывает похуже: шофер совершил аварию, и ему грозит суд. Я-то знаю: парень он хороший, семьянин, крепкий работник. Но пришла беда. Кто поможет, кто поддержит, как не родной колхоз? Выделяем общественного защитника, а то и вовсе берем на поруки.

А однажды пришел Иван Батий. Он у нас слесарит на химкомплексе. Вошел и с ходу начал меня пробирать, да еще в присутствии членов правления. Куда ж ты, говорит, председатель смотришь? Близорукий стал—носи очки. Или тебе народная копейка не дорога? Садись, отвечаю, потолкуем. Очки — дело наживное, а что касается копейки, давай выкладывай. Пока он выкладывал, я сидел красный как рак. Что и говорить, стыдно было. Да и дело оказалось не копеечное! Есть у нас химкомплекс—со складами удобрений, химикатов, мастерскими и даже аэродромом. Само собой, там свой начальник, механик, слесари-ремонтники. А рядом—мехкомплекс, попросту говоря, механизированный элеватор. Там тоже начальник, механик и т. д. Вот Батий и предложил объединить эти комплексы. Сколько народу высвобождается, сколько средств, сколько хороших рабочих рук можно пустить в дело! Теперь у нас единый комплекс, и работает он отлично, — закончил Николай Максимович.

Такого рода жалобы и предложения меня особенно интересовали. Ведь тот же Иван Батий как был слесарем, так слесарем и остался. Премию он не получил, зарплату не прибавили. Тогда почему он шел на риск испортить отношения не только со своим прямым начальником, но и с председателем колхоза? Да потому, что чувствовал себя хозяином — хозяином комплекса, хозяином земли, хозяином колхоза. И, как настоящий хозяин, он не мог не видеть, что на ветер идут народные, а значит, и его деньги.

В тот же день я побывал в станице Роговской, и председатель колхоза имени Калинина А. А. Багмут рассказал, как пришла однажды на прием пчеловод Нина Григорьевна Темерница и предложила организовать добычу маточного молочка. Дело это необычное, хлопотное, заниматься им можно всего лишь месяц в году, работать надо чрезвычайно осторожно и только на рассвете, пока пчелы не активны. Казалось бы, какие еще пчелы, какое молочко, когда на плечах председателя тысячи гектаров хлеба, семь тысяч голов крупного рогатого скота, пятьсот тысяч — птицы?! Но он помог Нине Григорьевне, и в конечном счете не столько ей, сколько миллионам больных, которые теперь получают уникальные препараты, изготовленные из этого молочка Одесской фабрикой лекарственных препаратов. Не внакладе и колхозная касса: пчеловодство стало рентабельным и приносит тридцать тысяч рублей прибыли в год.

А история с гусиной фермой! Сейчас она ежегодно дает 250 тысяч гусят, причем продают их в основном населению. Между тем несколько лет назад ферму хотели закрыть: хлопотное это дело — разводить гусей, да и дохода никакого. Тогда-то и пришла в правление группа колхозников. Они сказали так: до Тимашевска рукой подать, мы, конечно, можем ездить за мясом в городские магазины, но вы, товарищи члены правления, подумайте, правильно ли это будет, по-государственному ли? Подумали члены правления, посоветовались и гусиную ферму не только не закрыли, а расширили. Сейчас ее продукцию охотно приобретают и жители соседних станиц.

ЗНАТЬ О НУЖДАХ

В Новороссийск я ехал с волнением. Никаких писем, относящихся к этому городу, мне не давали, но быть в этих краях и не повидать Новороссийск просто нельзя. Город-герой, город-легенда, город, занимающий особое место в истории Великой Отечественной войны.

И вот сижу в горисполкоме, листаю документы, справки, делаю выписки. Некоторые из них я попросил прокомментировать председателя горисполкома Ю. В. Семенова.

— Начнем с вопросов, как принято говорить, негативных,— предлагает Юрий Владимирович.— В прошлом году мы объявили выговоры начальнику жилищного управления, заведующему отделом народного образования и начальнику управления коммунального хозяйства «за нарушение сроков и формальное отношение к разрешению писем и жалоб граждан». А начальнику строительного участка вначале объявили замечание, а позже вообще сняли с работы. Несколько позже горисполком обратил внимание председателей Ленинского и Приморского райисполкомов на факты нарушения сроков в разрешении заявлений, писем, жалоб и предупредил их о персональной ответственности за состояние этой работы.

Прошел год, и картина заметно изменилась. Если раньше приходящие ко мне на прием начинали разговор с жалоб: дескать, были там-то и там-то, но с ними обошлись грубо и в помощи отказали, теперь, мол, вся надежда на вас,—то ныне этого не бывает. Симптом отрадный: значит, руководители учреждений и предприятий поняли важность работы с письмами и другими обращениями граждан, усвоили правильный стиль бесед на приемах, и если уж вопрос вне их компетенции, посоветуют, куда обратиться. Слово «жалобщик» у нас вообще отсутствует, его нет ни в документах, ни в разговорной речи. Раз человек пришел к руководителю учреждения или тем более в горисполком, значит, его, как говорится, допекло.

Мы считаем, что частенько жалобы возникают из-за недостаточной информированности населения насчет того, что намечается построить, реконструировать или снести в том или ином районе. Именно поэтому регулярно проводятся отчеты горисполкома

и райисполкомов перед коллективами предприятий. Представители горисполкома не раз встречались с рабочими заводов вагоноремонтного и «Молота», с коллективами Новороссийского морского пароходства и Черноморского управления магистральных нефтепроводов. На одной из таких конференций мы с радостью сообщили: наконец-то удовлетворена многолетняя жалоба нефтяников и моряков—троллейбусная линия продлена до Шесхариса — есть у нас такой район,— и теперь людям не надо целых три километра идти пешком от последней остановки до своих предприятий. Нас поблагодарили, но напомнили, что попасть в поликлинику — проблема, в родильный дом — тоже, а первой городской больнице просто необходим хирургический корпус. Пришлось засучить рукава! Теперь мы можем доложить нашим землякам, что и эти пожелания выполнены.

А вот с жильем сложнее. Нельзя забывать, что во время войны девяносто пять процентов города было разрушено. Начинали мы с нуля: с времянок, бараков, небольших домишек. Совершенно естественно, что теперь люди требуют квартир со всеми удобствами. Мы строим, и строим немало, только в прошлом году сдано 105 тысяч квадратных метров жилья. Но нужда в жилье по-прежнему острая. Ничего, скоро начнет работать новый домостроительный комбинат, и дело пойдет веселее. Об этом, кстати, знает каждый новороссиец, так что теперь люди не столько требуют квартиры, сколько ревностно следят за сооружением домостроительного комбината.

И все же мы порой идем на некоторые «нарушения» в распределении жилья. Скажем, в прошлом году, Году женщины, горисполком вне всякой очереди дал квартиры женщинам — инвалидам войны. В этом году — Году ребенка — первыми получают квартиры многодетные семьи.

В заключение я назову одну цифру: девяносто процентов писем и жалоб разрешаются на местах, то есть в учреждениях, на предприятиях, в райисполкомах. Десять процентов, которые приходятся на долю горисполкома, как правило, не содержат жалоб на районные или другие организации — просто, как я уже говорил, есть вопросы, которые вне их компетенции.

Мы этим, безусловно, гордимся. Так же, как вообще гордимся нашими земляками. Новороссийцы — народ дружный, боевой, воспитанный в лучших патриотических традициях. И все, что мы делаем, подчинено великой цели, провозглашенной Коммунистической партией Советского Союза: все во имя человека, все для блага человека.

* * *

Мы прекрасно понимаем, что далеко не везде дела обстоят так, как в Краснодарском крае. Ясно и то, что опыт краснодарцев хоть и интересен, но не во всем совершенен. Мы надеемся, что публикация этого очерка послужит поводом для большого и серьезного разговора о том, как в других городах и селах работают с письмами и жалобами трудящихся. Ждем ваших писем, дорогие товарищи. Добро пожаловать!

Александр ВОЛЬФ

С Е С Т

Герой Советского Союза Валентин Кириллович Ерошкин, бывший разведчик 8-й гвардейской армии, а ныне редактор городской электронно-световой газеты в Балакове, ехал в Чехословакию. Он уже много лет возглавляет в своем городе отделение советско-чехословацкой дружбы, и вот товарищи из Братиславы пригласили его к себе в гости. В дороге он купил свежую газету и, удобно устроившись у окна уютного купе, раскрыл ее. И вдруг сердце радостно дрогнуло: «Маша, сестренка! Неужели она?» Но под фотографией подпись: «Полный кавалер ордена Славы медицинская сестра Матрена Семеновна Ноздрачева». И имя другое, и фамилия не та... Что фамилия другая — объяснить просто, вышла замуж, вот и стала Ноздрачевой. А имя! Ее же Машей звали, их санинструктора, их сестренку...

Валентин Кириллович вглядывается в фотографию, узнает и не узнает. Ведь прошло уже тридцать с лишним лет, как они расстались. Ерошкин начал читать корреспонденцию, в которой рассказывалось о послевоенной судьбе Матрены Семеновны. Она и теперь работает медицинской сестрой. «Дверь ее дома откроется в любое время, если кто-то захворал, если случилась беда...» Ерошкин прочитал эти строки и утвердительно кивнул головой: «Она, сестренка!.. Но почему другое имя? Матрена... Не нравилось, может, ей это имя, вот и назвалась Машей. Бывает... Да и редко звали ее по имени. Все так, сестренка, сестренка... А ордена? У Маши было два ордена Славы, а не три. Но где разошлись наши дороги? На выходе к Одеру... Могла получить и третий орден Славы, обязательно, раз дошла до Берлина...»

Ерошкин опять вгляделся в фотографию, а потом снова перечитал эти строки: «Дверь ее дома откроется в любое время...» И снова утвердительно кивнул: «Она! Ее душа, ее...»

Оторвавшись от газеты, Ерошкин на минуту закрыл глаза, и она так явственно, отчетливо предстала перед ним: молоденькая, с доброй и грустноватой улыбкой на обветренном, но нежном лице...

Вспомнилось, как после тяжелого ранения она вернулась в роту, как стояла на пороге хаты и глядела на своих «братишек» радостными, блестевшими от слез глазами и как сказала неожиданно тихим голосом:

— Споем, хлопчики?

И запела:

Ни тучки, ни хмары,
Та и дождик иде...

Машу ранило у него на глазах. Разведчики шли по проселку в расположение штаба — возвращались с задания. И вдруг из низкого облака вынырнул «мессер». Полоснул из пулеметов и скрылся. Один солдат был убит, а Машу ранило в бедро. Первыми к ней кинулись Ерошкин и Лаврентий Позигун. Но Маша протестующе подняла руку:

— Не подходите!

— Перевязать же тебя надо! Кровью изойдешь, дуреха! — сердито крикнул Лаврентий и наклонился над ней, тронул ногу.

— Отойди, сказала! — Запрокинув голову и стиснув зубы от боли, Маша на руках отползла в кусты и сама перевязала себя.

Ребята соорудили носилки, понесли ее. Она тут же потеряла сознание.

Сколько у них было радости, когда сестренка вернулась! Действительно, настоящий праздник... Все ребята души в ней не чаяли. Да и как было не любить ее? В бою не уступала самым храбрым солдатам. Даже знаменитый на весь фронт разведчик Борис Никитин порой изумлялся: «И откуда в ней такая крепость?»

Ерошкин прошел с Машей почти всю войну. В самых сложных операциях участвовали вместе: санинструктора обязательно включали в группу, если предстояло действовать за линией фронта. В Сталинграде при штабе 62-й армии был создан разведывательный отряд. В него отобрали лучших разведчиков дивизий. Им поручили проникнуть по подземным коммуникациям в тыл к немцам, ликвидировать штаб, находившийся в подвале разбитого здания. Группы наших разведчиков численностью 10—15 человек часто пробирались в тыл по канализационным или тепловым сетям, резали связь, уничтожали мелкие группы противника, офицеров. Но на этот раз операция предстояла более сложная: не так-то просто ворваться в штаб, а еще труднее отойти после такого налета...

Командир отряда капитан Воинков отобрал для этой операции 30 разведчиков. Имя Маши он не назвал. Однако, когда группа выдвигалась к переднему краю, командир отряда неожиданно увидел среди разведчиков санинструктора.

Герой Советского Союза В. К. Ерошкин.
Фото военных лет

— Младший сержант, вернитесь в расположение отряда! — приказал он.

— Товарищ капитан, а если будут раненые? Разрешите остаться!

Темная, ненастная ночь озарялась пожарами и вспышками орудийных выстрелов. Ерошкин хорошо видел выражение лица Воинкова. Оно говорило: «Это верно, но я не хочу, чтобы ты погибла. Не хочу!»

Какой это был человек, Воинков! Ерошкину в жизни не встречались люди красивее. Капитану было двадцать два, а он уже считался настоящим мастером разведки: был отважен, ловок, умел перехитрить противника. Вскоре он стал майором, Героем Советского Союза. Воинков прошел всю войну и ни разу не был ранен, а в Берлине, в последний час сражения, погиб.

— Раз уж оказалась здесь... идем! — минуту помедлив, разрешил капитан.

Группа вышла на поверхность в полусотне метров от дома, где находился штаб (в этом месте подземную коммуникацию разорвало

РЕНКА

взрывом бомбы, и разведчики знали это). Николай Сухоносов, Лаврентий Позигун и Николай Лизиков подобрались к станковому пулемету возле входа в подвал и без звука уничтожили расчет. Другие убрали часового, стоявшего в проеме двери. В большом низком подвале было полно гитлеровцев. Должно быть, вместе со штабом располагалась какая-то специальная команда. Капитан Воинков, прыгнувший в подвал первым, кинул гранаты, две сразу. Следом ворвались разведчики, открыли огонь из автоматов.

Никто из гитлеровцев, находившихся в зале, даже не успел схватиться за оружие. Из комнат, что выходили в зал, выскочили штабные офицеры, однако и с ними разделались мгновенно. Оказала сопротивление лишь небольшая группа, успевшая забаррикадироваться в дальней комнате. Ее уничтожил Ерошкин, забравшись наверх — этаж над подвалом частично уцелел,— кинул гранату в пролом.

То, что произошло, даже не назовешь схваткой — все было кончено за одну минуту. Но когда группа, сделав свое дело, выскочила из подвала, по ней открыли такой огонь, что все пятеро разведчиков, первыми бросившиеся через улицу к подземному ходу, были убиты. От попытки уйти подземным ходом, которым они пробрались к немцам в тыл, пришлось отказаться. Отстреливаясь, перебегая от укрытия к укрытию, разведчики стали отходить к переднему краю. Они хорошо знали район, в котором действовали, и скрылись среди дымящихся руин. Но через передний край пришлось прорываться с боем, ценою больших потерь, пустив в дело и гранаты и ножи.

Группа потеряла в этой операции почти половину своего состава — четырнадцать человек. Среди тех, кто остался за линией фронта, была и Маша.

Редко с задания возвращались все. Случалось, что и никто не возвращался. И каждую потерю надо было пережить. Но еще никогда не испытывали разведчики такой боли, такого отчаяния, как в ту минуту, когда увидели, что сестренки среди них нет.

А она вернулась. Вернулась на другую ночь, на рассвете. С двумя ранеными...

Вспомнил Ерошкин и далекую польскую речку Радомку и что случилось за этой речкой. Не мог не вспомнить...

Один из наших полков, выйдя к Радомке, попытался с хода форсировать ее, но попал под сильный огонь. Разведчики получили задачу уничтожить дзот противника за Радомкой и уточнить, где проходит первая линия его траншей.

Старшим группы назначили Ерошкина, который к тому времени стал сержантом.

Сразу переплыть Радомку не удалось. А ночь летом короткая — пока выждали, пока перебрались через Радомку и подползли к дзоту, начало светать. К счастью, склон холма, где находилась огневая точка, был порос высокой, кустистой травой, и Ерошкину удалось незаметно подобраться к дзоту вплотную. Нащупав амбразуру, он бросил туда противотанковую гранату.

После взрыва у немцев поднялась тревога. В небо взлетели осветительные ракеты. Ерошкин ворвался в дзот, схватил пулемет и его огнем остановил подбегавших немцев. Гитлеровцы отошли, и по холму ударили вражеские орудия. Двое разведчиков, самые опытные, были убиты, а Иван Петрищев тяжело ранен в живот. С Ерошкиным остались два молодых солдата, только что пришедших в роту, и санинструктор.

После артналета гитлеровцы снова пошли в атаку. Лежа за пулеметом, Ерошкин следил за темными пригнувшимися фигурками, мелькавшими в дыму. Он подпустил их поближе и нажал на гашетку. Пулемет забился в его руках, выметывая белое пламя, и вдруг осекся: кончились патроны. Казалось, гитлеровцы ворвутся на высоту, но навстречу полетели гранаты. Гранаты бросала Маша. Схватившись за автомат, крикнула:

— Держись, братишка!

А потом на разведчиков пошли немецкие танки. И когда молодые солдаты были убиты и гранат не осталось, Ерошкин выхватил из-за голенища ракетницу, вызвал огонь на себя.

Очнулся он в медсанбате. На соседней койке стонал Иван Петрищев. Их обоих вынесла Маша. Она спасла ему жизнь дважды.

...Поле, перепаханное минами и снарядами, в космах дыма, с редкими островами деревьев, обглоданных осколками и пулями. Сколько было всего за войну, бог мой, сколько он повидал и перенес за четыре года фронта, а вот это поле, черная полоса земли, отделявшая наш передний край от немецкого, проклятая «нейтралка», на которой он лежал с перебитыми ногами, никак не забудется, все снится и снится ему.

...Разведчики действовали в ту ночь небольшой группой. Задание было обычным — взять «языка». Разведчики засекли станковый пулемет, находившийся в боевом охранении, и решили захватить одного из солдат расчета. Подобраться к огневой точке не составляло большого труда; недалеко от поросшего кустарником холма, где стоял вражеский пулемет, проходила лощина.

Этой лощиной разведчики и подползли к немцам. Ерошкин хорошо помнит, как он полз, прижимаясь всем телом к земле, запах засохшей на корню травы, как глядел на солдата, стоявшего в окопе за пулеметом, на его широкие плечи и каску. Солдат время от времени давал короткую очередь. Ерошкин подполз к нему вплотную и ударил ножом. Второго, курившего в окопе, прикончил Николай Лизиков — прыгнул на него сверху. Третий солдат спал рядом, но ничего не услышал. Его скрутили прежде, чем он успел прийти в себя.

Группа стала незаметно отходить. Но кто-то из разведчиков зацепил автоматом за куст — грянула очередь. Поднялась тревога, передний край засверкал огнем. Гитлеровцы сразу же обнаружили разведчиков, открыли по ним фланговый огонь, отсекая путь отхода. Ерошкин и еще один разведчик залегли, открыли ответный огонь, давая возможность группе с захваченным «языком» скрыться в лощине.

Отходили медленно, отстреливаясь, отбиваясь гранатами, снова и снова прижимали гитлеровцев к земле.

У самой лощины пуля сразила напарника Ерошкина. Оставшись один, он продолжал сдерживать немцев, знал, что группа еще не достигла нашего переднего края.

Ерошкина ранило, когда он выбрался из лощины — это было как раз на середине «нейтралки»,— приготовился проскочить открытую полосу, отделявшую его от речки.

Очнулся он с рассветом. Кругом никого, черное, изрытое снарядами поле. И мертвая, немая тишина. Кое-как вспомнил, что было этой ночью. Догадался: контужен, оглушен взрывом. Полежав неподвижно несколько минут, пополз, но не преодолел и трех метров — потерял сознание. Когда очнулся, солнце уже оторвалось от земли, било в глаза. Он осторожно ощупал себя — голову, грудь, бока,— как будто бы цел. Только ноги не его, какие-то деревянные, не чувствует он их. Попробовал двинуть ими — сердце зашлось от боли. Понял: ноги перебиты.

Он пополз. Сжал зубы так, что занемели скулы, и пополз. Но только двинулся, по нему открыли огонь. Выстрелов он не слышал, видел только взлетевшие под пулями комья пересохшей земли — почти у самого лица. Ерошкин затих, и очередь пулемета тотчас оборвалась. Пополз снова, и опять очередь, опять у самого лица остро брызнули комья земли. Немцы решили не выпускать его, взять живым, это ясно.

Ерошкин затих, бессильно уронил голову на вытянутые, дрожавшие от слабости руки. Очнулся он, почувствовав, как под ним содрогается земля. Через силу приподнял голову, поглядел в сторону своего переднего края. За речкой среди кустов часто посверкивали огневые точки. Гитлеровцы били по ним и по своему берегу — он весь дымился. Ерошкин плохо видел, зыбкая горячая пелена застилала глаза, сознание путалось, но он все-таки понял, что происходит: наши заметили его и пытаются пробиться на помощь. Кто-то ползет к нему под прикрытием огня. «Надо к берегу, навстречу!»

Ерошкин вцепился в закаменевшую землю, медленно, через силу подался вперед, волоча перебитые ноги. Слезы градом катились из глаз, но он полз, полз, теперь даже работая правой ногой, коленом. Однако гитлеровцы следили за ним. Опять взрывные пулеметные очереди перед самым лицом. Пуля прошила руку...

Скоро огонь затих, затем — минут через двадцать — вспыхнул снова и опять затих. Это могло означать только одно: наши не могут пробиться к нему.

А солнце поднималось все выше и выше, жгло беспощадно. Ерошкин был в полузабытьи, минутами сознание терялось совсем, но он не переставал чувствовать жажду. Горло жгло так, словно в него всадили раскаленное железо. Он хватал, хватал распухшим, растрескавшимся ртом сухой, белый от зноя воздух, и боль в горле, в груди становилась нестерпимой. Ерошкин истекал кровью в этом пекле...

Его вынесла Маша. Четверо пытались пробиться к нему, но не смогли. Один был убит в сотне метров от него, второго ранило, когда он переходил речку, двое вернулись, не добравшись до речки,— такой на них обрушили огонь.

А санинструктор пробилась к нему, вынесла потерявшего сознание, умирающего. Потом, когда Ерошкин вернулся из госпиталя, он спросил ее:

— Сестренка, как же ты смогла вытащить меня на глазах у немцев?

Маша поглядела на него, грустновато улыбнулась:

— Обычное дело, Валя. Выбрала момент, когда немцы обедают, и вытащила...

И еще вспомнил Ерошкин операцию в польском городе Коло, за линией фронта, налет на кабаре, в котором развлекались фашистские офицеры. Маша — она, как и все наши разведчики, была в форме СС — первой вошла в зал, пересекла его спокойно, встала у двери, закрыв выход наверх. Когда разведчики открыли огонь и в зале началась паника, Маша одного за другим расстреливала офицеров, кинувшихся к лестнице.

Но разведчики любили сестренку не только за ее отвагу и особую самоотверженность. Они преклонялись перед ее девической чистотой и гордостью. Маша им говорила:

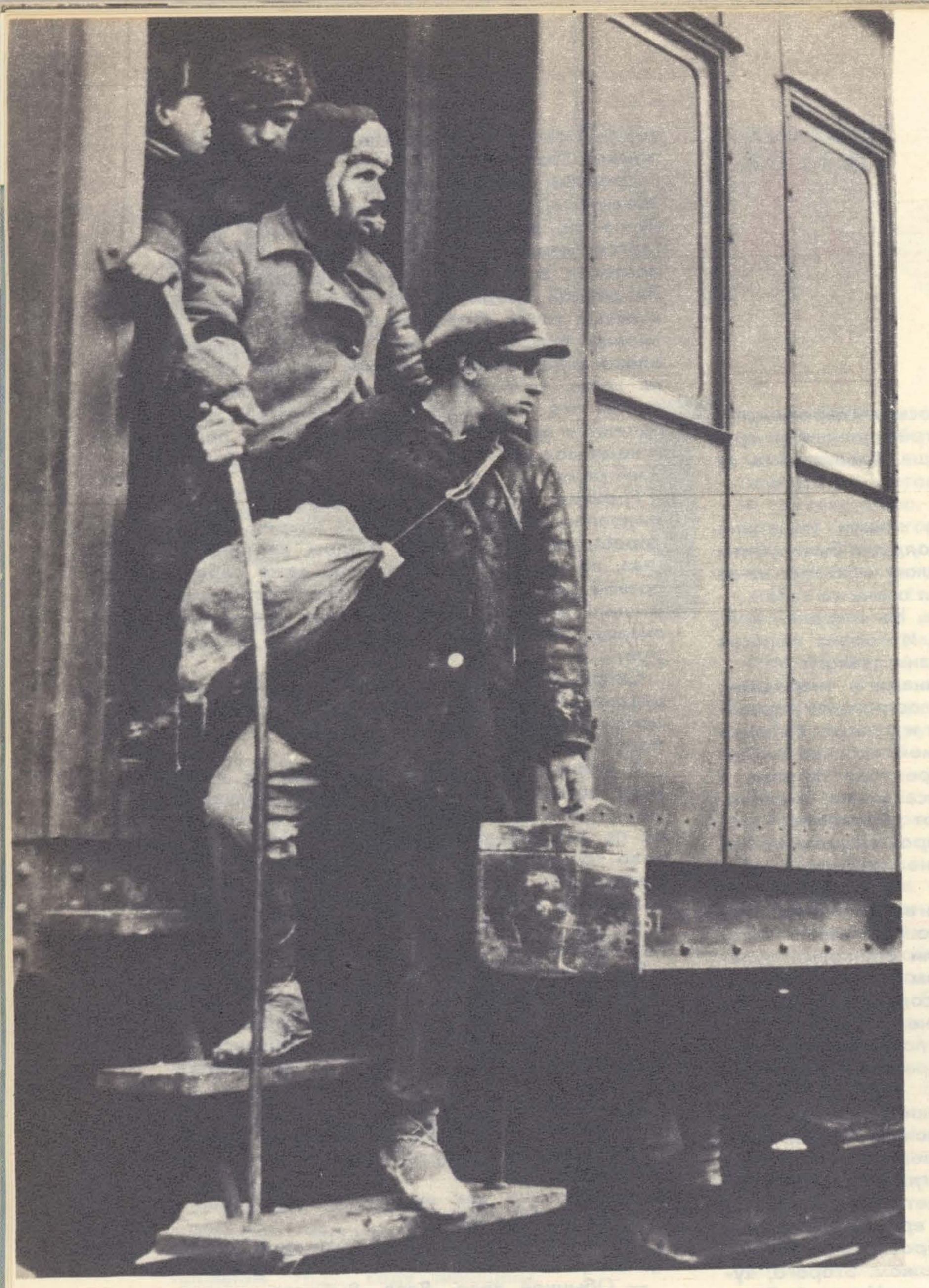
— Прошлое не уходит бесследно, ребята. Ничего нам не спишет война. Она запишет, братишки, кто ты есть и чего стоишь...

Ее очень любил друг Ерошкина — разведчик Лаврентий Позигун, погибший в конце войны на Висле. Когда Лаврентий признался Маше в своих чувствах, она ответила с грустной улыбкой: «Ты славный парень, Лавруша, и я дорожу дружбой с тобой, но другого не будет... Захлопни сердце для всего, что не касается боя!»

Валентин Кириллович обязан сестренке жизнью. Дважды обязан. Но он обязан ей еще и другим: она утвердила в нем веру в доброту и чистоту человека.

* * *

Когда я писал этот очерк, у меня не было сомнения в том, что Маша — это Матрена Семеновна Ноздрачева, что Валентин Кириллович не ошибся. Но все-таки решил послать материал героине — пусть прочитает, быть может, что-то уточнит, дополнит. Ответ был неожиданным: «Ерошкин ошибся, я воевала в другой части и начала после Сталинграда... С разведчиками была другая медсестра, но ведь была такая, была! Отказываться от очерка не следует. Возможно, Маша жива, прочитает этот очерк и откликнется...»

Первые строки в летописи Магнитки.

МАГНИТОГОРСКУ — 50 ЛЕТ

МАГНИТКА — ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

Владимир ПОПОВ

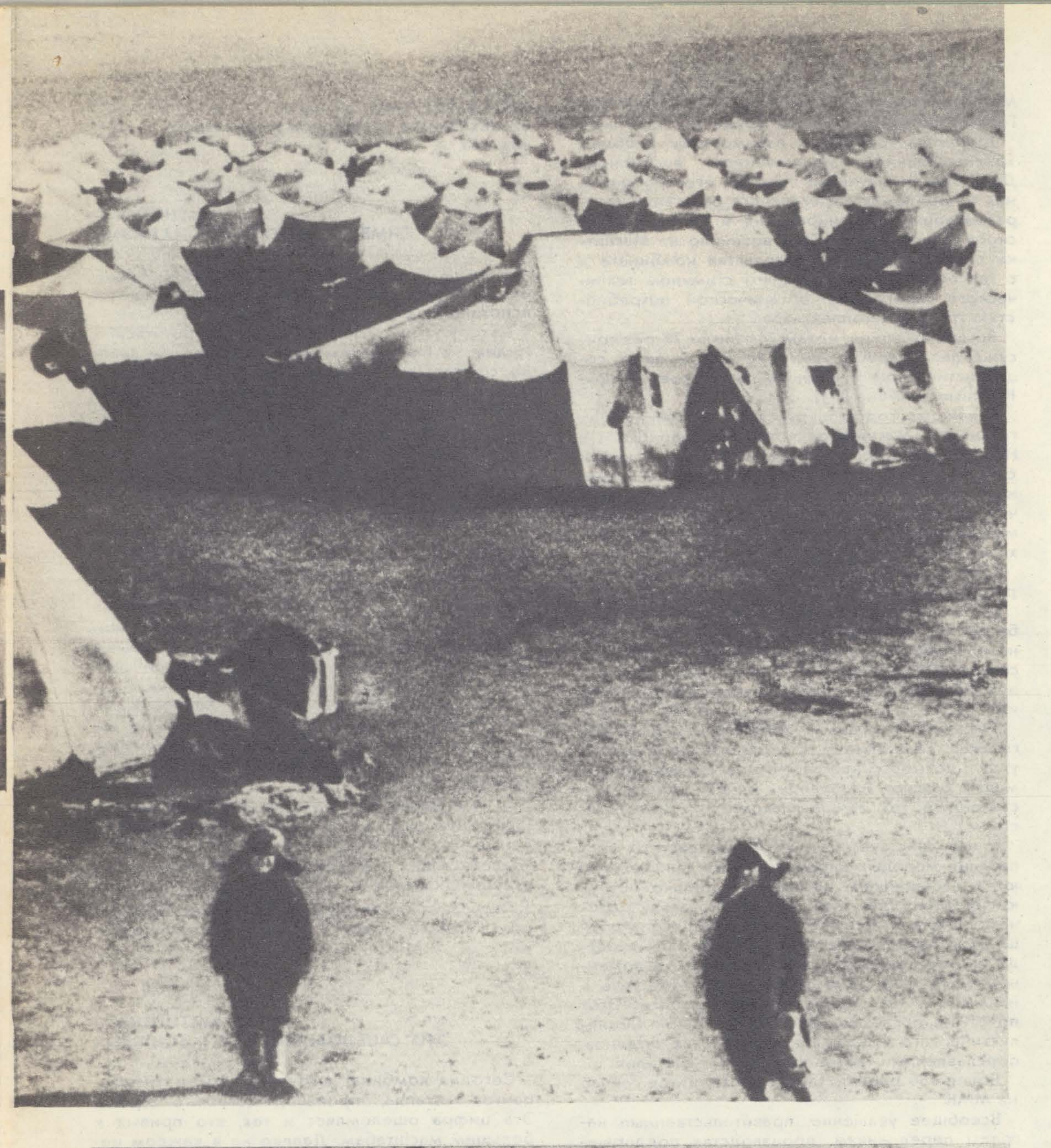
Фото М. Альперта

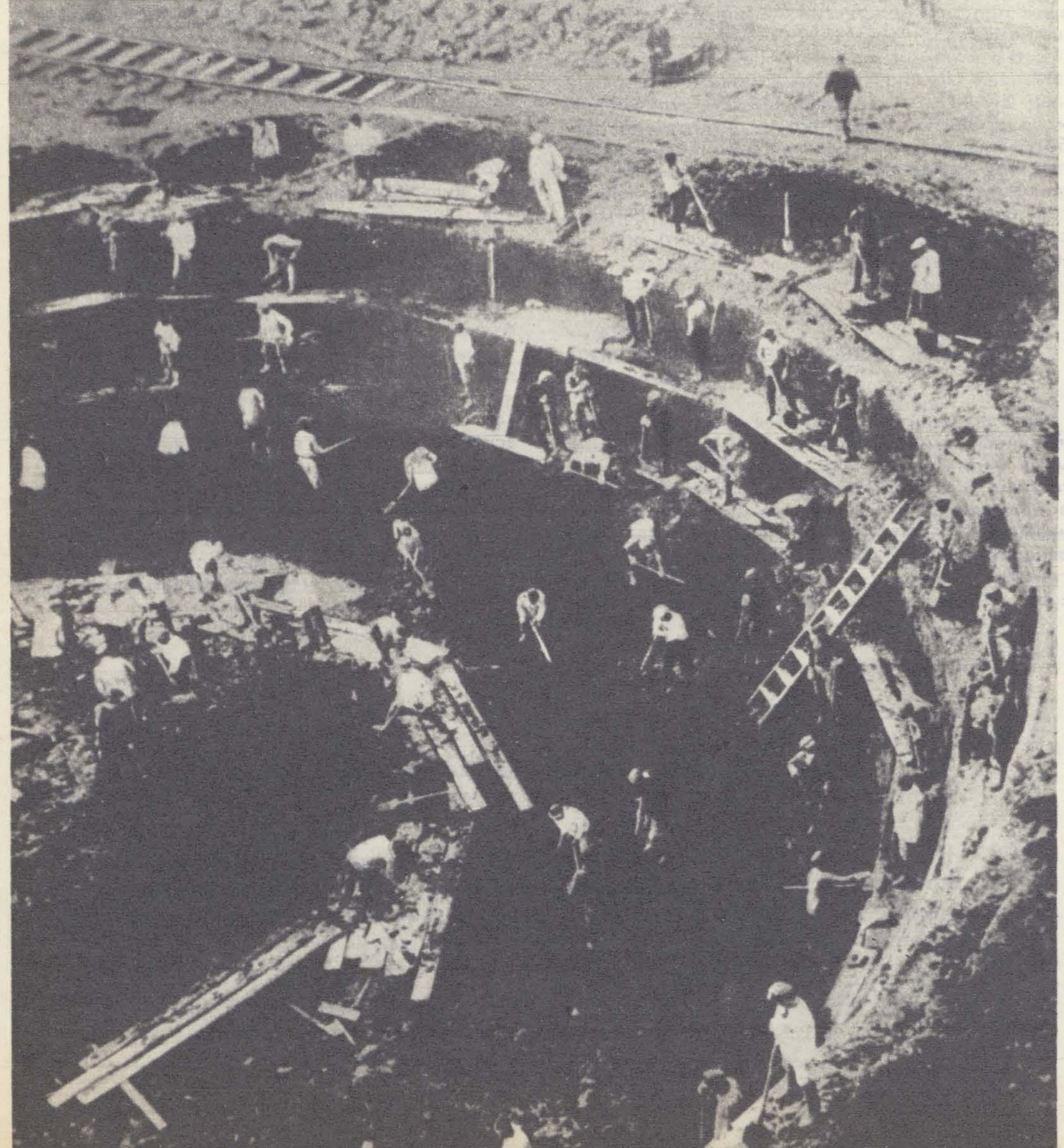
Какие только определения не дают Магнитке — «стальное сердце Родины», «столица металлургии» СССР, «легендарная». Все они верны, но не всеобъемлющи. И одним определением тут не обойдешься. Так что же такое Магнитка!

Магнитка — это воплощение ленинской идеи. Именно по указанию В. И. Ленина в 1918 году был объявлен конкурс на проект единой хозяйственной организации, ведающей горнометаллургической промышленностью Урала и Кузнецкого бассейна.

«Мы не должны зависеть от округов, находящихся под обстрелом или под непосредственной военной опасностью,— вспоминает Бонч-Бруевич высказывания В. И. Ленина.— Нам необходимо, развивая эти округа, все-таки уходить в глубь страны. Нашей мощной промышленной базой должен быть Урал».

И уже первый Всесоюзный съезд Советов народного хозяйства в мае — июне 1918 года, проходивший при деятельном участии Ленина, принял решение: создать прочную металлургическую базу на Урале, объединив — организационно и технически — промышленную жизнь Урала и Сибири. План ГОЭЛРО наметил пути реализации этого решения.

МАГНИТКА — ЭТО НЕВИДАННЫЙ В ИСТОРИИ ТРУДОВОЙ ПОДВИГ МАСС

Голая, открытая всем ветрам степь, жилье — палатки, техника — кайло да лопата, обувка — в основном лапти, морозы — за сорок. У восьмидесяти пяти процентов рабочих образование либо начальное, либо никакого. А энтузиазма — через край. Решался вопрос: быть или не быть Советскому государству. И люди свершали чудеса — за девятнадцать месяцев построили доменную печь. Представители фирмы «Мак-Ки» требовали отложить пуск домны до весны и пригласить из США двести специалистов, способных его осуществить. Требование отвергли, домну пустили своими силами и уже первого февраля 1932 года выдали первый чугун. Завод с полным металлургическим циклом был построен всего за пять лет. Для сравнения напомним: подобный завод фирмы Герри в США в ту пору строился двенадцать лет. Магнитостроевцы проявили массу смекалки и стремления к техническому творчеству, что позволило им перекрыть все существующие нормы. Многие бывшие строители становились горновыми, сталеварами, прокатчиками, коксовиками. Они привносили с собой на производство тот же творческий накал, те же темпы, которые были характерны для эпохи строительства.

Люди 36 национальностей участвовали в сооружении Магнитки. Учились они не только русскому языку, они ликвидировали свою неграмотность — и элементарную и техническую. Пафос строительства сочетался с пафосом освоения новой техники.

МАГНИТКА — ГЛАВНЫЙ ПОСТАВЩИК МЕТАЛЛА В ВОЙНУ

Во время Великой Отечественной, когда вся металлургия юга была захвачена врагом, Магнитка стала основным поставщиком металла. Общеизвестно, что каждый третий снаряд был сделан из магнитогорского всепробивающего металла, каждый второй танк укрывала магнитогорская броня.

Здесь впервые в мире была освоена выплавка броневого металла по новой, не изведанной до тех пор технологии — в обычных, мощных печах вместо маленьких, тихоходных.

Тут впервые в мире была освоена и прокатка броневого листа на блюминге, для этой цели не предназначенном. Легко сказать «освоена». Какое мужество потребовалось от людей, чтобы пойти на такое дело — ведь многие инженеры считали это авантюрой и утверждали, что блюминг выйдет из строя и, следовательно, остановится половина цехов комбината.

Да, риск был велик, однако именно эта мера решила вопрос бесперебойного и массового производства брони.

На Магнитке впервые была освоена отливка башен для танков, что ускорило их производство и улучшило качество. До той поры их клепали, а это лимитировало выпуск боевых машин.

И когда Гитлер заявил, что дни Советской страны сочтены, потому что заводы остались без марганца, а без него нельзя выплавить ни чугуна, ни стали, Магнитка стала добывать марганцевую руду из заранее разведанных побли-

зости месторождений и обеспечила ферромарганцем не только себя, но и остальные заводы Востока.

Дважды за время войны Магнитогорский комбинат был удостоен высоких наград: в 1943 году — ордена Ленина, в 1945-м — ордена Трудового Красного Знамени.

МАГНИТКА — ЭТО НЕПРЕРЫВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В годы войны в невиданно короткие сроки здесь были построены две крупные доменные печи, пять мартеновских, четыре коксовые батареи, броневой стан, среднелистовой стан «2350», две аглоленты, группа специальных цехов. По сути, был возведен новый большой завод с законченным металлургическим циклом.

Строится Магнитка и сегодня. На реконструкцию ее цехов и улучшение условий труда и быта отпущено 2 миллиарда рублей.

МАГНИТКА — ЭТО НЕИССЯКАЕМЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Каждый час здесь внедряется — не вносится, а именно внедряется — одно изобретение или рационализаторское предложение.

Тринадцать лет тут уже не строят доменных печей, а производство чугуна возросло почти наполовину. И все это за счет рационализации, реконструкции, улучшения технологии. Причем многое применено впервые в стране.

Вот и двухванные сталеплавильные агрегаты впервые появились на Магнитке. Этот своеобразный агрегат представляет собой остроумный гибрид мартеновской печи и конвертера. Родился он в упорных схватках с противниками самого разного ранга, но быстро доказал свою жизнеспособность. Сейчас один такой агрегат выплавляет в год 1 миллион 600 тысяч тонн стали, то есть столько же, сколько вся довоенная Магнитка. Подобной производительности в мире до сих пор не знали. Пять таких печей дают более трети всей стали, выплавляемой 35 печами комбината. Это уже настоящая техническая революция в мартеновском производстве. Такие же печи работают теперь на некоторых других заводах страны.

Иностранцев, посещающих советские предприятия, из всех видов планирования больше всего удивляет планирование изобретений и рационализаторских предложений. «Это творческий процесс,— обычно говорят они,— и как можно рассчитать его наперед, непонятно». А вот нам понятно. Прямая роста рационализаторских предложений, изобретений неудержимо идет вверх, и порой достаточно ее только продолжить, чтобы определить ожидаемый результат. Ошибки бывают лишь в сторону приуменьшения.

Магнитогорские металлурги обязались в девятой пятилетке внедрить в производство 40 тысяч рационализаторских предложений и 300 изобретений с экономическим эффектом в 60 миллионов рублей, а внедрили соответственно 53 тысячи и 338 и фактически сэкономили около 130 миллионов рублей.

В центральной заводской лаборатории работает более 1200 сотрудников. В творческом содружестве с представителями других заводов и институтов они ежегодно выполняют более ста работ, дающих экономический эффект до 8 миллионов рублей в год.

Активное участие в совершенствовании производства стало жизненной потребностью многих магнитогорцев. Каждый шестой работающий на комбинате — рационализатор.

МАГНИТКА — ШКОЛА ВОСПИТАНИЯ ЛЮДЕЙ

Идеологическая, политико-воспитательная работа — это неугасимое творчество. На комбинате постоянно ищут новые ее формы, развивают инициативу масс. Не случайно среди тех, кто выступал с докладами на Всесоюзной научно-практической конференции в Баку, посвященной опыту и актуальным проблемам нравственного воспитания, был и директор Магнитогорского комбината, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда Д. П. Галкин.

Директор говорил о взаимосвязи проблем хозяйствования и нравственного воспитания. Делегаты внимательно слушали его соображения о проблемах оптимального сочетания централизованного планирования и социалистического соревнования. Оно возникло на Магнитке с первых дней строительства комбината и с тех пор является мощным стимулом технического прогресса, органической потребностью трудовых коллективов.

Во время войны цехам Магнитки 79 раз присуждались первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании и переходящие Красные знамена ГКО.

С каждым годом ширится соревнование трех гигантов — Магнитогорского, Кузнецкого и Нижне-Тагильского комбинатов. Уральские и сибирские металлурги систематически обмениваются опытом, совместно ищут пути увеличения производства металла. Соревнуются между собой не только предприятия, но и цехи и рабочие основных профессий.

Секретарь горкома КПСС П. С. Грищенко рассказывал:

— На Магнитке люди гордятся тем, что работают на прославленном трижды орденоносном комбинате, и потому текучесть рабочей силы здесь минимальна. Мы не ощущали острой потребности в кадрах — мы сами растим их.

Уважение к огневой профессии в Магнитогорске воспитывают с малолетства. В школе уже с восьмого класса учащиеся один день в месяц бывают на заводе, и чем старше они становятся, тем лучше знакомятся с производством.

У нас действует разработанная система воспитания молодых рабочих. В цехе они попадают к наставникам, которые не только обучают их мастерству, но и прививают этику рабочего класса. Наставники посещают своих подшефных на дому, переписываются с ними, когда ребята проходят службу в армии. В доменном цехе есть даже внештатный заместитель начальника по воспитательной работе. Этот почетный пост занимает сейчас Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов, прославленный доменщик А. Л. Шатилин.

Более 150 рабочих династий трудится сейчас на ММК.

Всеобщее уважение, правительственные награды передовикам производства поддерживают престиж профессии металлурга на большой высоте.

Это и к ним, к магнитогорцам, с полным основанием можно отнести строки постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «В условиях развитого социализма более чем когда-либо актуально ленинское положение о том, что государство сильно сознательностью масс, оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно».

МАГНИТКА — НЕ ТОЛЬКО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ

Сегодняшний Магнитогорск — крупный экономический и культурный центр. Да простит меня читатель, но не могу не дать слово статистике. В городе 36 крупных промышленных предприятий, 29 строительно-монтажных организаций, 4 автотранспортных объединения, авиапредприятие, большая железнодорожная станция, научно-исследовательские институты, вузы и лаборатории. Население города превысило 400 тысяч человек, и почти половина из них занята в сфере материального производства.

МАГНИТКА — СИМВОЛ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Многим предприятиям Европы, Азии, Африки помогали магнитогорцы, и всюду о них вспоминают с благодарностью.

Автору этих строк довелось встретиться в Индии, на Бхилайском металлургическом заводе, со старым знакомым доменщиком К. Ф. Хабаровым и видеть, каким уважением и любовью пользовался там этот представитель магнитогорской металлургической школы. Трижды приглашали индийцы на свой завод Хабарова. Он провел у них в стране в общей сложности 5 лет, оставил после себя множество учеников, ставших ведущими специалистами.

Хабаров не только технолог, воспитатель и организатор, он еще талантливый художник. Много картин он подарил бхилайцам да и домой привез около шестидесяти своих полотен.

В Индии мы с Хабаровым не без улыбки вспоминали пророчество английского промышленника, который уверял, что индийцы—народ неспособный, и обещал съесть фунт индийской стали, если только она у них получится.

И вот теперь, встретившись с Хабаровым в доменном цехе Магнитки, мы вспоминали генерального директора Бхилайского завода Ахуджу. Провожая советских специалистов домой, он сказал:

— Я работал со многими иностранцами, но таких, как русские, не знал. Они работают больше, чем хозяева, волнуются за судьбу завода больше, чем хозяева, да еще и хозяев расшевеливают...

Пятнадцатилетним пареньком пришел Хабаров в начале войны в доменный цех Магнитки.

МАГНИТКА — ЭТО ОШЕЛОМЛЯЮЩИЕ МАСШТАБЫ

Сегодня комбинат выпускает более 10 процентов металла, производящегося в стране. Эта цифра ошеломляет и тех, кто привык к большим масштабам. Далеко не в каждом цехе тонны даются легко. Магнитка проектировалась на мощность в 8 раз меньшую, чем была достигнута, и многим цехам и агрегатам, попросту говоря, стало теперь тесно, а многие устарели и требуют коренной реконструкции.

Это учтено. Есть большая программа реконструкции и дальнейшего развития Магнитогорского металлургического комбината, улучшения культурно-бытовых условий его работников. Производство чугуна должно вырасти с 11,2 миллиона тонн до 14 миллионов тонн, стали — с 15,8 до 17,2 миллиона тонн, проката — с 12,0 до 15,2 миллиона тонн.

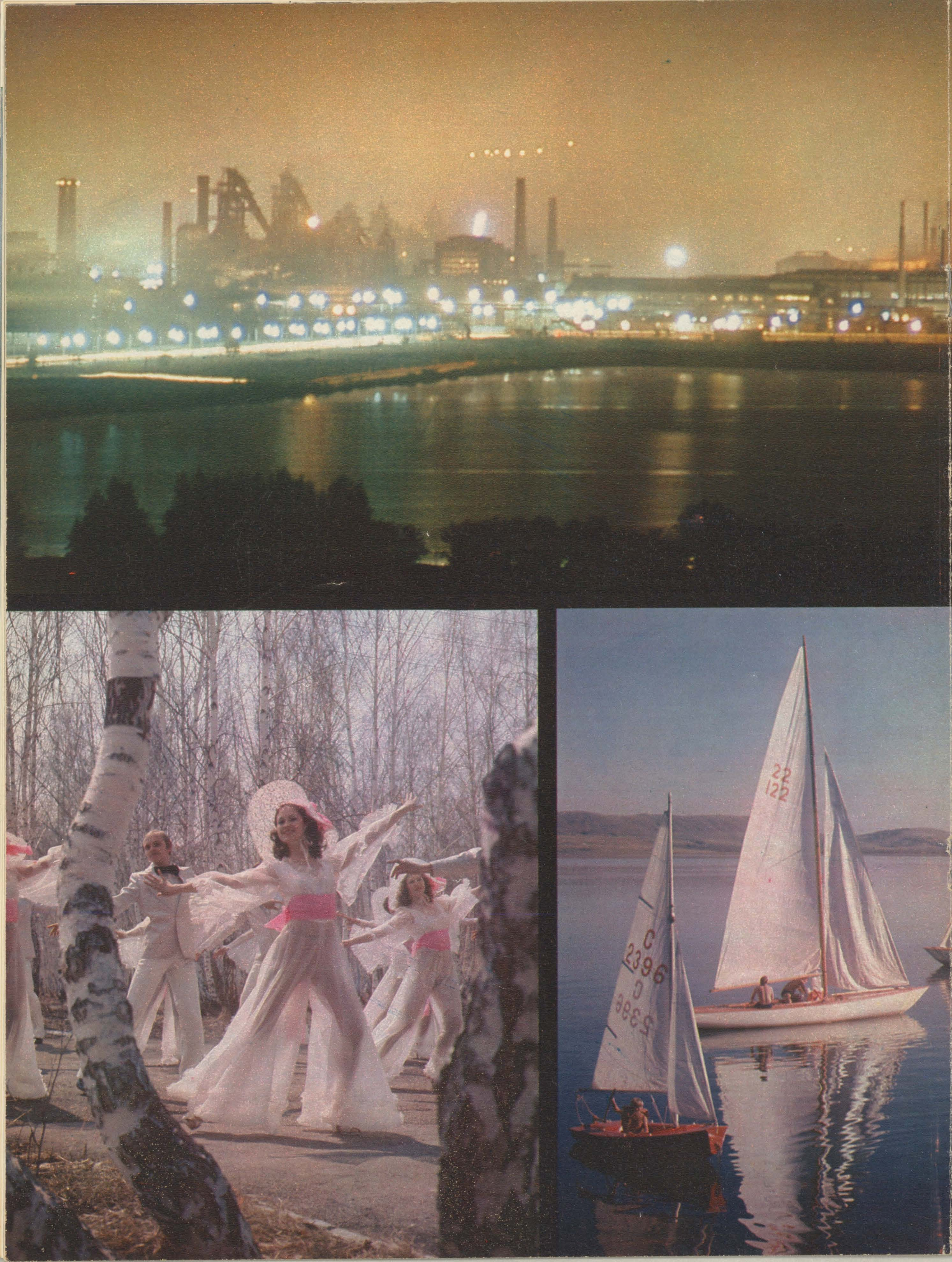
Если говорить о завтрашнем дне комбината, то нельзя не заметить, что магнитогорцев весьма тревожит положение с рудой. 500 миллионов тонн ее из недр горы Магнитной уже изъято. Домны в основном работают на привозном сырье. И нужно немедленно начинать вскрышные работы на ближайшем рудном месторождении, чтобы обеспечить стабильное снабжение рудой доменных печей комбината. Это задача первоочередной важности.

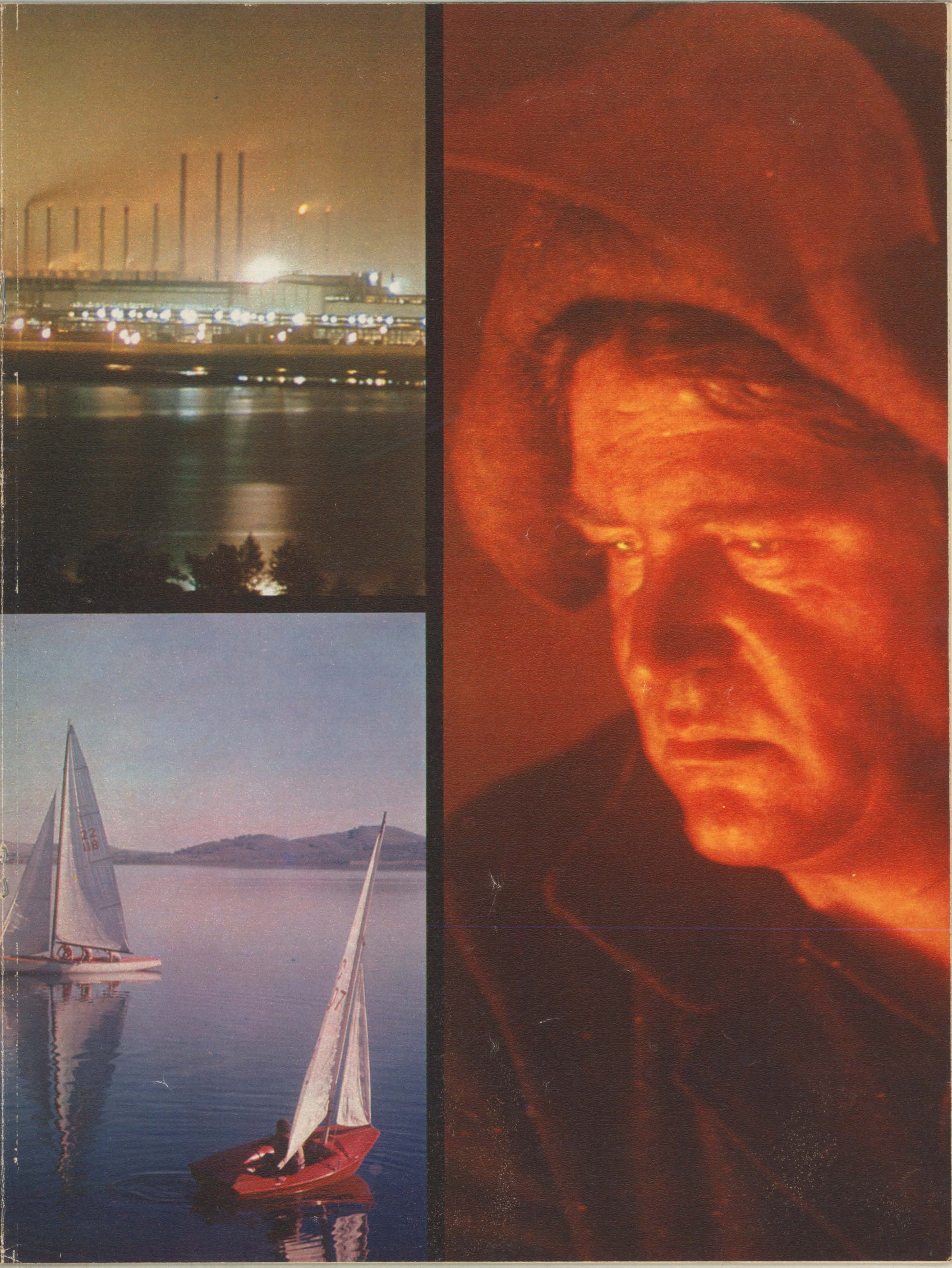
Рассказать все о Магнитке в журнальной статье невозможно. Магнитка — это целый мир. Его изучают и будут изучать, воспевают и будут воспевать.

Магнитогорск, проспект Карла Маркса ● Все они учатся в горно-металлургическом институте.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Огни Магнитки ● Ансамбль бального танца ● На озере Банном любят отдыхать жители города ● Горновой доменного цеха, Герой Социалистического Труда Василий Дмитриевич Наумкин.

22
122
C
2396

VC-02-78
TEXACO
MACK RC
ЩСУ-3

ПОЭТЫ МАГНИТКИ

Владилен **МАШКОВЦЕВ**

УРАЛ

Таинственный и ясный,
разбросив плечи скал,
планету опоясал
великий мой Урал.
Возвысясь над веками,
суров зимовьем, сед,
с улыбкой в каждом камне
он прячет самоцвет.
Кому топаз покажет,
а кому — сурьму...
Живут на горных кряжах
лишь равные ему.
Взгляни — и мир откроешь,
увидишь радость дня.
Урал — земля сокровищ,
железа и огня.
Не раз он мерил силу
с напористым врагом,
защищал Россию
железным кулаком.
Мир вечен в веснах талых,
в броню стрекочет град...
Стоит на пьедесталах
бессмертный Танкоград.
И флаг над ними алый,
и яблони в цвету,
и плавят сталевары
уральскую руду.
Рей, слово золотое,
сердце окрыляя:
Урал — земля героев,
рабочая земля!

СЕБЕСТОИМОСТЬ ЧУГУНА

На отчеты мы смотрим
с дотошностью,
и копейка копейке равна...
Мы выводим с предельной
точностью
себестоимость чугуна.
И в докладах сие отмечается,
говорится с высоких трибун,
что сегодня у нас получается
в мире самый дешевый чугун.
Нет, не против я мерки особой,
но, товарищ бухгалтер, позволь...
Разве можно назвать дешевой
на рабочих спецовках соль?
Горновому не до восторга,
горновой опален, устал.
Очень трудно и очень дорого
достается ему металл.
Незаметным, в обыденной
спешке,
он с друзьями уйдет
к проходной.
И не сразу оценят издержки
и не сразу скажут: герой!
Рвись в отчеты, поэзия спорная,
арифмометр обезоружь.
Нет в отчетах графы, которая
отражала б величие душ.
Цифры прыгают, цифры
кружатся,
серым слиткам копейка цена...
Только входит рабочее мужество
в себестоимость чугуна.

Александр **ПАВЛОВ**

У ПОДНОЖЬЯ МАГНИТНОЙ

У подножья Магнитной горы,
на окраине, дымом повитой,
жил и рос я — не знал до поры
удивительной силы магнита.
А теперь захотел по весне
на долину взглянуть без
предела,
где дымит сквозь протаявший
снег
заводское горячее тело.
Где притихший окраинный дом
полон жизни спокойной и новой,
где с хребта кувыркается гром,
рассыпаясь в степи васильковой.
Как бы жил я от дома вдали,
если б все это было забыто,
если б сердцем не чуял земли—
удивительной силы магнита?

БОЛЬ

Такие мысли возникают
мельком...
Опасны, как сапожные ножи.
Мою шинель порезали
на стельки,
не рано ль, мать, не рано ли,
скажи?
На рубежах зловещее круженье.
Не потому ли втиснут в общий
ряд,
под Ленинградом, в тихой
оружейной,
еще стоит мой верный автомат.
Еще в морозы новобранцев
грея,
проверенный в учениях не раз,
все в том же взводе, в той же
батарее
исправно служит мой противогаз.
Нет! Мой сухой паек еще
не съеден,
и с фляжки краска не совсем
сошла.
А счет отца с фашистами
не сведен,
и мать военных сводок
не сожгла.
Еще грома войну не укачали,
и тишина, гудящая, как шмель...
Ты слышишь, мама, я не сплю
ночами.
Зачем же ты порезала шинель?

Нина
КОНДРАТКОВСКАЯ

ХРЕБТЫ УРАЛА

Хребты Урала, как вершины
славы,
дороги к ним прекрасны
и круты.
Таят в себе обветренные скалы
уральского характера черты.
Тут каждый шаг упорно
многотруден,
тут годы, как гранитные слои,
тут горы доверяют сильным
людям
подвалы сокровенные свои.
Но не слывут сокровища
дарами—
никто их никому не даровал,
поэтому так славен мастерами
неутомимый труженик Урал.
И горько, что не все, не
до едина
смогли его характер обрести,
и больно, что рабочие седины
сегодня у кого-то не в чести.
Но радостно, что юности
упорной
пришлась по сердцу горная
страда,
и ей свои испытанные горны
передают старейшины труда.
Он сотрясает собственные кручи,
ему судьба завидная дана,
и грудь его вздымается могуче,
дыханием качая ордена.

●

Натачивая ум на остроту,
настраивая глаз на высоту,
а слух — на информации и коды,
успеем ли вглядеться в красоту
земли, летящей через наши
годы,
и трепетного пламени страстей
не охладим ли ветром
скоростей?..

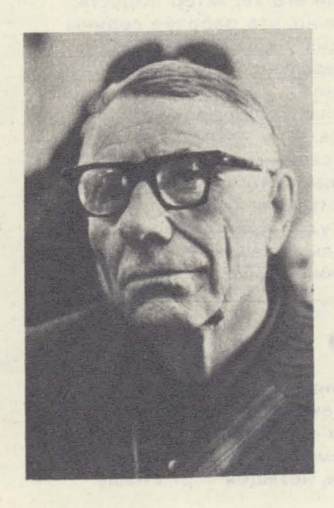
ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Памяти Василия Кулемина

Шел снег спокойный и
беспечный,
и он стряхнул его с плеча,
когда ко мне в метельный вечер
зашел с Ручьевым не стуча.
Мы что-то ели, что-то пили
не ради хмеля и еды.
Мы в этот вечер жили-были
без болтовни и суеты.
И, укротя дневную гонку
и неотложные дела,
сама поэзия тихонько
вошла и села у стола.
— Ты знаешь, Вася, не стесняйся,
ты на Магнитке свой почти,—
сказал Ручьев.— Ты вот что, Вася,
давай чего-нибудь прочти.
И будто зори раскололись
от перестрелки у ракит,
когда твердил негромкий голос:
— Я — Малахит! Я — Малахит!
А за окном дышали домны,
стекали тени по стене.
Он о любви читал, о доме,
о сыновьях и о войне.
И был он молод, очень молод,
хоть вышел сам из той войны,
и в том, что мир его надколот,
он был виновен без вины.
Он знал расстанной той зимою,
как высока цена минут,
как скоро траурной каймою
его от жизни отчеркнут.
А мы не ведали, не знали,
откуда взялся этот свет,
и восхищенно выдыхали:
— Какой поэт! Какой поэт!..
Потом к дежурному трамваю
взрывали свежие следы.
Дымила площадь снеговая
слепящим крошевом слюды.
А он в пурге, такой красивый,

◀ В педагогическом институте ● Юные авиамоделисты ● Пульт управления доменной печи. Фото А. НАГРАЛЬЯНА

смеялся, что-то напевал,
зачем-то говорил спасибо
и снег последним называл.
А на площадке руку поднял,
ломая снежные штрихи:
— Я написать хочу сегодня
о вечном городе стихи.
«Магнитогорская баллада»
блеснула искоркой во мгле.
Ах, память горькая, не надо!
Вас нет обоих на земле.
А снег планирует на город,
и в белизне его звенит
такой живой и чистый голос:
— Я — Малахит! Я — Малахит!

Михаил ЛЮГАРИН

КРАЙ РОДНОЙ

Край родной,
Два русских слова,
А куда ни глянь,
Всей судьбы моей основа —
Золотая ткань.
Рассказать бы по порядку,
Да не хватит сил:
Все разведал не украдкой,
Все в нем полюбил.
От беды рожден бедовым,
Не найти следа,
Где казалась мне медовой
В страшный голод,
В год суровый
Наша лебеда.
С каждым годом хорошеет
Край мой — чудеса.
У гусей свои озера,
У грачей — леса.
Я и сам, идя вдоль пашен,
Здесь не пилигрим:
Назову все это нашим
И навек своим.

НЕТ, НЕ НАПРАСНО ГОВОРЯТ

Строителю первой плотины на реке Урал, инженер-генерал-лейтенанту, заслуженному строителю РСФСР, кандидату технических наук Е. И. Майкову посвящаю.

Нет, не напрасно говорят:
Рождается большое в малом.
И плох, конечно, тот солдат,
Что стать не хочет генералом.
Нас не прельщали ордена,
Не украшали грудь медали.
Металл...
Его ждала страна —
Святей святых его мы знали.
И мы работали до звезд,
«Козлами» надрывая спину,
И, будто в будущее мост,
Воздвигли первую плотину.
И в том крещении труда
Мечтали мы о первом слитке,
И ратным подвигом тогда
Гремел наш подвиг на «Магнитке».

Римма
ДЫШАЛЕНКОВА

КОМИССАР

Я надену куртку
кожаную, старую.
Красную косынку
строго повяжу.
Выйду на трибуну
красным комиссаром
и своим ровесникам
запросто скажу:
«Выходите, девочки,
завтра на субботник,
парень, хватит смазывать
ленью мотоцикл.
Были наши деды
красные работники,
страстные работники
были и отцы».
Вовке долговязому,
нашему комсоргу,
я скажу приветливо:
«Здравствуй, комиссар!»
Запоют над нами
боевые ветры,
полыхнет над нами
революций жар.
Принимаем в руки
красные знамена,—
это наше дело,
наш теперь черед,
принимаем взвод
в отцовском батальоне,
поле материнское,
дедовский завод.
А за сердце чистое,
к подвигу готовое,
принимаем в юности,
как священный дар,
это слово алое,
слово вечно новое:
революционное
слово — комиссар.

ЗАВОДСКИЕ ЖЕНЩИНЫ МОИ

Заводские женщины мои,
Катерины, Зои и Аленушки!
Под высоким парусом любви,
будто в море белые суденышки.
Черный вихрь над парусом
пройдет,
синяя волна над ним расколется,
море жизни дерзкий парус рвет,
мачта гнется, гнется,
да не ломится.
Предсказать судьбу я не берусь:
далеко ли плыть до счастья,
близко ли?
В теплых трюмах драгоценный
груз
красоты, терпения да истины.
Нет сильнее женской красоты,
нет надежней женского терпения,
тем страшней в пучине суеты
женских судеб кораблекрушение...
На волне — обломки от любви,
красоты, терпения да истины...
Заводские женщины мои,
помогите мне доплыть
до пристани!

наука
стран
социализма

ВИЖУ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

В лаборатории кибернетической акустики.

НАСТУПЛЕНИЕ НА ШУМ

Человек хочет тишины. И в городе, где он живет, и дома, и на производстве.

Молодой сотрудник Варшавского института основных проблем техники Мечислав Чехович водит меня по лабораториям, где ведутся исследования по борьбе с шумом. В одних — стены и экраны усиливают звуки, отражают их, в другой — абсолютная тишина, скажешь слово, и оно мгновенно замрет на губах.

Еще недавно на Бжеской фабрике упаковочных материалов рабочим много неприятностей доставлял конвейер, где делают цилиндры для консервных банок. Сама эта операция автоматическая, без людей, но шум чрезвычайно мешал всем, кто находился рядом. Теперь конвейер окружен специальным экраном, который разработан в этом институте под руководством профессора Стефана Гарнецкого.

В помещении звук распространяется неравномерно, есть наиболее «тихие» и наиболее «громкие» места. Все дело в том, чтобы их найти. Варшавские ученые разработали такую систему, она дает возможность покрывать звукопоглощающим слоем стены и потолок цехов только в самых шумных местах. Новый метод принес огромный экономический эффект, ведь звукоизоляция обходится пока очень дорого.

Оказывается, тишины можно добиться... увеличивая шум. Да, да, не удивляйтесь: два источника звука могут как бы уничтожать друг друга. Над созданием таких методов тоже работают в этой лаборатории.

— Борясь с шумом на предприятиях, нам приходится сталкиваться не только с акустическими проблемами, но и с вопросами аэродинамики,— рассказывает Мечислав Чехович.— Возьмите производства, где воздух, пар или газ находятся под высоким давлением. Совместно с Варшавским университетом мы создали и внедрили новые глушители. Когда пар или газ проходят сквозь многочисленные преграды с отверстиями, выхлопы делаются все глуше и глуше и наконец пропадают.

Улучшение условий труда на производстве — важнейшая область работы ученых всех социалистических стран. Польские исследователи сотрудничают по этой проблеме с государствами — членами СЭВ и особенно с Советским Союзом.

ГОВОРИТ РОБОТ

Знаете ли вы, что голос можно не только услышать, но и увидеть? Вот уже несколько лет в Варшавской клинике отоларингологии действует прибор, на экране которого видны все нюансы речи: спектр звука, частота колебаний связок, уровень громкости... Этот уникальный аппарат создали ученые в Институте основных проблем техники несколько неожиданно. Они работали над созданием искусственного интеллекта, вели исследования по автоматическому синтезу и распознаванию речи. В процессе этой работы и был получен «портрет» голоса.

Не надо объяснять, почему врачи пришли в восторг от изобретения ученых: прибор был нужен не только для диагностики. Он помогает больным, перенесшим операцию гортани, глухим людям учиться правильно произносить слова. При помощи этой системы они видят эффект своей артикуляции.

Прибор дает врачам возможность и без больного исследовать речь, записанную на магнитофон, делать выводы, правильно ли идет лечение.

Из клиник интонограф — так называется этот прибор — перекочевал и в учебные институты. Им пользуются при изучении иностранного языка. Научиться правильному произношению, избавиться от акцента, найти нужную интонацию — всему этому помогает интонограф.

— Не думайте, что мы забыли о своей основной работе,— говорит заведующий лабораторией кибернетической акустики магистр Владислав Микель.— Искусственный интеллект будущего должен говорить. А вам приходилось слышать, как говорит сейчас кибернетическая машина? Похожа ее речь на нашу с вами?

— Не очень. Она говорит особым, каким-то железным голосом, без всякой интонации.

— Вот именно. Наш опыт, полученный во время медицинских исследований, поможет «очеловечить» речь кибернетических машин, научить их воспроизводить оттенки интонации, которые зависят, как вы видели, от частоты колебаний связок и других факторов. Ну, а

ГОЛОС

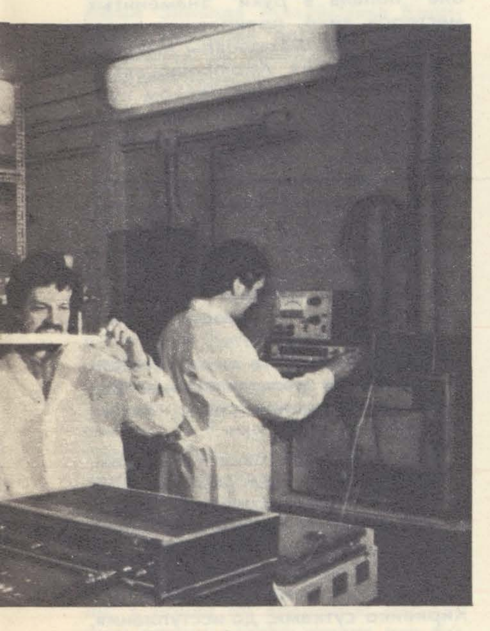

Фото Ромуальда Бронярека

кроме того, говорящие автоматы должны понимать речь не только определенного человека, на которого они настроены, как сейчас, а самых разных людей. Наши исследования как раз дают ключ к решению этой проблемы, над которой мы работаем вместе с учеными Института кибернетики Академии наук Украины.

ЕЩЕ ОДНА ПРОФЕССИЯ УЛЬТРАЗВУКА

Гражина Лыпацевич и Тамара Марук — подруги. Обе они закончили политехнический институт, Гражина — в Варшаве, Тамара — в Каунасе; обе увлеклись совсем новой областью науки — медицинской диагностикой при помощи ультразвука; обе работают над диссертацией: Тамара — над кандидатской, Гражина — уже над докторской. Общее у этих молодых женщин не только их увлечение наукой, но и изящество и элегантность.

Кандидат технических наук Гражина Лыпацевич — заместитель заведующего отделом ультразвука, ее советский коллега Тамара Марук в Варшаве уже не первый раз в командировке: Каунасский университет ведет совместные исследования с польским Институтом основных проблем техники.

— Когда я начинала работать, ультразвук применялся лишь в промышленности для определения дефектов в различных изделиях,— рассказывает Гражина.— Исследования по использованию его в медицине только начинались. А заниматься новым всегда интересно. Сейчас я уже твердо убеждена: в будущем ультразвук заменит в клиниках рентген. Это такой же точный метод диагностики, но, пожалуй, еще более безвредный. Широкое применение он должен найти в акушерстве, где особенно важна абсолютная безопасность всякого «просвечивания» для здоровья матери и будущего ребенка.

Мне показали созданные здесь приборы, которые позволяют с помощью ультразвука находить инородные тела при заболевании глаз, печени, почек. Новый метод стал применяться для диагностики рака. А недавно в институте получено изображение структуры живого бьющегося сердца.

— Сейчас мы стараемся усовершенствовать эти приборы, повысить точность, найти наилучшую мощность и частоту излучений для каждого вида диагностики, для каждого органа. Кандидатская диссертация Тамары Марук как раз посвящена этому. Ультразвуковые приборы для диагностики в акушерстве уже выпускаются серийно. В Международный год ребенка наш опытный завод начал выпускать их для стран СЭВ.

САМ СЕБЕ ОТК

В Институте основных проблем техники я часто слышала слова: «опытный завод». Пожалуй, ни один отдел, ни одна работа института не могут обойтись без него.

— Создать такое предприятие нас заставила жизнь,— рассказывает директор опытного завода Ежи Шершень.— Ученым часто нужны очень сложные приборы, но всего в единственном числе. А бывает, для промышленности или медицины требуется аппаратура, которая никогда не пойдет в серию. Для этого создан наш завод. Мы сами и конструкторы и исполнители. Если же новые приборы находят спрос, то мы налаживаем их производство на других предприятиях страны. Возьмите, например, ультразвуковую медицинскую аппаратуру, созданную в институте. Еще недавно нужны были лишь десятки приборов, а сейчас требуются тысячи.

На опытном заводе нет отдела технического контроля. Каждый сам себе и своему товарищу ОТК. А в конце производственной операции качество работы проверяют те, кто ее начал.

Своеобразные отношения у опытного завода и с теми предприятиями, где внедрены его разработки. Конструкторы завода имеют право аннулировать заказ, если обнаружат, что качество изделий, выпускаемых серийно, неудовлетворительно. Предприятию это невыгодно: ведь оно уже перестроило производство.

* * *

Исследования физики плазмы и медицина, борьба с шумом в заводских цехах и создание искусственного интеллекта, энергетика, приборостроение, ультразвук — все эти работы, такие глубокие и разные, ведутся в одном и том же научном учреждении — Институте основных проблем техники в Варшаве. Это первый комплексный институт, положивший начало нескольким академическим учреждениям. Недавно он отпраздновал свое двадцатипятилетие.

— Самое важное в таком комплексном институте, как наш, да, пожалуй, и во всей сегодняшней науке,— соблюдать равновесие теоретических и прикладных работ,— говорит директор института профессор Игнацы Малецки.— С одной стороны, нет ничего более практичного, чем хорошая теория, с другой — ученые обязаны заботиться о внедрении своих достижений в жизнь!

Варшава — Москва.

РОМАНТИКАМ И ПЫТЛИВЫМ — О ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Художественно - географический альманах «На суше и на море» — уникальное в своем роде издание, давно завоевавшее признание у советского и зарубежного читателя. В рассказах, художественных очерках, повестях очередного, восемнадцатого, выпуска развертывается красочная панорама жизни народов, населяющих нашу планету; флоры и фауны Мирового океана, степей и гор; развития атмосферных процессов; разнообразных тектонических явлений в земной коре.

В центре внимания большинства авторов сборника, естественно, географические и природоохранительные проблемы нашей страны. Основной мотив многих произведений альманаха — забота о сохранении среды обитания человека. Летая в космосе, работая на научной станции «Салют-6», я вел дневник. Глядя в иллюминаторы на Землю, то скрытую облаками, то «прокатывавшую» под нами участки суши среди гигантского водного пространства, делал записи в дневнике и не раз и не два удивлялся тому, как мала наша родная планета, как скромен наш космический дом. «Земля! Ох, мала!» — невольно вырывалось у меня, и накатывала тревога за будущее человеческой колыбели и тут же рядом — желание сделать еще что-то для того, чтобы потомки наши получили в сохранности всю природу голубой планеты.

Об этом же говорит и заглавная повесть альманаха — «Перевал» Н. Коротеева. Образный строй, характеры героев, поступки их — все подчеркивает любовь автора к природе и людям, преобразующим на пользу человека суровую, но легкоранимую сферу жизни на северном участке БАМа. Герои повести избирают самый трудный и неудобный путь для спуска к реке громадного экскаватора. Для чего они это делают? «Берега здесь хрупкие — мерзлота, сами понимаете»,— поясняет механику Любову начальник мостоотряда.

Живые образы рождают очерки В. Пескова «Лесные тропы», повествующие о жизни обитателей лесов Брянщины, Подмосковья и других областей среднерусского края. Василий Песков, как всегда, пишет о животных, об их контактах с человеком очень красочно, зримо и проблемно. Так, читатель узнает не без удивления, что в Подмосковье, а также во Владимирской, Ярославской, Калужской, Ивановской областях кочуют большие стаи одичавших псов, по хитрости, уму и ловкости превосходящих волков, что опустевшую здесь волчью «экологическую нишу» заполнил гибридный вид волков-собак. Уменьшение их численности — непростая проблема: они не страшатся людей и в то же время умело избегают опасности. На облавах, оказавшись в окладе, они прыгают через красные флажки. Их побаиваются и охотничьи собаки.

Актуальные экологические проблемы затронуты в очерке о Мангышлаке («Южнее розовых гор»), в рассказе «Обыкновенный ветер», пронизанном мыслью о том, что «...человек, в сущности, имеет то, что он имеет. Ничто не приходит извне. Природу нельзя обмануть, заплатить ей один рубль, а сказать — десять».

Нельзя даже в короткой рецензии не сказать о динамичном, изобилующем острейшими ситуациями повествовании польского журналиста, отважного мореплавателя Кшиштофа Барановского. Единоборство Кшиштофа с гигантскими волнами и сумасшедшим ветром Южного океана — в зоне печально известных «ревущих сороковых» широт — это подлинный гимн мужеству человека. Оригинальная манера изложения, лаконизм в сочетании с правдивостью слога заставляют читателя активно сопереживать герою, вместе с ним испытывать страх и надежду, мимолетную радость, неимоверную усталость.

Широк диапазон интересов и соответственно тем авторов — писателей и ученых, журналистов и практиков, выступающих в этом выпуске «На суше и на море». Одни из них углубленно исследуют прошлое Земли и человечества («Фарас», «Пришедшие на плато Бандиагара», «Следы на камнях», «Великая река»), другие обращаются мыслью к современности (в частности, в научных очерках «Стратегия освоения» и «Циркуляционные и климатические эпохи в XX столетии»). Интересно задумана рубрика «Наша красная книга», куда вошли некоторые из упомянутых выше работ, разве что не все включенные в этот раздел очерки соответствуют ему тематически.

Удачей альманаха можно назвать наличие в его составе обогащающих воображение и разум читателя дневников и путевых очерков «Таити», «Кируна — рудный край», «Разговор о Нзерекоре» и других.

Кстати, альманах — традиционно «сухопутно-морской», и, видимо, этим можно объяснить почти невесомое присутствие сюжетов на космические темы (небольшой, интересно написанный рассказ писателя из ГДР Гунтера Метцнера «Встреча в потоке света», увы, мало что меняет в общем балансе). Но как быть дальше, если уже сейчас в поступательном развитии науки о Земле эволюционные процессы нашей планеты все теснее увязываются с открытиями в околоземном и космическом пространстве, если уже сейчас все чаще из космоса виднее, что происходит «на суше и на море»? Думается, рано или поздно этот вопрос встанет перед редакцией альманаха во всей полноте.

Книга «На суше и на море» несет в себе немалый заряд романтики, от ее страниц веет духом исканий, нескончаемого трудового подвига. Велико и ее познавательное значение: она помогает советскому человеку находить гармонию между требованиями прогресса и окружающей средой, ибо Человек должен всегда ощущать свое единство с природой, понимая ее безмерное величие и красоту.

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ,
летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза.

На суше и на море. Издательство «Мысль», М., 1978, 447 стр.

Юрий ГРИБОВ

ВСЕ КАК В ЖИЗНИ

К началу концерта я опоздал и оказался среди толпы, у раскрытых дверей переполненного зала. Люди приподнимались, тянули головы вверх, чтобы хоть как-то сбоку увидеть артистку, но из-за тесноты ничего нельзя было разглядеть; только музыка да голос, такой живой и доверительный, как бы «домашний», долетали к нам в коридор:

— Не лукавьте, не лукавьте,
Эта песня не нова.
Ах, оставьте, ах, оставьте,
Это все слова, слова...

Старинные русские романсы сменялись современными лирическими песнями, нашими и зарубежными, и после каждой песни благодарная публика дружно и подолгу аплодировала, а «Нищую» Беранже артистке пришлось повторять на бис.

— Да кто же это поет? — спросил я соседа, так и не определив певицу по голосу.

— Зинаида Кириенко.

— Кириенко?!. Та самая? Киноактриса?..

— Она самая.

— Но, позвольте, она же никогда не пела. У нее и роли во всех фильмах, кажется, беспесенные?

— Талант многогранен.

Спустя некоторое время мне довелось познакомиться с Кириенко. Вспоминая тот концерт, где она пела, я высказал удивление проникновенным и душевным ее голосом, подбором песен, манерой исполнения. Зинаида Михайловна, подняв ладони и как бы обороняясь, ответила шутливо, строкой из романса, который я только что упоминал:

— Ах, оставьте, ах, оставьте!..

За шутливостью она скрывала неподдельное смущение: может быть, не привыкла еще к горячим отзывам на свое новое амплуа.

— Сколько же можно слезы лить? — задорно и как-то вызывающе вдруг вскинула голову Зинаида Михайловна. — Во всех фильмах мне приходится плакать: и не любят-то меня, бедную, бросают... Уже все привыкли: раз Кириенко играет, значит, опять на экране какая-то баба несчастная будет страдать и мучиться! Режиссеры мне присылают сценарии однотипные: везде эта горькая, разбитая любовь, везде от жены уходит муж, найдя себе другую... Надоело! Я, может быть, сама хочу кого-то бросить! Нет, серьезно! Не улыбайтесь, пожалуйста!

— А какие образы, Зинаида Михайловна, вас привлекают?

— Я бы хотела сыграть современную женщину, самую простую, пусть не особенно модную по теперешним временам, но гордую, любимую мужем и детьми, передовую, работящую, такую, знаете, семейственную, у которой все ладится, все правильно, стабильно, что ли: устойчиво, серьезно, весело... Есть такие женщины, которых с первого же взгляда хочется назвать милыми,— очень женственные, чистые, уютные...

Сцепив тонкие, нервные пальцы, Зинаида Михайловна сжала их, вскинула молодое выразительное лицо, и я понял, что она уже не просто говорила, а скорее видела кого-то перед собой, играла. В ее беспокойной душе уже шла работа — разгорался огонек творчества.

* * *

С детских лет, еще до школы, Зинаида Кириенко мечтала стать артисткой. Это шло от ее матери Александры Петровны, женщины мужественной, неунывающей и боевой, душевно щедрой. Когда приезжали родственники в Махачкалу, где жила семья Кириенко и где Зина родилась, Александра Петровна после обильного застолья и песен говорила:

— Эх, на сцену бы мне сейчас!..

Она была коммунисткой, ведала кадрами на заводе. Помимо ответственной своей работы, многое еще успевала: скакала на коне и рубила лозу, имела значок «Ворошиловский стрелок». И это в Дагестане, где каждый мальчишка считает себя джигитом и где даже сильному мужчине выделиться не так-то просто.

Потеряв мужа на войне, Александра Петровна осталась с пятью детьми на руках. Из Дагестана ее направили на работу в Ставрополье, в станицу Ново-Павловскую, ставшую для Зины второй родиной. Здесь она закончила десятилетку и впервые проявила себя как артистка, активно участвуя в художественной самодеятельности. Зина и пела, и плясала, и стихи декламировала. Ее знала и любила вся станица: песни ее доходили до людских сердец.

А потом Зинаиде доверили роль Одарки в гоголевской «Сорочинской ярмарке». На концерт пришла вся Зинина семья: мать, сестры Оля и Лариса, братья Владимир и Валерий. Сидели они близко от сцены, и Зинаида после бурных аплодисментов увидела, как мать улыбается и утирает слезы. По дороге домой, радуясь успеху дочери, мать говорила:

— Одарка у тебя, Зинушка, самая настоящая вышла! Недаром бабка-то твоя украинка. Биденко ее фамилия. А дед твой — туляк, Иванов Петр Иванович,— пел хорошо и на баяне играл...

— Я, мама, в Москву решила ехать, — неожиданно сказала Зина.— В институт буду поступать. Во ВГИК.

— Значит, не на сцену, а в кино?

— Кино мне больше нравится. Только бы приняли...

Вскоре Зину проводили в столицу. В ее чемоданчике среди скромных девичьих пожитков лежала вещь самая дорогая и заветная — тетрадь в коленкоровом переплете. Это был дневник тети Жени, материной родной сестры. Тетя Женя подробно писала, как задумала стать артисткой цирка, акробаткой и как добилась своего, пройдя «все огни и воды». Она любила и цирк, и его атмосферу, и всех артистов, особенно же коверного — Якова Пименова: по-девчоночьи безумно влюбилась в него и, не выдержав, призналась в этом Якову. Артист погладил девчонку по голове и сказал:

— Это пройдет... Может, ты скоро летчика полюбишь или танкиста. У них форма вон какая красивая!..

— У меня не пройдет! — ответила Женя.— Я сама выучусь! Я акробаткой буду!

И она действительно выучилась. Ее взяли в штат. Яков теперь уже сам всюду ее поджидал, и они поженились... Зина помнит, как тетя Женя и Яков приезжали в Махачкалу. У них была ученая собачка Денди. Когда Яков играл на маленькой гармошке, Денди смешно перебирала задними лапками — танцевала...

Талантливая акробатка Евгения Иванова умерла во время войны в Красноярске, дневник же ее сохранился и стал для Зинаиды Михайловны как бы учебником работоспособности, воли, терпения и надежды...

В Москве на экзаменах Зинаида Кириенко показала себя хорошо и была принята в институт кинематографии. Ей сразу повезло: она попала в руки знаменитых мастеров кино, прекрасных педагогов Тамары Федоровны Макаровой и Сергея Аполлинарьевича Герасимова и уже на первом курсе сыграла роль Авдотьи в инсценировке романа Галины Николаевой «Жатва», снялась в кинофильме «Роза ветров»... Опытным глазом определив талант Зинаиды Кириенко, Герасимов предложил ей роль Натальи в «Тихом Доне». Это было такое доверие, такая смелость со стороны маститого режиссера, что некоторые киноработники говорили:

— Опасно, знаете ли... Сложнейшая женская роль, классика! Вылепит ли Кириенко столь значительный образ?..

Началась подготовка к съемкам, репетиции. Зинаида перечитывала роман Шолохова, который любила и знала, а теперь выучила почти наизусть, стараясь понять душу Натальи, всю ее нелегкую жизнь с Григорием Мелеховым. Работала Кириенко сутками, до исступления, до слез и порой ловила себя на том, что теперь она уже не Зина, а Наталья из хутора Татарского, да так надолго Натальей и останется.

Время в работе пролетело незаметно. Когда фильм был готов и показывался в Вешенской, к Зинаиде Кириенко подошла плачущая женщина,— от волнения она не могла слова сказать! Михаил Александрович Шолохов, стоявший рядом, заметил:

— Видишь, как тебя душою благодарит казачка... Запомни это! Ты все, как в жизни, изобразила...

Вскоре Кириенко еще раз вернулась к бессмертной шолоховской прозе, сыграв Ирину в «Судьбе человека». Шолоховские образы вывели Зинаиду Михайловну в число ведущих киноактрис. Получив приглашение от Александра Довженко и Юлии Солнцевой, она снялась у них в «Поэме о море» и «Зачарованной Десне». А потом снова классика: Толстой — «Казаки», Герцен — «Сорока-воровка»... И все это было сделано ею в студенческие годы, как говорится, без передыху и на большом подъеме.

От фильма к фильму росло мастерство артистки. У нее появился свой стиль, своя манера, но работала она все так же много и честно, сверяя самозабвенно с жизнью каждую деталь.

— Кириенко брезглива ко всякой лжи, кривлянию, слащавой риторике; в своих работах она проявляет ту меру художественной сметливости, которая приходит к художнику в результате любви к жизни и понимания ее истинных связей.

Эти слова Сергея Аполлинарьевича Герасимова — самая дорогая награда для актрисы. Доверие учителя она оправдала и в других работах. Образ Ефросиньи из фильмов «Любовь земная» и «Судьба» по романам Петра Проскурина, созданный Зинаидой Кириенко, высоко оценен миллионами зрителей. А ведь образ этот в чем-то перекликается с образом шолоховской Натальи. И трудно было создать его так, чтобы не

повториться. Ефросинья Дерюгина у Кириенко — женщина не только обаятельная, но и мужественная, стойкая во всех бедах. Личное горе не убило в ней борца, воспитателя детей. Это настоящий русский характер! Я с радостью узнал, что за роль Ефросиньи Зинаида Михайловна Кириенко, народная артистка РСФСР, выдвинута на соискание Государственной премии.

* * *

Недавно Кириенко пригласила меня в Театр-студию киноактера, на «Грозу» Островского. Я пришел пораньше, чтобы еще до спектакля увидеть Зинаиду Михайловну и поговорить с ней, но не получилось: Кириенко была уже в в костюме Катерины, отвечала невпопад, лицо ее было каким-то чужим, отрешенным. Я понял, что передо мной уже не Зинаида Кириенко, а Катерина: актриса вошла в образ и «сойти на землю» ей было трудно. Она заметно волновалась, и это меня удивило: ведь роль Катерины уже десятки раз «прокатана» ею! Но в ходе спектакля, когда Катерине — Кириенко подолгу аплодировали зрители, я понял ее волнение: настоящий артист всегда играет как бы впервые, а это не просто. Очень много требуется творческой работы, затраты душевных и физических сил...

— Я полюбила театр,— сказала мне Зинаида Михайловна после спектакля. — Я здесь работаю уже шестнадцать лет. В кино пленка оставляет неизменной твою игру: уж как сыграл, так и будет,— снова не повторишь. А в театре я на каждом спектакле могу вносить в в образ что-то новое.

— Я заметил. Вот вы песни ввели. Это естественно получается у вашей Катерины... Значит, она опять привела вас в классику?

— Классика будит мысль, возвеличивает, заставляет сжиматься в комок от ответственности. Она помогает и к современным ролям предъявлять повышенные требования. Сейчас поставлен спектакль «Много лет спустя» — об актерах-подпольщиках, действовавших в оккупированном фашистами Симферополе. Я исполняю главную роль — подпольщицы Александры Перегонец, заслуженной артистки республики. Роль мне нравится, и я играю ее с удовольствием, с большой «классической» ответственностью...

— Здесь вас уже никто не бросает? — пошутил я.

— Нет, никто! И я никого не бросаю. Я здесь погибаю за три дня до прихода наших войск.

— Опять трагичность...

— Это ничего! Мы, актеры, по многу раз умираем... Лишь бы образ душу зажигал. Сначала твою, а потом уж, через тебя, и зрительскую...

Зинаида Михайловна увлеченно рассказывает мне о работе в театре, о поездках по стране, где она играет, поет, читает стихи.

— Часто приходится выезжать?

— Постоянно!.. Вот только что с целины вернулась. В Ленинград собираюсь... Ездить люблю! Дома меня уже поругивают. Хорошо, что моя мама живет у нас, присматривает за моими мужчинами! У меня их трое — муж и два сына. С ними не заскучаешь!..

Зинаида Михайловна широко и открыто улыбается. Видно, что у нее хорошо и покойно на душе.

СЕРДЦЕ ОТДАНО ДЕТЯМ

Урок труда. Учащиеся делают игрушки. На лиане качается обезьянка с забавной мордочкой. Вот черные и белые пудели и симпатичные собаки неизвестных пород. Ярко-желтый петух с разноцветным хвостом... Из соседних классов доносятся звуки фортепьяно, скрипки. Идут индивидуальные занятия музыкой. А в актовом зале сводный хор исполняет песню «Мы, молодая гвардия...». За стеной на уроке русского языка повторяют правила переноса.

Мы — в Московском педагогическом училище имени Ушинского. Здесь занимаются будущие учителя начальных классов — 590 девушек и, к сожалению, только девять юношей. А как много преподаватели-мужчины могли бы дать мальчишкам младших классов!

Одно из старейших педагогических училищ дало более шести с половиной тысяч преподавателей, воспитавших уже не одно поколение малышей.

— Мы должны научить многому,— говорит директор училища П. М. Битков.— Педагог приучает малышей думать, наблюдать, восхищаться природой и искусством, принимать к сердцу людское горе и радости. Разумеется, он должен глубоко любить детей. Поэтому идут к нам по призванию.

Учитель начальной школы — это универсал. Любовь к детям должна подкрепляться разнообразными знаниями. В программе училища — выразительное чтение и чистописание, математика и русский язык, педагогика и психология, рисование и пение, основы сельскохозяйственных знаний и физическое воспитание. Здесь учат работать с киноаппаратом — в классе педагоги будут показывать учебные фильмы. Листаю фотоальбомы. Это зачетные работы по фотомастерству.

Будущие учителя проходят большую практику: сначала наблюдают за детьми в начальной школе, потом помогают классному руководителю, а на последнем курсе месяц работают самостоятельно.

В училище часто напоминают слова выдающегося советского педагога В. Сухомлинского о том, что «учение должно быть частицей богатой духовной жизни, которая содействовала бы развитию ребенка, обогащению его ума». Здесь ведется большая работа по патриотическому воспитанию будущих учителей. Традиционно в Театре имени Ленинского комсомола проводится конференция, посвященная речи В. И. Ленина на III съезде комсомола. Бывали на конференции поэты А. Безыменский и А. Жаров, видевшие и слышавшие Ильича.

Есть тут совет энтузиастов-макаренковцев под названием «Кливер» — секция Всероссийского педагогического общества. Будущие учителя изучают историю педагогики, бывают в школах-интернатах. И каждую зиму члены совета отправляются в сельские школы Солнечногорского, Лотошинского, других районов Московской области. Они интересно рассказывают о подвиге малоземельцев, о пионерской символике.

Десять лет существует в училище хор русской народной песни. Концерты проходят в школах, клубах, а недавно хор выступал на вечере советско-греческой дружбы. Костюмы — яркие русские сарафаны, нарядные кокошники — хористы сделали сами.

Быстро проходят четыре года, и обретенные в училище знания, любовь к детям его питомцы несут в школу.

...У Гали Игаевой, Эллы Гуревич, Наташи Соломатиной здесь, в училище, занимались мамы. А скоро в начальную школу придут они сами, придут учителями.

И. ШИБАЛКОВА
Фото автора

КВН — дело серьезное.

На уроке.

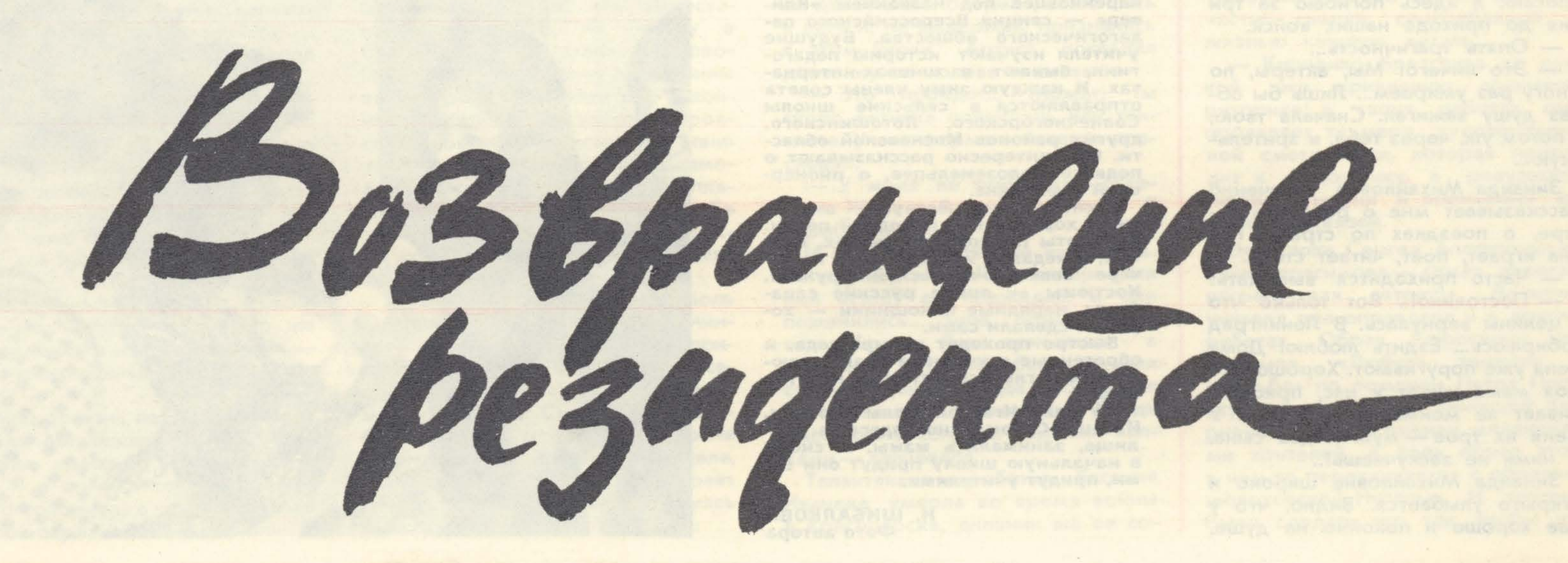
С днем рождения! Маше Пантюхиной сегодня шестнадцать лет.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. Петровой

Глава 13

СЛЕДСТВИЕ В МАЕ 1972 ГОДА

Водитель троллейбуса гражданин Д. в ночь с 21 на 22 мая, с воскресенья на понедельник, возвращался из своего парка после работы в два часа. Недалеко от частных гаражей он увидел сбоку от узенькой асфальтовой пешеходной дорожки лежащего на траве человека. Приблизившись, он наклонился и разглядел, что это девушка из соседнего дома, которую он не раз встречал. Гражданин Д. в недоумении тронул ее за плечо — она лежала на боку — и понял, что дело неладно: девушка не подавала признаков жизни. Трава вокруг ее головы слиплась от крови. Д. пошел на улицу, из будки автомата позвонил в милицию.

Через десять минут на двух машинах прибыла оперативная группа, дежурившая в эту ночь в городском управлении внутренних дел,— инспектор угрозыска, следователь прокуратуры, врач, эксперт НТО, проводник с овчаркой. Д. рассказал, как он обнаружил пострадавшую. Зажглись фары автомобилей, и на пустыре возник широкий светлый круг, где было видно как днем, и в центре этого круга лежало на земле недвижное тело молодой девушки.

Сильнее света фар несколько раз сверкнула вспышка блица — эксперт НТО сфотографировал с разных точек место происшествия.

Женщина-врач, судебно-медицинский эксперт, осмотрела пострадавшую, выслушала через фонендоскоп ее сердце и со вздохом сказала следователю, нетерпеливо ждавшему результата:

— Она жива. Проникающее ранение черепа. Ударили тяжелым тупым предметом.

Послышалась сирена «Скорой». Она въехала в светлый круг, санитары положили девушку на носилки, вдвинули в кузов автомобиля, и «Скорая» умчалась.

Следователь поднял с земли лежавшую под телом пострадавшей сумку из тисненой кожи, открыл ее, перебрал пальцами ее содержимое и извлек удостоверение центрального городского универмага. Заглянув в него и положив обратно, он принялся тщательно осматривать место происшествия, делая пометки в блокноте. Он ходил кругами, все более расширяя их, пока не добрался до забора по правую сторону дорожки, если стать лицом к гаражам. Ничего существенного при осмотре он не обнаружил — лишь несколько окурков, явно не этой ночью брошенных, разные щепочки, осколки стекла.

Следователь перелез через забор, зажег карманный фонарик и стал шарить лучом по земле. Но и там ничего не нашел.

В то время как он вел свои поиски, проводник с собакой терпеливо разбирались в путанице следов, пока, наконец, совершенно изнервничавшийся пес не сел на траву с отчаявшимся видом, давая тем самым понять, что он тут бессилен.

Затем был составлен протокол осмотра места происшествия, а тот участок земли, где лежала пострадавшая, огражден колышками, на которые натянули шнур. Оставив на пустыре одного из милиционеров, оперативная группа села по машинам и вернулась в городское управление внутренних дел.

Дежурный следователь, справившись в реанимационном отделении нейрохирургической клиники о состоянии потерпевшей и узнав, что оно очень тяжелое, записал последние данные и позвонил начальнику отдела, занимающемуся расследованием наиболее тяжких преступлений. Тот из дому поднял телефонным звонком следователя по особо важным делам Орлова:

— Михаил Петрович, приезжай сейчас же в управление. Буду тебя ждать.

Подполковник милиции Михаил Петрович Орлов, через чьи руки за восемнадцать лет следственной работы прошло достаточно много сложных уголовных преступлений, принял дело и начал расследование.

Подполковник отправился на место происшествия и внимательно его осмотрел. Потом по записанному для него на листке календаря адресу нашел квартиру Суховых. На другом листке он сам записал адрес нейрохирургической клиники, куда поместили Светлану Сухову,— для ее матери.

Когда Вера Сергеевна, открыв дверь, увидела перед собой высокого мужчину лет сорока пяти с косым шрамом на виске, с успевшим загореть лицом, она не испугалась и не встревожилась, а скорее наоборот,— как бы вздохнула, освобождаясь от чрезмерного напряжения. Она тревожилась всю ночь и всю ночь не ложилась спать, потому что ждала Светлану. Впервые в жизни ее дочь не пришла ночевать домой. Появление подполковника Орлова в столь ранний час — не было еще и семи — автоматически связалось у нее с отсутствием Светланы, и она встретила нежданного гостя взглядом, полным нетерпения.

Михаил Петрович в кратких словах изложил все, что знал сам, а затем задал Вере Сергеевне несколько вопросов. С кем дружила Светлана? Не замечала ли Вера Сергеевна чего-нибудь необычного в поведении дочери за последнее время? Не ссорилась ли Светлана с кем-нибудь? Нет ли у нее каких-то недоброжелателей?

Орлов объяснил, что преступник напал на Светлану не с целью ограбления: ни кольцо, ни деньги взяты не были.

Вера Сергеевна рассказала все, что знала, и прибавила то, о чем догадывалась. Таким образом в блокноте Орлова появилось два имени: Галина Нестерова и Алексей Дмитриев и под знаком вопроса — неизвестный пожилой мужчина. Вера Сергеевна поведала о своих сомнениях по поводу увлечения дочери новомодными нарядами, которые появляются из какого-то непонятного источника, о прежней дружбе Светланы с Лешей, о их затянувшейся размолвке, о неудачах с поступлением в университет.

Затем Орлов разыскал дружка Алексея Дмитриева — одного из тех, что сидели с ним вместе на скамейке, когда Леша ждал Светлану. Дружок, говорливый парень, между прочим сообщил, что у Леши было две пропажи — фотопленка и гаечный ключ — и что Леша грозился проучить Светлану. После этого Орлов вернулся в управление.

Одному из своих помощников он поручил установить, кто видел Светлану Сухову последним, точнее, предпоследним, ибо жертву преступления последним всегда видит преступник. Это была одна из самых трудных задач. Другой оперативный работник получил задание заняться выяснением личности Галины Нестеровой и Алексея Дмитриева. Третий должен был собрать сведения о Светлане по месту ее работы — в универмаге.

К сожалению, этот день был не субботним и не воскресным. К сожалению потому, что наиболее естественным и логичным следственным действием, с которого надо начинать в данном случае, Орлов считал встречу с владельцами гаражей, возле которых было совершено нападение на Светлану Сухову. Туда он и отправился.

Несмотря на будний день, в этом гаражном городке, как и во всяком другом, жизнь не замирала. Кто-то из автовладельцев пришел с ночной смены, кто-то, напротив, должен заступать в вечернюю, а у кого-то отпуск, и надобно подготовить «телегу» в дальний путь.

Орлов подошел к гаражу, в котором крутился возле «Москвича» юркий, низенький человек лет пятидесяти, с тряпкой в руке.

— Можно вас на минутку?

— Всегда пожалуйста,— охотно откликнулся автовладелец.— Чем могу служить?

— Я из уголовного розыска. Вы знаете Алексея Дмитриева?

— Вон его конура, через две от меня. Только он сейчас на работе.

— Не слыхали, не пропадало у него чего-нибудь?

— А что у него красть? — Автовладелец даже рассмеялся.

— Ну, например, гаечный ключ... А о ночном происшествии слыхали?

— Как же! Жаль девчонку. И родительницу ее жалко. А вы по этому делу? Как она, Светка-то?

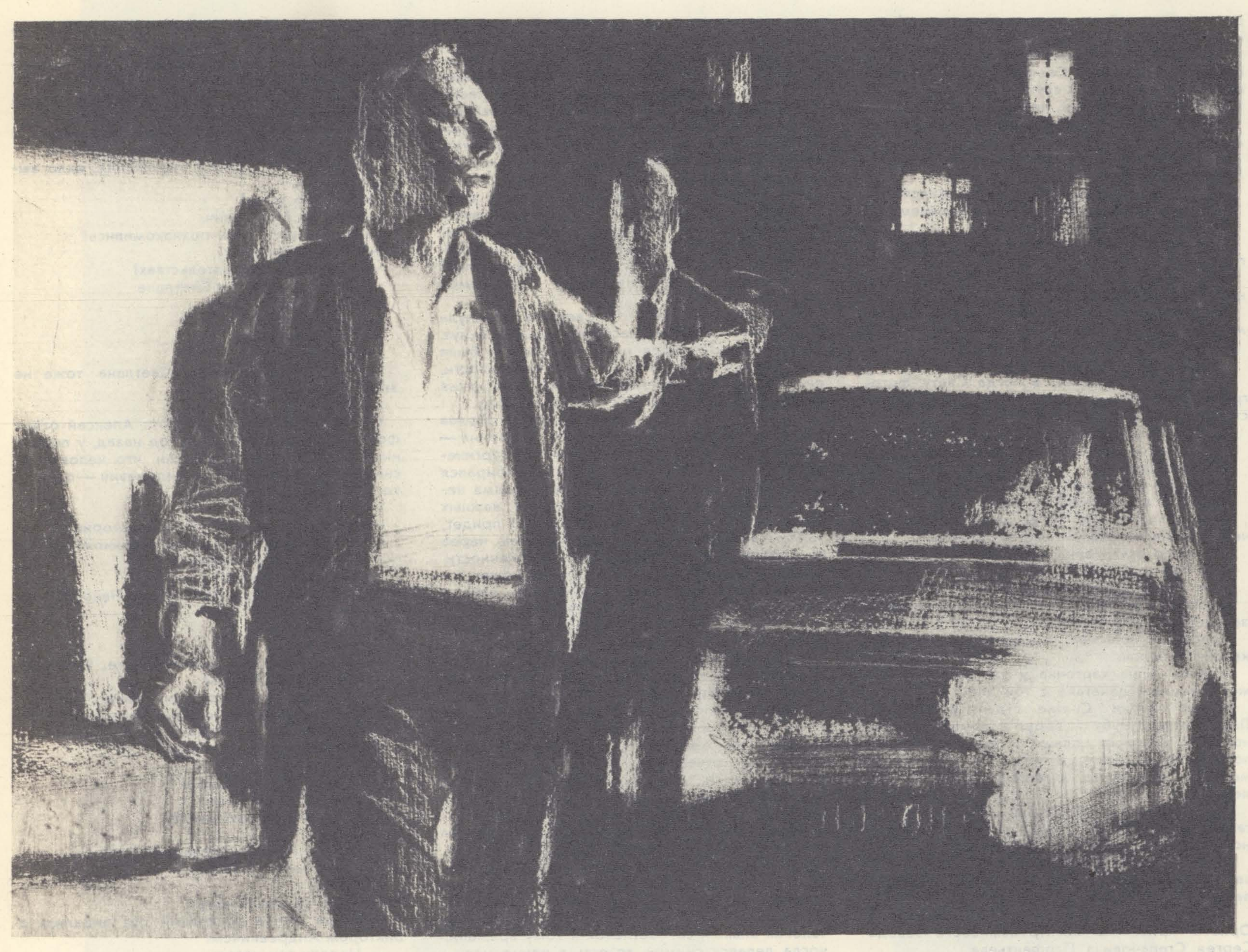
— Жить будет. А я по этому делу.

— И ключик, о котором спрашивали, значит... так сказать, тоже участвовал? — деликатно полюбопытствовал автовладелец.

— Скорей всего.— Орлов увидел, как при этих словах у его собеседника побледнело лицо.

Можно было ожидать, что автовладелец сейчас сделает какое-то умозаключение. На

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—24.

глазах у Орлова происходила работа мысли, процесс сопоставлений.

— Не может быть,— наконец произнес автовладелец.

— Простите, как вас зовут?—спросил Орлов.

— Николай Петрович.

— А что не может быть, Николай Петрович?

— Я говорю, не мог Леша этого сделать. Тут кто-нибудь другой, обязательно другой.

— А я вам и не говорил, что это он.

— Вы же про ключ спрашивали,— с недоумением сказал Николай Петрович.

— Ключ может оказаться в любых руках. А почему же все-таки вы за Лешу так уверены?

Николай Петрович пожал плечами.

— Не тот он парень... Ну, правильный парень, понимаете?

— Давно его знаете?

— Да как в этот дом вселились. Пятнадцать лет. Он еще и в школу, по-моему, не ходил.

— Спасибо, Николай Петрович, за информацию. А фамилия ваша как?

— Косицын.

— Адрес на всякий случай я запишу. Можно?

Николай Петрович назвал номер своего дома и квартиры, и Орлов уехал на ждавшей его машине.

...В тот день Леша до конца своей смены не доработал: в одиннадцать вызвали в отдел кадров, где его ждал подполковник Орлов. С ним Леша приехал в городское управление внутренних дел. Орлов сразу спросил:

— У вас гаечный ключ пропал?

— Да. Разводной.

— Когда?

— С год назад.

Строго говоря, Орлов действовал несколько против принятых правил, с первого шага открывая Леше то, что известно следствию, тем более что по логике вещей Лешу, как владельца гаечного ключа, возможно, послужившего орудием преступления, пока нельзя было совершенно освободить от подозрения. Но у Орлова была своя тактика расследований, и он верил собственной интуиции.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Леша задумался ненадолго и наконец вспомнил:

— Сосед по гаражу у меня его попросил, я поискал — нету. Тогда и хватился.

— Замок на гараже не срывали?

— Нет.

— А кто этот сосед?

— Парфентьев Сергей Степаныч, из девяносто восьмой квартиры.

— Где он работает?

— На электроламповом, мастером цеха.

Орлов по телефону вызвал одного из своих помощников, дал ему листок с записью.

— Поезжай сейчас на электроламповый, найди этого человека, привези сюда.

Леша понял, что хотя этот симпатичный следователь относится к нему вроде неплохо, но на веру его слова все же не принимает, и Лешу это немножко задело, ему хотелось доказать, что такому человеку, как он, можно доверять и без проверки. Но что пока он мог сделать?

— У вас со Светланой Суховой дружба? — спросил Орлов совсем из другой области.

— Была, да вся вышла,— хмуро ответил Леша.

— Почему?

Леше неудобно было отвечать на такой вопрос, трогать Светкины дела.

— Это, наверно, не влияет значения,— сказал он, привычно переиначивая ходячее выражение.

— Для следствия все имеет значение. Вы когда рассорились-то?

— Не ссорились. Просто не встречаемся. Уже с год.

— Не собирались ли вы ее проучить?

— Чего ее учить? Она сама ученая.

Орлов чувствовал и верил, что Алексей Дмитриев говорит правду. Он не мог подозревать этого парня в покушении на убийство.

— А все же почему не встречаетесь больше? — спросил Орлов.

— Так получилось.

— Не был ли причиной кто-нибудь третий?

Врать Леша не мог. Признаваться, что ревновал к итальянцу, тоже не мог.

— Был один человечек, но это тут ни при чем,— сказал он по-прежнему хмуро.

Однако они говорили о разных людях: Леша имел в виду Пьетро Маттинелли, имени которого он не знал, а Орлов — неизвестного пожилого мужчину, о котором Светлана говорила матери в сочиненной ею истории относительно источника заграничных вещей.

— Почему был? — спросил Орлов.

— Он уехал... Улетел...

— Далеко?

— За границу.

— Откуда вы знаете?

— Витек проследил.

— А кто такой Витек?

— Пацан с нашего двора. Ему двенадцать лет.

— И когда же это было?

— Тоже год назад.

— Расскажите об этом подробнее... Минутку, я, с вашего разрешения, включу магнитофон.

Орлов не ожидал появления в следственном деле какого-то иностранца. Вопрос о пожилом поклоннике Светланы Суховой он оставил пока

в стороне, а сейчас внимательно слушал Алексея. Выяснялись любопытные детали.

Заканчивая свой рассказ о том, как они с Витьком разыскали Светлану в кафе, Леша вспомнил и странный случай с человеком, потребовавшим засветить пленку.

— Что это был за человек? — спросил Орлов.

— Немолодой уже, постарше вас намного. Лица я не запомнил.

— Но он как-нибудь вам представился?

— Книжечкой помахал, удостоверением.

— Что за удостоверение?

— Красная книжечка такая. Мы в нее не заглядывали.

Наступило молчание. Орлов выключил магнитофон и закурил.

Леша, словно нащупывая ускользавшую мысль, задумчиво произнес:

— Да, тут еще вот что, товарищ...

— Меня зовут Михаил Петрович.

— Михаил Петрович, я когда Свету фотографировал, по-моему, этот тип за соседним столиком сидел, он в кадр попал.

— Пленка у вас цела?

— В том-то и дело, что нет.

— Тоже пропала?

— Да. Не знаю как.

— Когда обнаружили пропажу?

— Приблизительно тогда же. Как ключ исчез. Прошлым летом. Кажется, в июле.

— Только эта пленка и пропала?

— В том-то и дело.

— А замки в квартире целы?

— Один раз мать жаловалась, что ключ заедает. А потом — ничего...

Орлов почувствовал, что здесь завязывается какой-то узелок.

— Хоть одна карточка у вас осталась? Вы же, наверное, печатали с той пленки.

— Две штуки Светке отдал, а одну...— Леша закусил губу и вдруг вспомнил: — Точно, одна карточка должна остаться. Я стенгазету хотел вывесить, а потом не стал... Если мать не выбросила, она под тахтой должна лежать.

Орлов не пожелал уточнять, о какой стенгазете речь. Он взял трубку телефона, набрал номер:

— Машину мне.— И, положив трубку, сказал Леше: — Поезжайте домой, привезите вашу стенгазету.

...Пока Леша ездил за газетой, помощник Орлова привез с электролампового завода Сергея Степановича Парфентьева.

— Вы можете подтвердить, что у Алексея Дмитриева пропал гаечный ключ?— спросил Орлов.

— Да. Пользовался им. А потом он пропал.

— Вспомните, пожалуйста, когда именно вы спрашивали ключ у Дмитриева в последний раз?

— Точно не помню, а было это прошлым летом, в июле, а может, в августе.

Составив протокол и дав подписать его Парфентьеву, Орлов сказал:

— Спасибо. Всего доброго.

Едва Парфентьев покинул кабинет, вернулся Леша. В руке он держал сложенный вчетверо лист ватмана. На ходу развернув его, Леша положил лист на стол перед Орловым.

— Вот. Хорошо, на сгиб не попала,— сказал Леша, ткнув пальцем в фотокарточку.

— Который он? — спросил Орлов.

Леша снова ткнул пальцем.

— А вот, со стула поднимается.

Орлов недолго разглядывал лица на снимке, потом позвал помощника.

— Отправь это в фотолабораторию, пусть выкадрируют крупно человека на заднем плане. Скажи — срочно.

Помощник взял ватман и ушел.

— Садитесь, продолжим,— сказал Орлов Леше.— Теперь такой вопрос. Не встречали ли вы Светлану Сухову с пожилым мужчиной? Или приходилось?

— Я не видел, а Витек встречал.

— Не тот ли это, что на снимке?

— Трудно сказать... Мы про снимок, честно говорю, давно забыли... Год прошел...

— Ну, а как, на ваш взгляд, сильно изменилась Светлана за этот год? Или не замечали?

— Прибарахлилась, конечно.

— И больше ничего?

— А что же еще?

Орлов попросил Лешу в ближайшие дни никуда из города не уезжать и попрощался с ним.

После обеда у Михаила Петровича состоялось маленькое совещание с помощниками.

Из того, что удалось узнать о Галине Нестеровой, существенным для дела представлялся лишь один момент: она, как и Светлана Сухова, за прошедший год обновила все свои туалеты. Ничего предосудительного никто за нею не замечал.

Что касается универмага, то сведения оттуда были интереснее: две продавщицы заявили, что могли бы узнать в лицо пожилого человека, который довольно регулярно наведывался к Светлане — то ли как обыкновенный покупатель, то ли специально ради самой Светланы.

Выяснилось также, что Светлана покинула универмаг в двадцать часов пятнадцать минут. Последней, кто видел ее в универмаге, была заведующая сектором. По всей вероятности, она и была тем «предпоследним», кого искал Орлов. Но следствию это ничего не дало.

Наметив план дальнейших действий, Орлов отпустил своих сотрудников и позвонил — четвертый раз за день — в нейрохирургическую клинику. Оказалось, что уже собирался консилиум. Прогноз неутешителен: травма черепа нарушила функции жизненно важных центров, и выздоровления, если оно придет, надо ждать нескоро — не ранее чем через три-четыре месяца. Парализованы конечности. Светлана не видит, не слышит и не может говорить. Когда восстановятся зрение, слух и речь, пока невозможно предсказать.

Значит, из первоисточника следствию добыть ничего не удастся...

К трем часам пополудни принесли из фотолаборатории выкадрированный из фотокарточки и увеличенный портрет неизвестного пожилого мужчины,— снято было не в фокусе, а при увеличении нерезкость еще усугубилась, но все же черты лица вырисовывались достаточно отчетливо, портрет годился для идентификации. Взяв из фототеки портреты трех других мужчин, сходных по типу, Орлов отправился в универмаг.

Продавщиц, которые знали в лицо того человека, который навещал Светлану Сухову, вызвали в кабинет директора. Орлов предъявил им четыре фотопортрета, и обе без колебаний указали на кадр, снятый Алексеем.

Теперь требовалось установить, был ли этот человек знаком со Светланой к тому времени, когда делался снимок, то есть в конце мая — начале июня. Светлана говорить не могла — значит, надо спрашивать Галину Нестерову.

...Скорее всего Орлов, если бы он знал о состоянии, в котором Галина пребывала с тех пор, как Вера Сергеевна по телефону, заливаясь слезами, рассказала ей о случившемся,— скорее всего он отложил бы встречу с ней по крайней мере на завтра. Единственная подруга потерпевшей должна болезненно переживать несчастье — это понятно всякому. Но то, с чем столкнулся Орлов, граничило чуть ли не с катастрофой. Галина Нестерова с утра, после телефонного разговора с матерью Светланы, не пошла в университет, не стала завтракать, не отвечала матери, которая после двух безуспешных попыток разговорить дочь оставила ее в ее комнате и удалилась в свою спальню. Галина сидела в низком кресле, уперев локти в колени и спрятав лицо в ладонях. Ольга Михайловна, позавтракав, поехала в парикмахерскую, вернулась, пообедала, а Галина все сидела, не меняя позы. Часы пробили шесть вечера — она все сидела. Немудрено, что она не могла сразу встать, когда за нею приехал посланный Орловым оперативный работник. Она самостоятельно и вниз спуститься не сумела бы — так затекли у нее ноги. Помощник Орлова принял это за минутную слабость, иначе он не настаивал бы на немедленной явке в управление.

Увидев ее входящей в кабинет и встав ей навстречу, Орлов спросил:

— Вы плохо себя чувствуете?

Галя не ответила. Орлов взял кресло, поставил его поближе к своему столу.

— Садитесь, пожалуйста.

Она послушно села. Орлов спросил:

— Вы в состоянии ответить на несколько вопросов? Мы можем и отложить.

— Прошу вас,— сказала Галина.

Орлов решил действовать по несколько сокращенной программе — выяснять только самое необходимое.

— Посмотрите на эти фотоснимки. Кто-нибудь из них вам знаком?

Галина перебрала одну за другой четыре протянутые ей карточки.

Портрет из Лешиного кадра задержался в ее руке. Она узнала Виктора Андреевича.

— Этот,— без всякого выражения, вяло вымолвила она.

— Как его зовут?

— Виктор Андреевич.

— Вы давно с ним познакомились?

— В прошлом году.

— При каких обстоятельствах?

— Он сам пришел к Светлане.

— Ухаживал за ней?

— Нет, что вы...

— Его фамилия?

— Мы не знаем.

— Вы хотите сказать — Светлана тоже не знает?

— Да.

Орлову стало ясно, что, хотя Алексей отдал фотоснимок Светлане еще год назад, у подруг никогда не возникало мысли, что человек на снимке и некий Виктор Андреевич — одно и то же лицо.

— Где он работает?

— На химкомбинате. В лаборатории.

— А кто сидит с вами за столиком?

— Пьетро... Итальянец...

— Как его фамилия?

Гале стоило труда вспомнить. Наконец она вспомнила:

— Маттинелли.

— Турист?

— Он работал на химкомбинате. Инженер.

— Вы часто виделись?

— Он уехал на следующий день.

Галина не выходила в своих ответах за рамки вопросов — это ей было не по силам.

— Он больше не приезжал?

— Нет.

— И писем не присылал?

— Присылал. Светлане.

— Она вам их показывала?

— Да.

— Что он писал в последний раз?

— Собирается приехать.

— Когда?

— Кажется, послезавтра.

— Когда вы в последний раз виделись с Виктором Андреевичем?

— Недели три назад.

— Он знает итальянца?

— Да.

— Спасибо. Поезжайте домой. Вас отвезут.

Орлов вызвал себе другую машину и поехал к Вере Сергеевне Суховой — ему не терпелось выяснить, сохранилась ли у Светланы фотокарточка, подаренная Лешей. Вера Сергеевна перерыла все и в комнате дочери и у себя. Карточки не было.

Вернувшись в управление, Орлов заперся в своем кабинете и дважды прослушал записанный магнитофоном разговор, а потом позвонил своему начальнику генерал-майору Ганину. Генерал был занят, просил прийти через час. Чтобы не терять времени, Орлов связался с отделом кадров химкомбината и попросил выяснить, в какой из лабораторий работает инженер по имени Виктор Андреевич. Через сорок минут ему позвонили из отдела кадров и сказали, что ни в одной лаборатории человек, которого зовут Виктор Андреевич, не числится.

Тогда Орлов попросил проверить весь личный состав комбината. Это требовало времени, но Орлов предчувствовал, что и среди более чем трех тысяч работников химкомбината Виктора Андреевича не обнаружится. Возможно, найдется его двойной тезка — и по имени и по отчеству, но им окажется не тот, кого он ищет. И вообще, надо полагать, у человека с Лешиного снимка настоящее имя совсем другое.

...Наконец генерал принял Орлова. Им не было необходимости разжевывать друг другу догадки, возникавшие по ходу доклада. А вывод они сделали независимо друг от друга, но совершенно одинаковый: специфика этого дела требовала немедленно связаться с управлением Комитета госбезопасности.

Продолжение следует.

П. Судаков. ПОРТРЕТ ХИРУРГА А. БЕЛЯЕВА. 1979.

П. Судаков. ИРА. 1978.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. 1976.

НЕ ТОЛЬКО ПО СЛУЖБЕ...

В. КОСТЫРЯ,
Д. ПОЛИНИН

Участники Великой Отечественной войны... Уважаемые, почитаемые народом, любимые. Еще одним свидетельством заботы о них стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1978 года «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны». Как много значат тут инициатива, предупредительность, душевность...

Согласитесь, одно дело, например, табличка над торговым прилавком «Инвалиды Великой Отечественной войны обслуживаются вне очереди», и совсем другое — телефонный звонок инвалиду с предложением товара, а затем и визит на квартиру...

— Ахат Валиевич, поступили в продажу отличные сорочки из чистой хлопчатки. Хотите? Незаменимы в летнюю жару. Есть голубые, как раз под светлую шляпу, купленную у нас же!.. Решайте, мигом доставим...

Ветеран войны, гвардии старший лейтенант Ахат Хусаинов, бывший командир танково-десантной роты, защитник Сталинграда, кавалер двух орденов Отечественной войны первой степени, потерявший ногу в боях за освобождение Смоленска, растроганно ответил:

— Узнаю вас, дорогой Фарухджан Султанов... Большое спасибо за заботу!

Вслед за продавцом Султановым трубку взяла Таджихон Кабилова, секретарь комитета комсомола ташкентского ЦУМа. Она многое сделала для приобщения молодых продавцов лучшего в Узбекистане ордена Трудового Красного Знамени торгового предприятия к благородному делу шефства над инвалидами-фронтовиками.

— Наши девчата и ребята любуются вами, Ахат-ака, вашим мужеством и скромностью! И такими, как вы!

На особом положении в универмаге зал воинской и трудовой славы. Тут портреты ветеранов, выдержки из их биографий, описание боевых подвигов, фотоснимки военной поры. На стенде реликвии. Вплоть до снарядных гильз и осколков, извлеченных после ранения. И на самом видном месте крупными буквами — проникновенные строки из книги Леонида Ильича Брежнева «Малая земля»: «И сегодня, спустя многие годы после сражений, среди множества дел мы обязаны постоянно помнить о тех, кто прошел войну. Окружать их заботами и вниманием, помогать им в житейских делах — это моральный долг органов власти, всех граждан, это закон нашей жизни».

— Когда мы читали «Малую землю», — говорит Таджихон Кабилова, — приятно было сознавать, что не только по службе, но и по велению сердца уже не первый год дружим с бывшими фронтовиками. Возможно, что тут сказалась особая атмосфера в нашем парткоме и дирекции, где немало бывших воинов.

Шефы, продавцы Ташкентского ЦУМа, привезли на дом ветерану войны Абдухадыру Таджибаеву заказанный им костюм.

Фото В. Сваричевского

Среди них и директор универмага Касым Адурхаевич Абайханов. Послушаешь, как он беседует с посетителями, как неторопливо, негромким голосом объясняет, почему сейчас еще нельзя удовлетворить просьбу покупателя, но ему позвонят по телефону дней через 5—10, и тогда все будет в порядке, послушаешь его и сразу вспомнишь: бывший комиссар, фронтовик...

Свой путь Касым Абайханов начал на Северо-Западном фронте, под Лугой, политруком ударной батареи 21-й мотомеханизированной артиллерийской бригады. Последний же бой, в котором он участвовал уже парторгом артиллерийского полка, был под Варшавой. В одной из жарких схваток по ликвидации демьянской группировки фашистов комиссар Абайханов находился в боевых порядках батареи и, несмотря на ранение, обеспечил вместе с командиром образцовое выполнение задания. В госпитале узнал о награждении орденом Красной Звезды. А осенью 1943 года Абайханов отличился при форсировании Днепра: мешавшие переправе огневые точки гитлеровцев были уничтожены прямой наводкой. За мужество и воинскую доблесть, проявленные в этой операции, орден Отечественной войны 2-й степени прикрепил к его гимнастерке сам командующий фронтом К. К. Рокоссовский.

После демобилизации партия направила Касыма Абайханова на совершенно незнакомую ему работу — в торговлю. Пришлось постигать ее специфику. Окончил техникум, заочный Всесоюзный институт советской торговли и вот уже семнадцатый год с успехом руководит одним из крупнейших торговых предприятий страны: лишь в минувшем году ташкентский ЦУМ продал товаров на 114,5 миллиона рублей при плане 112 миллионов.

— В торговле, как известно, немало проблем и немало резервов повышения культуры обслуживания покупателей, — говорит Касым Адурхаевич, которого, кстати, многие здесь зовут, как звали его русские фронтовые друзья, Константином Андреевичем. — Но сколько же зависит от нас самих! Каждодневно изучая спрос, наши сотрудники дают промышленности хорошо обоснованные заказы и добиваются их обязательного выполнения. А добившись своего, вновь обращаются к покупателю, — ведь спрос-то меняется. Такое посредничество между покупателем и промышленностью помогает повышению качества товаров, увеличению выпуска нужных изделий. А чем больше покупателей уходит от нас довольными, тем эффективнее наша работа. В четвертом году пятилетки рассчитываем продать товаров на сто двадцать миллионов рублей. Разумеется, для достижения этого рубежа каждый должен хорошо знать свое дело, быть на уровне требований времени, заботиться о покупателе как о добром друге. Я уж не говорю о ветеранах революции и войн, они у нас на особом положении. Делаем все для того, чтобы эти уважаемые люди не уходили из универмага без покупок. Если у нас нет, скажем, костюма нужного размера или фасона, делаем индивидуальный заказ на фабрику. Нередко ветераны обращаются к нам за товарами, которыми универмаг не торгует. Например, кухонная мебель, мы ею не торгуем. И тем не менее ветеран войны обращается к нам. Он знает — постараемся помочь ему. И мы этим гордимся. Недавно цумовские комсомольцы выполнили такой заказ с помощью Ташхозкультторга. Его директор Бибиниссо Балтабаева, кстати, в юности она была одной из первых узбечек-парашютисток, оперативно откликается на шефские телефонные звонки. Пока вносили в квартиру тот кухонный гарнитур, пока ставили его на место, завязался разговор с хозяином... Который уже раз вспоминают наши комсомольцы рассказ ветерана о его боевом пути! Для молодых такой разговор многих лекций стоит. Чуть не сказал: для молодых бойцов! — улыбнулся Константин Андреевич и добавил: — Тогда уж так: бойцов хорошего настроения...

Есть у этих «бойцов» хороший «политрук», Таджихон Кабилова. Она рассказывала нам, как после одной из бесед с директором отправилась в военкомат Ленинского района Ташкента за фамилиями и адресами фронтовиков — инвалидов первой группы. Таджихон приятно было услышать, когда возглавляющий пенсионный отдел военкомата подполковник Бейнин сказал:

— Узнаю Константина Андреевича! Мы ведь с ним когда-то вместе в госпитале лежали...

Новую форму услуг молодые продавцы сначала восприняли как комсомольское поручение. Но уже первые визиты к героям войны породили теплые чувства, переросшие вскоре в крепкую дружбу людей разных поколений и судеб.

Продавец Люба Сачанова вспоминает:

— Когда мы с сотрудницей универмага, моей ровесницей Любой Тарлыковой, впервые пошли к инвалиду войны лейтенанту Кобринскому, я все посматривала на часы: время-то рабочее, план есть план. Но лишь переступила порог квартиры, и все эти мои опасения улетучились. Одинокий, тяжело больной человек приветливо и по-отечески как бы подбадривал нас! Видно было, что наш приход оказался очень кстати. В те минуты я особенно остро почувствовала, как нужна людям моя профессия!

Инициатива комсомольцев универмага была горячо поддержана не только в Ташкенте, но и в других городах, районных центрах и поселках республики. Министр торговли Узбекской ССР М. Х. Хасанов рассказал нам о разработанной министерством системе обслуживания, которая обеспечивает своевременное выполнение заказов инвалидов войны, семей погибших, персональных пенсионеров.

— Во всех магазинах заведены книги приема и исполнения заказов инвалидов войны. Всем инвалидам первой группы товары доставляются на дом. В 1977 году, например, только в Ташкенте и только фирмой «Хизмат — Беминнат» инвалидам первой группы было продано товаров на шестьдесят две тысячи рублей, а в минувшем году — уже на сто десять тысяч. Каждый инвалид взят под персональную опеку продавцов близлежащих магазинов. Наши работники рады выполнить просьбу ветерана войны, где бы он ни жил... Пришло в министерство письмо из Таганрога, от Николая Михайловича Рогальского. Он пишет: «Я инвалид, ни приехать, ни прийти к вам не имею никакой возможности, так как потерял обе ноги, а праздник Победы приближается. Убедительно прошу вас помочь приобрести узбекскую тюбетейку размером 60, стоимостью 12 рублей и выслать ее наложенным платежом по почте». Просьбу направили в ЦУМ, и бандероль с этим заказом ушла в Таганрог в тот же день, когда комсомольцы получили письмо...

К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

АННА АХМАТ

Издавна повелось: существуют на русской земле места, которые, особым образом отражаясь в творчестве художников, тем самым оставляют неизгладимый след в искусстве. Для молодой Анны Ахматовой такими были поэтическое Царское Село, классический Петербург «над Невою темноводной» и скромная усадьба Слепнево близ города Бежецка в Тверской губернии.

«Это не живописное место,— вспоминала поэтесса Слепнево,— распаханные ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болотца, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи...»

Деревенский пейзаж, который так тонко и просто умела передавать Ахматова,— это обычно слепневские окрестности, деревни, поля, леса и овраги тверского края, дававшего ей приют, как некогда Пушкину. У Ахматовой именно здесь начинают звучать народные темы, проступают черты той зримой гражданственности, которая определит ее развитие как русского национального поэта. Описание бедной тверской деревни: «Журавль у ветхого колодца, над ним, как кипень, облака, в полях какие-то воротца, и запах хлеба, и тоска»; проводы солдат: «Можжевельника запах сладкий от горящих лесов летит. Над ребятами стонут солдатки, вдовий плач по деревне звенит»; картины крестьянского труда характеризуют тенденцию вырваться из границ интимной лирики на простор объективной, широкой, повествовательной поэзии.

Размышляя над стихами Ахматовой, мы можем говорить о «школе Пушкина», предопределившей стройность ее музы, стремление — на пути к строгой и ясной классичности — подняться над сиюминутным.

Совершенно особым было отношение Ахматовой к Пушкину. Юность провела она в Царском Селе, и вошли навсегда в ее жизнь образы и темы русской классической поэзии, непосредственное, какое-то родственное восприятие пушкинской эпохи. Великолепие старинных парков, ожидание чуда, когда кажется, что вот-вот в темной глубине аллеи явится тень смуглолицего курчавого отрока в лицейском мундире, статуя воспетой поэтом девушки с разбитым кувшином — все это лишь части того «царскосельского тона», который в лирике Ахматовой станет высокой классической темой, освященной именем Пушкина.

Смуглый отрок бродил по
аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Из плеяды «царскосельских поэтов», к которым с гордостью причисляла себя Ахматова, двоих можно назвать ее прямыми учителями — Пушкина и Иннокентия Анненского.

Вряд ли мы найдем в русской литературе XX века другого поэта, который столь отчетливо, как Ахматова, ощущал Пушкина, не только зная с детства его стихи наизусть, учась у него, стремясь быть верным высокой пушкинской традиции. Она серьезно изучала жизнь и творчество великого поэта. «Примерно с середины двадцатых годов,— пишет она в автобиографии,— я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы — о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы Ахматовой о Пушкине исключительно интересны. Не так давно вышел сборник ее «пушкинских штудий» — статей, заметок, исследований, отмеченных резко индивидуальным, можно сказать, пристрастным отношением автора к личности и творчеству Пушкина и его окружению. И хотя Ахматова порой субъективно несправедлива в раскрытии каких-то тайных моментов и узлов пушкинской биографии, работы ее привлекают чрезвычайно своеобразной интерпретацией судьбы поэта. Не случайно в одной из лучших недавних ахматовских книг (составленной по плану, намеченному ею самой) проза о Пушкине следует сразу за отделом стихов, органично примыкая к ним. При этом перед читателем как бы чуть-чуть приоткрывается завеса тайны музы самой Ахматовой, «бесконечно поэтичной в своей простоте» (Д. Благой).

А. Ахматова оказалась, по существу, последней в блестящей плеяде русских поэтов, которые во всеоружии литературных традиций отдавали часть своего времени и таланта литературоведческим изысканиям. Они оставили неоценимые по глубине мысли и изяществу исполнения работы, ставшие классическими в русской культуре.

Огромное влияние оказал на становление поэзии Ахматовой и Иннокентий Анненский. Директор царскосельской гимназии, знаток древних языков — лишь незадолго до смерти выпустил Анненский под псевдонимом «Ник.-То» первый сборник своих стихов, сразу привлекший внимание, а истинное признание пришло к нему уже посмертно, после второго сборника — «Кипарисовый ларец». О нем-то, как о решающем в ее творческой судьбе, писала Ахматова: «Затем случилось следующее: я прочла (в Брюлловском зале Русского музея) корректуру «Кипарисового ларца» (когда приезжала в Петербург в начале 1910 года) и что-то поняла в поэзии... Я сразу перестала видеть и слышать, я не могла оторваться, я повторяла эти стихи днем и ночью... Они открыли мне новую гармонию». Памяти Анненского посвятила Ахматова стихотворение «Учитель»:

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не
оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь
выпил,
И славы ждал, и славы не
дождался,
Кто был предвестьем,
предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул
томленье —
И задохнулся...

В последнюю осень своей жизни Иннокентий Федорович Анненский, решившийся наконец выйти на широкую литературную дорогу, высокий, сухой, красивый старик в педагогическом мундире, не раз выступал в так называемой поэтической Академии, заседания которой проходили в редакции журнала «Аполлон», с проникновенными речами о поэтах прошлого. И хотя не имел он еще большого литературного имени, сразу все признали его авторитет почти непререкаемым.

Поэтические собрания посещала в ту осень и «очень стройная, очень юная женщина в темном наряде». Вскоре выяснилось, что она пишет «для себя» стихи. На одном из заседаний Вячеслав Иванов упросил Ахматову (а это была она) прочесть их в неофициальной части программы заседания. Современник пишет: «Я помню стихи, которые сказала Анна Ахматова,— т. е. помню, что среди них было:

У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла...

Это стихотворение, кажется, и все другие, читанные Ахматовой в тот вечер, были в скором времени напечатаны. Между тем, как слышно было, она вообще только что начала писать стихи. Дело в том, что эта «самая обыкновенная барышня» — сразу, выросши, выросла поэтессой,— и с первых шагов стала в ряды наиболее признанных, определившихся русских поэтов. Года через два «ахматовское» направление стало определять чуть ли что не всю женскую лирику России».

Те годы были триумфальными для поэтессы. Ее стихи пользовались широкой популярностью, ее портреты писали прекрасные художники, она была окружена всеобщим поклонением. Ахматова не знала соперников в своеобразной лирической форме «любовного дневника». Она создает прекрасные сборники любовной лирики «Четки» и «Белая стая», в которых предстает тончайшим психологом «женской души», выразив предельно искренне и обнаженно даже оттенки самых затаенных чувств и переживаний. Причем характерна четкость ее стиха, земной характер этой во многом автобиографической поэзии.

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы
все —
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь,
зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

Лишь очень немногие, по-настоящему проницательные критики смогли увидеть в ее ранних стихах «лирическую душу скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жестокую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную». Позднее именно эту оценку отмечала она как провидческую.

Надвигалась эпоха «неслыханных перемен, невиданных мятежей», когда проявится отчетливый гражданский, национальный характер ахматовской музы. И первым испытанием для поэтессы стала мировая война. Трагические ноты зазвучали в ее стихах:

...Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся.
Скоро
Станет тесно от свежих могил.

Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат...»

Тогда, в 1914—1915 годах, в лирику Ахматовой вошли выстраданные мотивы, близкие к народной поэзии. Она вместе с крестьянами тверских деревень рыдала вослед уходящим, часто навсегда, солдатам, и она молилась:

Дай мне горькие годы недуга.
Задыханья, бессонницу, жар.
Отыми и ребенка и друга.
И таинственный песенный дар—

Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных
дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Этот трагический прорыв в творчестве лиричнейшей поэтессы не был случаен. Ахматова принадлежала к тому предреволюционному поколению, которое сформировалось в период двух войн, между двух революций. Чтобы понять это поколение, стоит вспомнить знаменитые строки Блока, написанные в первые дни мировой войны: «Мы — дети страшных лет России — забыть не в силах ничего».

Блок всегда внимательно следил за творчеством Ахматовой и в статье 1921 года «Без божества, без вдохновенья», направленной против эстетического формализма акмеистов, выделил поэзию Ахматовой как «настоящее исключение среди них», заметив, что неизвестно, «считала ли она сама себя акмеисткой». То есть Блок почувствовал в Ахматовой поэта, чье творчество не укладывается в прокрустово ложе какой-то одной школы, по сути, он предсказал дальнейшее развитие ее поэзии.

А для Ахматовой именно Блок всегда олицетворял то предреволюционное поколение, к которому она сама принадлежала. «Блока я считаю не только величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века,— писала она,— но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени». Тема Блока прошла через все творчество Ахматовой. Она встает во весь рост, точ-

ОВА

но заметил Жирмунский, в последний период ее творчества, когда судьба ее поколения выходит у Ахматовой на первый план «в стихах на исторические, гражданские темы».

В 1946 году в Большом драматическом театре в Ленинграде, том самом, где когда-то состоялось последнее выступление Блока, на вечере, посвященном 25-летию со дня его смерти, читала Ахматова только что написанные строки, в которых со всей силой выразилось ее отношение к Блоку:

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

Ахматову роднила с Блоком одна важнейшая для нас черта. Они не мыслили себе жизни без России. Когда в 1917 году вихрь революции ворвался на улицы Петрограда, когда в панике заметались многие представители интеллигенции, они остались со своей страной. Блок с первых дней включился в строительство новой, социалистической культуры. На вопрос: может ли интеллигенция работать с большевиками? — он ответил кратко: может и обязана. Сложнее адаптировалась к новой жизни Ахматова, но и она решительно сделала выбор — с кем быть. Об этом знаменитое стихотворение-ответ, написанное в 1917 году:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Ее не раз называли «русской «Сапфо», и как отличалась поэзия Ахматовой от дамских рукоделий, заполнявших в первую четверть века страницы журналов и альманахов. Никогда, несмотря на все превратности судьбы, не стремилась она вернуться назад, в тень царскосельских аллей, замкнуться в личном мирке. Лишь одну поэтессу, ее современницу, можно назвать равной Ахматовой в русской поэзии XX века — Марину Цветаеву.

С годами все расширялся круг лирики Ахматовой. Ей стал подвластен простор эпической поэзии. Лучшую из своих поэм — триптих «Поэма без героя», которую Ахматова писала двадцать два года, она посвящает «памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады. Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи».

Во время Великой Отечественной войны муза Ахматовой обрела новое звучание. Это был взлет высокой патриотической лирики.

В первый год войны Ахматова разделила судьбу миллионов ленинградцев, их страдание, их боль, их веру. Осажденный Ленинград делал все, что было в силах, чтобы выстоять. Среди тех, кто работал для обороны города, была и Ахматова. В 1942 году она написала поразительное стихотворение «Статуя «Ночь» в Летнем саду», где вспоминает, как вместе с ленинградками спасала статуи Летнего сада.

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.

Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

Кажется, сама история застыла в этом стихотворении-плаче, вырвавшемся из глубины души. Да, не случайно чуткие критики на заре творчества Ахматовой видели в ее лирическом дневнике глубокое человеческое и даже героическое содержание. Самые интимно-личные стихи Ахматовой времен войны исполнены отчетливо выраженного общечеловеческого чувства, это трагедийная лирика истинно народного поэта.

Наряду с проникновенными лирическими стихами зазвучали в поэзии Ахматовой в эти страшные годы и яркие публицистические строки, такие, как напечатанные рядом с фронтовыми сводками на полосе «Правды»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Гражданственная тема, развившаяся у Ахматовой во время войны, не ушла из ее послевоенной поэзии. Все мудрее, все глубже становится с годами ее муза. Она создает и изумительные лирические стихи и много размышляет над историей России, вновь и вновь задумывается над прошлым своего поколения. Ей пришлось еще испить горькую чашу, но Анна Андреевна Ахматова с высочайшим достоинством вынесла все, что было предначертано ей судьбой. И когда уже на закате жизни эта величаво-прекрасная женщина, русский советский поэт Анна Ахматова, получала международную литературную премию «Этна-Таормина» в Италии или мантию почетного доктора литературы в Оксфорде, весь мир был свидетелем высоты ее духа, глубокой мудрости, неразрывного единства с Родиной.

О пути своем лучше всех сказала в конце жизни сама Анна Андреевна: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

ПОДОЖДЕМ «ЕЛЕНУ»?..

ИСТОРИЯ С ОЧКАМИ — В ДИАЛОГАХ И СПРАВКАХ; В ОТЧЕТЕ С ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА; В РЕПОРТАЖЕ С КРУПНОГО ЗАВОДА; А ТАКЖЕ В АВТОРСКИХ ОТСТУПЛЕНИЯХ...

К. БАРЫКИН,
специальный корреспондент «Огонька»

Ни поначалу, ни потом мне не удалось встретиться с Юрием Георгиевичем Логачевым. Дозвонился ему, но начальник Главного управления медицинской техники Минмедпрома СССР сослался на большую занятость. И порекомендовал поехать в объединение «Медоборудование».

— Если вы все же будете писать об очках,— в голосе собеседника послышался металл,— то не советую спешить со статьей...

Спешить я не собирался. Но и откладывать никакого резона не было. И в этом убедился, когда приехал в Министерство здравоохранения СССР на посвященное очкам заседание коллегии.

Время заседания еще не подошло, и все мы столпились около нескольких планшетов, снизу доверху увешанных оправами. Чего здесь только не было! Очки, линзы размером едва ли не в блюдце, но главное — оправы, самые разнообразные оправы. В их ряду — Оправы, Приятные Во Всех Отношениях... И названы неплохо — «Дипломат», «Журналист», «Елена»...

«Хороша «Елена»!» Эти слова я слышал не раз. Свои симпатии ей охотно высказывали мужчины и женщины. В первую очередь женщины — оправа для дамских очков.

— Да, «Елена» — прелесть,— сказала главный редактор журнала «Здоровье» Мария Дмитриевна Пирадова, внимательно осмотрев новинку и даже примерив ее.— Но не устареет ли она, когда поставят на производство?

Никто ей не ответил. Я пока тоже не знал, когда устареет эта прекрасная «Елена» — современная, с отменным вкусом сделанная. Окажись такая оправа в аптеке, никто другую и искать не стал бы!

Дизайнеры научно-производственного объединения «Медоборудование» представили немало образцов — хороших, даже отличных, но были и такие, которые не смотрелись. Рядом с каждой моделью — две цифры: предполагаемый тираж и год освоения массового промышленного производства. И вот тут-то выяснилось, что в этом году будет всего пять тысяч «Елен»,— серийный выпуск ожидается через два-три года. И стал ясен смысл вопроса, заданного главным редактором «Здоровья»: «Не устареет ли «Елена»?»

— Предположить, что форма оправы не изменится в течение этих лет,— значит проявить непонимание дела. Оправа зависит от направления общей моды, которая быстро меняется,— вслух прокомментировал кто-то сроки массового выпуска.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ:

— Это прежде встречали по одежке. А теперь встречают по очкам,— заметил мой собеседник, дизайнер.— Понятия моды, ее требования распространимы на очки даже не менее, а более, чем на шляпу или, скажем, галстук.

Мода и очки? На выставке «Оптика-77» один из западных конструкторов говорил автору, что к каждому готовящемуся ансамблю одежды он заказывает очки.

— Даже если они не нужны?

— Очки нужны почти каждому! Они могут скрыть какие-то недостатки лица или, наоборот, подчеркнуть его приятные особенности. И сделают это мягко, не нарочито... Очки естественнее косметики. Не исключено, что через какое-то время они станут одной из обязательных принадлежностей туалета.

...Нам такой подход к оправе пока «не грозит». Оправ остро недостает. И все же, как убежденно говорил председательствующий на коллегии Министерства здравоохранения СССР, в первую очередь надо говорить не о количестве, а о качестве, об эстетической стороне дела. Среди тех миллионов оправ, что дает промышленность, весьма велик процент таких, которые никто не приобретет. На том же заседании прямо было сказано: «Многие модели оправ, выпускаемые предприятиями Минмедпрома, не отвечают современным требованиям; по форме и гамме расцветок уступают зарубежным».

В подтверждение — справка, подготовленная к заседанию коллегии: «Как показали проверки, проведенные Госинспекцией по качеству Минздрава СССР и Всесоюзным объединением «Союзмедтехника», на заводах-изготовителях и на оптических производствах качество оправ и линз во многих случаях не соответствует стандартам».

Казалось бы, вопрос ясен. Но вот после коллегии Минздрава СССР еду в Харьков на Всесоюзное совещание, посвященное все той же проблеме — очкам. Слушаю некоторых ораторов и диву даюсь — какая благостность! Выступает директор крупнейшего Изюмского оптико-механического завода В. Бескорсый: «Ежегодный

прирост — двадцать процентов», «смонтировали цех контактных линз», «даем в год сорок миллионов линз»; «выпускаем пятнадцать миллионов оправ двадцати восьми моделей», «будут новые, современные оправы, не хуже импортных».

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ:

Один из видных наших офтальмологов, доктор медицинских наук сказал мне однажды, что с точки зрения «чистой медицины» очки желательны такие, какими они написаны в одном из вариантов репинских «Запорожцев...»— небольшой мениск, расположенный как можно ближе к глазу. Но сейчас-то маленькие линзы не в моде! Видимо, нужен разумный компромисс между требованиями медицины, законами оптики и рекомендациями эстетики.

Мода уже отказалась от сверхкрупных очков. Они не только не отвечают своему прямому назначению — улучшить зрение,— они неэстетичны. Однако линза, которую уже называют «оптимально крупная»,— главная в оптическом деле. Не случайно, что планируется переход именно на выпуск таких линз. И хотя делается это неторопливо, они будут.

Но большую линзу необходимо обрамить хорошей оправой! И тут... Не говорю сейчас о форме, говорю только о расцветках. Умопомрачительные цвета и оттенки. Ярко-красная, ядовито-зеленая. Ну кто же такую придумал?.. Правда, видел оригинал этой оправы: светло-серый цвет, более или менее подходящий. И название — «Жаворонок».

— Но где же вы видели зеленого жаворонка?— спросила сотрудница Горьковского аптекоуправления.— Вот мы ее и называем «лягушонком».

— Приобретают?

— Других-то почти нет...

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ:

И тут надо вернуться к разговору с Юрием Георгиевичем Логачевым: он упорно отстаивал свою позицию: сейчас главное — количество.

— Стране нужны оправы! — говорил Логачев.

Я мог только согласиться: впрямь ведь нужны! И еще как!

— А вы спорили!..— Логачев почувствовал, что инициатива перешла к нему.— Ежегодная заявка — двадцать восемь миллионов. А промышленность лишь недавно перешагнула двадцатимиллионный рубеж.

Он говорил, а я не успевал вставить слово о том, что в моем блокноте есть фраза, услышанная на заседании коллегии Минздрава: «Поскольку давило количество, мы дошли до такого качества». Сказано это было не вскользь, не между прочим.

...Вместе с оптиками и аптекарями разных областей и республик перехожу из цеха в цех Изюмского завода.

И здесь вновь услышал, что при первоначальном плане выпуска оправ тринадцать миллионов в этом году предприятие даст пятнадцать миллионов! За счет чего? Ответили: новое оборудование. Но вскоре выяснилось, что это оборудование и рассчитано-то как раз на тринадцать миллионов.

— Может, за счет роста мастерства?

— Да, да. Вот именно...— ухватился за протянутую ему соломинку заводской технолог.

Но и она вскоре надломилась: из взятых наугад десяти оправ четыре были с явным браком.

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ СПРАВКИ: **«При проверках в 1978 году на Елецком заводе медоборудования установлено несоответствие требованиям стандарта 16,5 процента проверенных оправ, на Изюмском оптико-механическом заводе — 10,8 процента...».**

Десять и восемь десятых изюмских процента — это свыше полутора миллионов. Может, Минмедпрому реальнее взвесить свои возможности и не гнать количество за счет качества? И ограничиться тринадцатью миллионами, потребовав достойного качества? Ведь все равно полтора миллиона бракованных оправ приводят почти к той же цифре?

В дни совещания была устроена выставка: перспективные модели. Одна к одной, загляденье!

— Какие нравятся больше?— спросили участников совещания.

— Да все нравятся! — в сердцах ответила представительница Мурманского аптечного управления.— А что от того, что они мне нравятся? Вот когда пойдут с конвейера, тогда я и спрошу: нравятся ли они вам?

Конструкторы — разработчики моделей молчали. И что скажешь? Практика показывает, что оригиналы и копии разделяет весьма заметная дистанция. Первые, как правило, хороши, современны. Вторые после массового освоения лишь в общих чертах схожи с эталоном. Не следует ли здесь ввести авторский надзор за готовой продукцией? Обязать промышленность показывать дизайнерам то, что выходит с завода? А в крупнейших оптических магазинах иметь стенды с оправами-эталонами, утвержденными во всех инстанциях. И пусть заказчик сам сравнит, насколько отличаются массовые изделия от штучных, от образцовых.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ:

В отделе технического контроля Изюмского завода не мог себе позволить поговорить с кем-либо. Все так спешили, что было не до разговоров. Хотелось выяснить, сколько человек занято проверкой готовых оправ. Установил только, что норма каждого — две тысячи оправ. «Лучшие работники проверяют до двух с половиной тысяч». Но при этой арифметике выходило, что часть оправ остается непроверенной. Говорили: такого быть не может. Но когда я уже в Москве зашел в цех оптического производства, убедился: бывает такое, и нередко бывает. За те несколько минут, что я простоял возле конвейера, работники производства отбросили в сторону несколько оправ.

— Может, брак исправим?

— Да вы посмотрите!

И предстал такой букет недоделок, что комментировать его не было необходимости.

А мне все слышатся слова Ю. Г. Логачева: «Сейчас главная проблема — количество!»

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ СПРАВКИ: **«Выборочная проверка, проведенная в Смоленском аптекоуправлении, показала, что из 41 проверенной оправы 21 не соответствовала требованиям государственного стандарта».**

...В какую бы аптеку или оптическую мастерскую я ни зашел — полным-полно очков. И такие и сякие... Проблемы количества нет. А подобрать подходящие — не тут-то было. У одних оправа донельзя плоха, а та, что вроде бы и подошла, уже со стеклами. Завод сам, без моего ведома, хотя очки нужны мне, а не ему, остеклил оправу, словно это окно в доме-новостройке. Но мне-то стекла нужны не эти, а другие, не плюсовые, а минусовые. Я обошел несколько магазинов, и всюду та же картина. Непонятно, почему очки готовят впрок, загодя? Допустимо ли такое, что нередко еще (сам видел) случается: намаявшись, заказчик приобретает очки в более или менее понравившейся ему оправе, не обращая внимания на стекла. Выходит из магазина на улицу, находит камень поострее — и хрясь! Осторожно очистив оправу от осколков, возвращается в тот же магазин и заказывает в полученную таким образом оправу стекла с нужными ему диоптриями. Московское оптическое производство (крупнейшее в стране) выпускает более половины всей продукции (называют ее пренебрежительно — «массовка») вот так, без предварительных заказов. Летит на ветер чей-то труд, выбрасываются стекла, которые кто-то где-то, может, и ждет. Очки делать впрок, а потом подгонять к ним заказчика: допустимо ли такое? Логика подсказывает иное решение: сначала выбрать оправу, которая подошла бы по всем, как говорится, статьям, а уже в нее вставлять стекла, нужные заказчику.

Все большему числу людей нужны очки. Очки в последнее время «помолодели». Зайдите в любую школу и убедитесь в этом. Значит, очков нужно больше, но при этом первое слово все же следует отдать качеству.

Определить, сколько нужно очков, не очень сложно. И ученые это в основном сделали. Выяснено главное: детям надо менять очки раз в год, взрослым — раз в два года. Для того, чтобы высчитать подлинную потребность, не надо даже прибегать к услугам ЭВМ. Но до сих пор серьезные люди серьезно говорят, что потребность в очках не определена, что отсюда-де беды-хлопоты. А ведь, как сказано, не всякое количество снимает дефицит в очках. Был такой случай. Начали ругать аптекарей: «Как же, отказались от готовых очков и от оправ». И посыпался град упреков в адрес аптек. И пришлось срочно вносить коррективы, а Госплан даже сократил финансирование. Раз отказываются от очков и оправ, значит, их достаточно... «Ах, как несерьезно. Очки нужны, а вы отказались!» Я видел эти очки, от которых отказались аптеки. Черные, ядовито-красные и ярко-зеленые. Никак не могу представить человека, который добровольно надел бы очки в такой оправе.

— Мы их сняли с производства!— спешат меня заверить.

Но сняли-то, видимо, потому, что аптекари отказались брать? Если так, пусть и впредь отказываются.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ:

Но поговорить о том, как торгуют очками, все же надо. Вероятно, не открою Америки, сказав, что торгуют плохо. Есть неподалеку от нашей редакции магазин «Оптика». Он не на бойком месте, но когда бы туда ни зашел, всегда очередь. А в центре города вообще к прилавку не пробиться. Както на улице 25-го Октября я попытался войти в помещение магазина «Оптика». Пробиться к прилавку — дело сложное. А когда ты, наконец, оказался перед продавцом, разговор с тобой предельно короток: «Не нравится — отходите! Видите, сколько народу». Правда, так относятся не ко всем заказчикам. Увидел в той же «Оптике» особую группу клиентов. Они не подходили к прилавку, а, остановив кого-либо из работников магазина, полушепотом говорили: «Вызовите Мишу» (Сашу, Петю...). Миша (Саша, Петя) выходил, приветливо улыбался и показывал оправу, которую при всей моей внимательности я не видел на прилавке...

Да, торгуют плохо. Обслуживают невнимательно. Как-то пришел в ту же «Оптику» с пустячным делом: выскочил винтик заушины. Надо было вставить новый. Минутное дело? Простоял в очереди около получаса. Затем, спустя еще десять минут, мне вынесли оправу. Там, где прежде был винтик, стояла заклепка. Заушину прихватили намертво.

А не пора ли отменить торговлю очками в том ее виде, как она существует? И перейти только на систему заказов. Промышленность говорит: пора. И бросает упрек торговле: «Не умеете торговать очками!» Справедливо? Видимо. Но почему бы самому Минмедпрому не показать пример и не открыть свой фирменный магазин-салон «Оптика»? Да не один! Практика показывает, фирменные магазины вносят заметную лепту в совершенствование торгового дела.

Проблема очков сложна. Тут спора нет. Но когда на объективные сложности наслаивают второстепенные, это затушевывает и решающие обстоятельства. Было бы неправильным представлять дело так, что все зависит только от медицинской промышленности. Немало министерств и ведомств приложило свои «старания», чтобы ухудшить качество оправ. Химики дают мало нужной пластмассы, станкостроители неохотно поставляют нужные станки. И все же главное в непочатом ряду недостатков — погоня за количеством в ущерб качеству.

* * *

Отличные очки — это отличная оправа с отличными стеклами. Так сказать, Оправа, Приятная Во Всех Отношениях. Но у оправ, выпускаемых ныне, пока очень много отличий от тех, что приятны во всех отношениях, от тех, что просто совершенны.

Поэтому и спрашиваю: будем ждать «Елену»? Даже если она устареет?..

ПОРТРЕТ СУДЬИ

Генри СЕСИЛ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Штормовые ветры последних дней стихли, и мистер Пэнтин, судья, сидел счастливый, насколько позволяла ему подагра, в саду своего небольшого коттеджа. Он был самым старым судьей королевской скамьи, и все, кто его знал, понимали, что на пенсию он не уйдет. После смерти жены, случившейся несколько лет назад, он одиноко жил в лондонской квартире, но уикэнды и большую часть отпусков проводил в этом своем загородном доме, за которым присматривала старая экономка Мэри.

Публике он был хорошо известен — как из-за явной строгости своих приговоров, так и благодаря справедливости своих решений и холодной логической манере подхода к каждому делу: человеческие чувства как таковые его не интересовали.

Если человек попадал к нему по уголовному делу, но был невиновен, лучшего судьи ему и желать было нечего: он знал, что его оправдают. Если же, однако, подсудимый был виновен, но преступление совершил по эмоциональным или сентиментальным мотивам, он мог не сомневаться, что эти причины не тронут судью. Был такой случай. Обвиняемый в серьезном преступлении оказался смертельно больным человеком, и когда его приговорили к трем годам тюрьмы, он сказал, что ведь он там умрет. «Следовало подумать об этом раньше»,— ответил мистер Пэнтин, судья.

Судье было восемьдесят четыре года. Шестьдесят четыре года назад он вышел победителем в беге на четверть мили и выступал в команде штангистов Кембриджа, но теперь это был калека, с подагрой в обеих ногах. Он сидел в шезлонге, положив по одну сторону от себя книги и сандвичи, а по другую — термос. Был славный денек, и он предвкушал удовольствие от чтения и размышлений.

Ему вполне хватало самого себя, и он получал наслаждение от собственного общества. Мэри он дал выходной — съездить в Лондон проведать друзей,— но она, прежде чем отправиться, позаботилась о том, чтобы он не испытывал никаких неудобств.

Но едва только дочитал он статью об одном техническом аспекте уголовного законодательства, как в сад вошел незнакомец.

— Что вам угодно? — спросил судья.

— Поговорить с вами,— отвечал незнакомец. У него был голос культурного человека, мягкий и уверенный. А сам он был маленький и хилый, и его вполне можно было бы назвать тщедушным, если бы не его угрожающий вид.

— Мне кажется, мы с вами незнакомы,— сказал судья.— Кто вы?

— Вряд ли мое имя вам что-нибудь скажет,— ответил незнакомец,— ибо в настоящий момент оно Смит.

— Тогда вам лучше уйти,— сказал судья.

— И не подумаю,— отвечал незнакомец.— Я останусь здесь, пока не совершу того, ради чего пришел. Боюсь, это один из тех редких случаев — возможно, даже единственный,— когда вам будут диктовать.

— Не будете ли вы любезны уйти?

— Я подумаю над вашей просьбой,— сказал человек,— если вы мне расскажете, что́ же вы сделаете, если я все-таки останусь.

Мистер Пэнтин, судья, тут же понял, что сделать он ничего не в силах: экономки нет, телефон не работает, сам он совершенно не в состоянии пройти три четверти мили до ближайшего соседа, и, если кто-нибудь случайно не забредет к нему, что маловероятно, ему придется терпеть присутствие этого незнакомца, пока тот сам не соизволит убраться.

— Я требую, чтобы вы покинули мой сад,— сказал судья.— К сожалению, я не могу заставить вас силой, и, если вы откажетесь, мне останется только ждать, пока сюда кто-нибудь придет.

— Вот именно,— согласился человек.— И если меня не подведут результаты моих расспросов, это еще будет не скоро. Посему я намерен поговорить с вами.

— Зато я,— заявил судья,— говорить с вами не намерен.

— Допускаю,— сказал мужчина,— но мне все же кажется, вам придется. Одну минуточку. Мне гораздо удобней беседовать сидя. Пойду принесу стул.

Он вошел в коттедж и вскоре вернулся со стулом, который поставил перед судьей. А тот уже взял книгу и погрузился в чтение.

— Несколько лет назад,— заговорил человек,— вы приговорили одного моего друга к смерти. Если бы не ваша заключительная речь, его, возможно, и оправдали бы. Во всяком случае, так считало большинство. А получилось, вы настолько были убеждены в его вине, что не оставили ему ни малейшей надежды на оправдание. Одна из причин моего прихода сюда в том, чтобы доказать вам, как вы ошиблись, хотя я и не думаю, что это как-то там отразится на том пергаменте, что служит вам вместо мозгов.

Хотя судья ну никак не мог не слышать, он и виду не подал, что слушает.

— Вы, как петух, настолько уверены в своей непогрешимости,— продолжал пришелец,— что вас, похоже, ничем не прошибешь. Впрочем, это мы сейчас проверим. Видите ли, я совершил убийство, за которое повесили Фрэнка Тернера.

Судья вспомнил дело Тернера, но опять и виду не подал, что слушает. И все же он невольно перенесся мыслями к тому суду и попытался представить, что́ там было принято в качестве доказательства.

Заявление этого человека его нисколько не касалось. Фрэнка Тернера судили в соответствии с законом и признали виновным. Он подал апелляцию в уголовный апелляционный суд, но ее отклонили. Будь он хоть пятьдесят раз невиновен, теперь это уже не имело значения, да и судью не очень-то тревожило, виновен он или нет. Законы, созданные людьми, могут ошибаться, и — иногда — невиновного могут признать виновным. Единственный долг судьи — это смотреть за тем, чтобы закон применялся должным образом. Если же после надлежащего суда с представленными по форме доказательствами и соответствующей речью судьи подсудимого вердиктом присяжных признавали виновным, дело на этом заканчивалось. А если, случалось, человек на самом деле был невиновен, так вина за это ложилась либо на присяжных, либо на неизбежную подверженность ошибкам любой законодательной системы, созданной человеком.

— Вы, наверное, думаете, зачем я вам все это рассказываю. Но ведь нельзя повесить и меня, правда?

Судья не мог удержаться и ответил незнакомцу, что определенно могут повесить и его.

— Как? Двоих?

— Разумеется,— подтвердил судья.

— Вы хотите сказать, что, хотя преступление совершено одним человеком, за него можно повесить сначала одного, а потом и другого?

— Да хоть и полдюжины, если нужно.

— А, ладно,— сказал мужчина.— Ничего. Меня вы не повесите.

— Если хотите сделать какое-то заявление, для этого есть полиция,— заметил судья.— Больше мне нечего вам сказать.

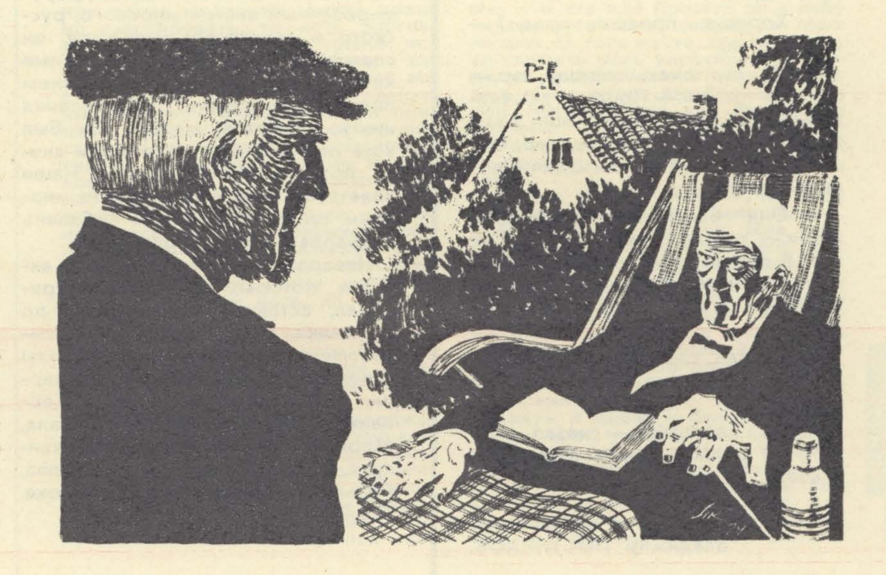
— Прекрасно. Вы ведете себя так, как я и ожидал, и, пожалуй, теперь я могу перейти ко второй цели моего визита. Она проста — убить вас.

Судья молчал.

— Наверное,— продолжал мужчина,— это будет уникальный случай в судебной практике. Я думаю, в свое время вы получали письма с угрозами, но, насколько мне известно, никто еще никогда не набрасывался на судью, не говоря уж о том, чтобы убить его. Я, разумеется, не считаю тот случай, когда человек бросался помидорами в апелляционном суде. Во всяком случае, он не попал.— Поскольку судья по-прежнему хранил молчание, он добавил: — Не к чему делать вид, будто вам безразлично происходящее,— очень скоро вам придется принять участие в моей операции. Но прежде чем она начнется, я хотел бы описать ее вам. Тогда, возможно, вы мне скажете, каковы у меня шансы избежать осуждения... Так знаете, как я это стану делать? Я сейчас возьму дробовик в вашем коттедже и застрелю вас.

Он подождал, пока слова дойдут до судьи. Тот молчал.

— Я мог бы просто убить вас и убежать, но вдруг кто-нибудь видел меня на дороге? Он бы сообщил мои приметы, и меня бы, возможно, в конце концов поймали и повесили. Было бы очевидно, что вас убили, и оставался бы единственный вопрос, кто это сделал. Я не хочу рисковать. Я протяну вам ваше ружье и сделаю так, чтобы оно выстрелило в момент борьбы между нами, когда оно — случайно, разумеется,— направлено на вас. Потом сразу же побегу за помощью и при первейшей возможности сообщу полиции, кто я и, до некоторой степени, почему я сюда пришел. Скажу, что Фрэнк Тернер был моим другом и что я считал его невиновным, а сюда пришел сказать вам пару теплых слов. А вы, скажу, велели мне убираться, а когда я отказался, вытащили свой дробовик — показать, что не шу-

тите. И добавлю, что, испугавшись, как бы вы не выстрелили, я попытался отобрать его у вас, но, к сожалению, во время борьбы между нами ружье выстрелило. Как вы думаете, если, предположим, я тотчас же, причем добровольно, заявлю обо всем в полицию, меня могут обвинить в убийстве?

Судья, поняв, что незнакомец, по всей вероятности, не шутит, решил, что будет лучше, если он проявит более живой интерес к этому делу.

— Если экспертиза подтвердит вашу версию, вряд ли вам предъявят обвинение в убийстве. Есть, правда, возможность, что вас признают виновным,— это если принять во внимание мой возраст и недуг,— но все в конечном счете будет зависеть от доказательств. Возможно, вас вообще оправдают. Весьма вероятно, вас и судить-то не станут, даже обвинения не предъявят.

— Премного благодарен вашей светлости за это мнение. Не часто убийца перед совершением преступления получает такую авторитетную консультацию. А теперь одну минуточку, я все приготовлю.

Он оставил судью и вошел в дом. Пока он ходил, судья быстро оценил обстановку. Либо человек исполнит свою угрозу, либо нет, но разве узнаешь наверняка, каковы его намерения,— того и гляди опоздаешь. И судья составил план...

Как только человек вернулся и протянул ему ружье, он быстрым движением, употребив всю свою силу, направил его на мужчину и выстрелил. Тот думал, что судье не воспользоваться ружьем, пока его рука на стволе, но только он не знал, что когда-то судья занимался штангой, да ему и в голову не пришло, что тот без единого слова, так бесцеремонно его застрелит.

Судья встал — с некоторым трудом (из-за подагры) — и, удостоверившись, что незнакомец больше его не побеспокоит, оттащил его с еще бо́льшим трудом за кусты, где его не было видно. Ружье он положил рядом с мертвым и вернулся к своему стулу.

Усевшись, он воздал должное сандвичам, приготовленным Мэри, и, запивая их кофе, весьма неплохо позавтракал. Затем прочитал еще одну статью, на сей раз по вопросам векселей. Потом вздремнул.

Несколько часов спустя вернулась Мэри.

— Хорошо провели время? — спросил он.

— Да, сэр, очень хорошо, сэр,— сказала Мэри.— Просто замечательно. Вот приготовлю ужин и все расскажу. Но вы-то как, сэр, хороший был денек? Сандвичи понравились?

— Они были восхитительные, Мери,— сказал судья.— Я съел их все. Я всегда питал слабость к куриной печенке. Погода была великолепная, а ваш кофе хорош, как всегда.

— Я рада, сэр. Пойду приготовлю ужин.— И она направилась к дому.

— Да, постойте,— сказал судья.— Я должен вам кое-что рассказать...

Перевел с английского
Владимир ПОСТНИКОВ.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ДМИТРИЕВИЧА ГОНЧАРОВА

Андрей Гончаров. Мы все не так давно видели его на экранах телевизоров. Он рассказывал об изумительном творчестве своего большого друга — великого мастера Александра Дейнеки; говорил талантливо, взволнованно.

Жестокий недуг заострил черты лица Гончарова, художник сильно похудел, но живой и страстный его дух, полет мысли передавался всем.

И вот Андрей Дмитриевич Гончаров ушел от нас...

Это был один из корифеев советской графики, создатель неповторимых по оригинальности формы книг, великолепный ксилограф, чьи работы поистине достигли высот мирового класса и прославили русскую, советскую книгу и искусство иллюстрации.

Его гравюры на дереве по отточенности рисунка, яркости силуэта, глубокой драматургии и одновременно свежести пластических решений сделали крупный шаг вперед в развитии этого благородного мастерства.

Творчество Гончарова было романтически приподнято и одновременно ренессансно по многоцветью и обширности. Колоритный станковый живописец, серьезный монументалист, тончайший художник-декоратор, оригинальный и страстный полемист и оратор, эрудированный знаток мирового, русского и советского искусства, он совмещал все эти универсальные качества с высочайшим знанием полиграфии, печати, оформления книги, шрифтов, макета. Он был еще редчайшим по строгости вкуса пропагандистом книги. Наше советское издательское дело многими своими успехами обязано Гончарову и его школе.

Невероятно широка палитра авторов, которых он проиллюстрировал, оставив непреходящие по динамике, красоте и глубине психологического решения образы героев Гомера, Софокла, Петрарки, Шекспира, Гете, Рабле, Сервантеса, Лопе де Вега, Стендаля, Мериме, Гейне, Уэллса, Хемингуэя, Гоголя, Тургенева, Чехова, Горького, Маяковского, Блока, Есенина.

Он исполнил блестящие гравюры к гениальным памятникам народного эпоса: армянского — «Давид Сасунский», латышского — «Лачплесис», эстонского — «Калевипоэг».

В суровые годы Великой Отечественной войны художник-гражданин создал яркие «Окна ТАСС», плакаты, рисунки.

Член-корреспондент Академии художеств СССР, народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, профессор Андрей Гончаров всегда помнил слова великого Горького о задаче творца: прежде чем начать писать, говорил он, я всегда задаю себе три вопроса: что я хочу написать, как написать, для чего написать.

Художник поэтому считал главной целью — воплотить своих героев в совершенных реалистических пластических образах.

Так были созданы листы к поэме В. Казина «Великий почин» (портрет В. И. Ленина), иллюстрации к произведениям А. Островского, А. Сухово-Кобылина и Ф. Достоевского — за эти работы мастер был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Сам А. Д. Гончаров являл собой образец человека скромного, искреннего, бесконечно принципиального, честного и правдивого. Он был достойным учеником Фаворского, и его этическое кредо — быть художником своего времени — он пронес высоко и незапятнанно.

Немало усилий и творческих прозрений отдал он таинственному и волшебному искусству сцены. Завидно широка гамма творений Андрея Дмитриевича как декоратора-сценографа. «Братья Карамазовы» во МХАТе, «Весна священная» в ГАБТе, «Госпожа министерша» в Театре имени Моссовета и многие другие имели заслуженный успех.

Ни одно движение резца, карандаша, пера или кисти мастера не было равнодушным. Художник обладал удивительным трудолюбием, его творческая жизнь, продолжавшаяся более полувека, поражает редким по упорству и таланту трудом.

Андрей Дмитриевич был обаятельным, очаровательным Человеком и Мастером — глубоко интеллигентным и образованным. Его долгая жизнь, три четверти полного бурными событиями века, была насыщена до краев счастьем созидания и борьбой за совершенство формы и первичность мировидения.

...Беспощадный недуг отнял у нас Гончарова. Но все мы будем помнить его, с его светлой и немного застенчивой улыбкой, не забудем сияющих восторгом творчества глаз художника-новатора, его душевного тепла. Мы счастливы, что Гончаров не раз сотрудничал в «Огоньке», писал очерки о художниках, оформлял наши литературные приложения в издательстве «Правда».

«Творить — значит убивать смерть», — сказал Ромен Роллан. Гончаров сделал это. Мы всегда будем помнить замечательное, яркое и вечно живое его искусство.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

ШЛЕМ КОРОЛЯ

В переводе с латыни название этой удивительной раковины означает «шлем короля».

— «Шлем» я увидел в старинной ленинградской квартире моего приятеля Алексея Павловича Зуева. По профессии он геолог, изыскатель. Я долго допытывался, как раковина попала к нему. Оказалось, бывший владелец квартиры — капитан дальнего плавания, уезжая, оставил эту ракушку на память Зуеву,— рассказывает знаменитый астраханский коллекционер даров океана Петр Иванович Егорычев. Он называет вид и род моллюсков, к которым относится эта раковина.

Петр Иванович был инженером Каспийской экспериментальной базы промрыболовства. И в те годы занимался облегчением ручного труда рыбаков. А до того работал в моторно-рыболовных станциях, днюя и ночуя на переднем крае фронта путины — в море.

То, что его, крестьянского сына из маленького села Владимирской области, из лесной глухомани вывела неистребимая любовь к морю,— не судьба, а характер. Еще в нашу первую встречу я услышал: «Знаю в жизни два истинных чуда — лес и море».

Попав на Каспий впервые в 1929 году, Егорычев остался тут навсегда. С 1956 года Петр Иванович преподает в Астраханском рыбопромышленном техникуме. Первым его ученикам теперь за сорок...

При создании своей коллекции он стремился к тому, чтобы все экспонаты рыб, моллюсков, кораллов, морских ежей, чертей и дьяволов доставать в паре: один — для техникума, другой — в коллекцию. Когда стали узнавать, что астраханцы создали музей со всеми чудесами всех морей планеты, письма и посылки пошли к ним густо. Ученики не забыли ни лекций Егорычева, ни разговоров по душам, ни крепкого рукопожатия при расставании.

— Вот, смотри, какая прелесть! — говорит Петр Иванович.— Довольно редкий экземпляр с Кубы. А вот этот — со дна Карибского моря. А теперь почитай письмо.

«Дед, только вернулись из рейса. Пили пиво из этой раковины. Ой, рейс! Сами чуть не угодили к раковинам. Посылаю одну из них к тебе. Ты в них разбираешься...»

— Хороший экземпляр прислал Джазгаев. Но он ошибся, это не раковина, это панцирь «сидячего рака». Я всем своим ученикам до сих пор заочно и двойки и пятерки ставлю. А это Чириков прислал подарок из Австралии с Индийского океана. Озорник был, не приведи бог, отчислять парнишку хотели. Еле упросил. И вот какой хороший специалист стал... А это «чудесная лестница» — мечта коллекционеров. Мне ее отдал знакомый ихтиолог из Мурманска. Нет, не мой ученик, просто приятель. Говорю: «Ты ей цены не знаешь». «Бери,— говорит,— Петр Иванович. Тебе цену знаю».

Да, многие хорошие люди, те, что плавают по океанам мира, и те, кто хоть раз побывал в музее Астраханского рыбопромышленного техникума, очень высоко ценят и любят этого доброго и мудрого человека, преданного морю.

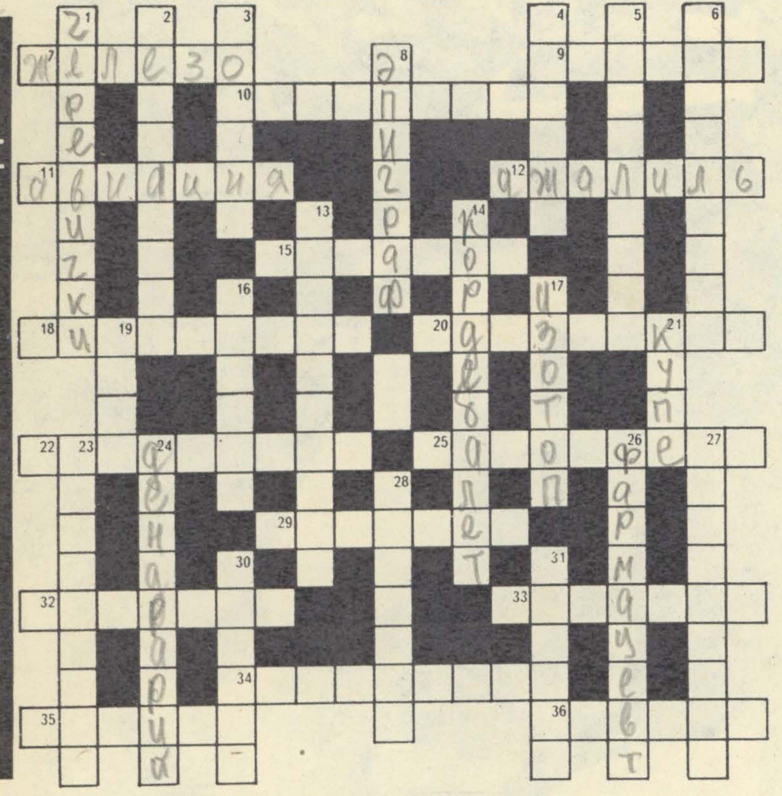
Юрий СЕЛЕНСКИЙ

По горизонтали: 7. Вещество, обладающее ковкостью, высокой электропроводностью. 9. Картина художника-передвижника А. Е. Архипова. 10. Международные спортивные соревнования. 11. Воздушный флот. 12. Автор цикла стихов «Моабитская тетрадь». 15. Советский ботаник, академик. 18. Ювелирное изделие из тонкой золотой или серебряной проволоки. 20. Поэт-декабрист. 22. Декоративное луковичное растение, цветок. 25. Стальная камера для глубоководных исследований. 29. Повесть Л. Н. Сейфуллиной. 32. Советское спортивное общество. 33. Порт на Дунае в Чехословакии. 34. Систематизированное собрание определенных сведений. 35. Атолл в архипелаге Маршалловых островов. 36. Река, впадающая в озеро Ильмень.

По вертикали: 1. Опера П. И. Чайковского. 2. Слесарно-монтажный инструмент. 3. Старинная европейская золотая монета. 4. Овощ. 5. Видимое перемещение светил на небесной сфере. 6. Итальянский композитор XVII—XVIII веков. 8. Цитата, изречение перед началом литературного произведения. 13. Фаза естественного спутника Земли. 14. Состав артистов театра, исполняющих групповые танцы. 16. Роман Н. Г. Чернышевского. 17. Искусственно полученный радиоактивный химический элемент. 19. Оптический прибор. 21. Отделение в железнодорожном вагоне для пассажиров. 23. Отрасль знания, занимающаяся исправлением недостатков устной речи. 24. Участок ботанического сада, где культивируются древесные растения. 26. Работник аптеки. 27. Индийский смычковый инструмент. 28. Народный артист СССР, режиссер, работавший в театре имени Вахтангова. 30. Один из героев романа Н. Островского «Как закалялась сталь». 31. Морское беспозвоночное животное, полип.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 7. Находка. 8. Лазарев. 9. «Жена». 10. Полином. 12. Твен. 15. Образование. 16. Свая. 19. Гарт. 21. Терем. 22. Стрелец. 23. Сеченов. 24. Рыжик. 26. Таль. 28. Слип. 30. Знаменатель. 31. Кент. 33. Рулевой. 34. «Аида». 35. Медведь. 36. Асафьев.

По вертикали: 1. Кафедра. 2. Сова. 3. Лаборант. 4. Плеоназм. 5. Карт. 6. Теберда. 11. Изображение. 13. Абонемент. 14. Кипрегель. 17. Вятка. 18. Ясень. 19. Гнейс. 20. Риони. 24. Рамбулье. 25. Котлован. 27. Лебедев. 29. Лендлер. 32. Тува. 34. Арфа.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Станция космических лучей, расположенная на высоте 3250 метров над уровнем моря. (См. в номере материал ««Пион» на горе Арагац».)

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Петр Иванович Егорычев и его коллекция. (См. в номере материал «Шлем короля».)

Фото Б. Кузьмина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

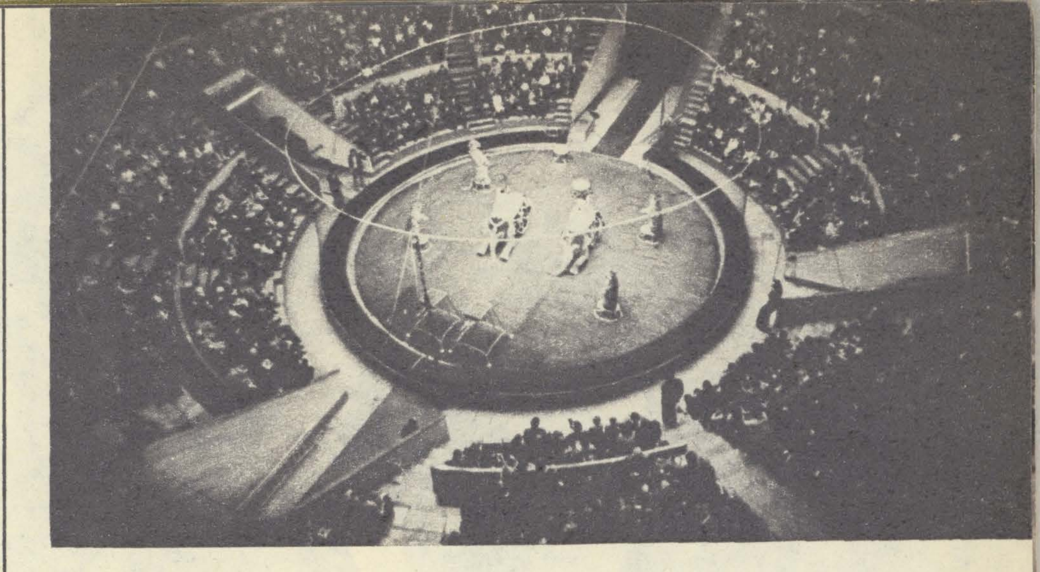
Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 28.05.79. Подписано к печати 12.06.79. А 00672. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1488. Заказ № 710.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

К 60-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО ЦИРКА

«РУКОПОЖАТИЕ» ТИГРА И СЛОНА

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Фото Г. РОЗОВА

«Визитная карточка» нового аттракциона заслуженного артиста РСФСР Мстислава Запашного — «рукопожатие» тигра и слона. Этот эпизод можно увидеть на афишах, рекламках: слониха Рани протягивает тигру Тайфуну свою могучую ногу, а он вполне миролюбиво пожимает ее мощной лапой. Тот же грозный Тайфун легко и грациозно прыгает с Сандры на Рани, будто под ним не исконные его недруги — слоны, а обычные тумбы.

Действительно ли между двумя этими животными восстановлен на манеже прочный мир?

— Отнюдь нет. В природе, как известно, слон и тигр — непримиримые враги. Правда, на воле вступать в открытую схватку они избегают, но если уж бой между ними начался, противники друг другу пощады не дадут. Но в цирке до этого дело не доходит,— так отвечает на этот вопрос Мстислав Михайлович. И, развивая свою мысль, добавляет: — Долорес Запашная, моя партнерша по аттракциону, и я, как вы, наверное, заметили, называем себя не дрессировщиками, как принято последнее время, а по старинке — укротителями. Почему? Да потому, что лошадей, кошек да кое-каких мелких диких животных можно именно дрессировать, то есть заставлять делать различные трюки, используя в основном присущие им естественные повадки. Работая же с крупными животными, особенно хищниками, приходится, как правило, подавлять их природные инстинкты, выработанные тысячелетиями. И «дружба» тигров и слонов, которую мы демонстрируем на арене, это результат прежде всего подчинения их воле человека, заставляющего коварного тигра удержаться от соблазна броситься на спину слону, а осторожного по природе слона встать в стойку на одной ноге, да еще на тумбе...

Глядя, как непринужденно работают на манеже слонихи Рани и Сандра, как вроде бы даже охотно проделывают свои трюки тигры Вася и Ханум, поначалу и не уловишь того внутреннего напряжения, с которым ведут аттракцион укротители. Но вот наступает очередь одного из самых психологически сложных для тигра трюков: через лежащего на манеже Тайфуна должна переступить Рани. Только слониха занесла ногу, как Тайфун, не выдержав, уползает из-под нее в сторону.

— Тайфун, лежать! — В голосе Запашного звенит металл. Тигр возвращается на место, но стоит Рани вновь поднять ногу, как все начинается сначала... А при очередной попытке Мстислава Михайловича навести порядок Тайфун преображается. До этого покорный, он яростно рычит и даже пытается ударить лапой укротителя.

Но человек все же добивается своего — тигр на мгновение замирает, и Рани с достоинством выполняет свой трюк.

Что же произошло с Тайфуном?

— На предыдущем представлении Рани ногой слегка задела шерсть тигра,— рассказывает Запашный.— И вот результат: он уже в страхе. А страх у хищника самое опасное: он заставляет зверя терять над собой контроль, толкает его на отчаянные поступки. И, кстати, нападает на человека тигр нередко безотчетно, в тех случаях, когда он чего-то пугается и его охватывает паника...

А флегматичные, такие добродушные на вид слоны? И от них, оказывается, можно ожидать всяких неожиданностей. Накануне моего приезда в Куйбышевский цирк, в программе которого был аттракцион «Слоны» и тигры», произошел такой случай. В слоновник зашел Слава, одиннадцатилетний сын Мстислава Михайловича и Долорес Павловны, с которым Рани состоит в дружбе. Протянув ей какое-то лакомство, мальчик довольно властно потребовал «дать ножку» — и что же? Пришел он в себя через несколько секунд в трех метрах от того места, где попытался сыграть роль укротителя. Правда, по представлению слонихи, это был всего лишь безобидный шлепок, которым она как бы хотела сказать: «Дружба дружбой, но командовать собой такому шкету не позволю. Подожди, пока подрастешь!»

А ведь Рани — слониха, по всем меркам «домашняя», выкормлена, можно сказать, из рук. Мне пришлось быть свидетелем того, как несколько лет назад ее привезли к Запашным. С нее не сошел еще младенческий пух, но, раненная при отлове, издерганная переездами, она выглядела уже запуганной, истощенной. Мстислав Запашный переселился в слоновник, поставил там раскладушку и выхаживал Рани, как ребенка.

Ханум и Акбар — бенгальцы, сестра и брат, у Запашных с девятимесячного возраста. И все же совсем непохожи друг на друга. Тигрица легко возбуждается, но так же быстро успокаивается. У нее все написано «на лице» — волнение, испуг, ярость. Акбар внешне

Грозный Тайфун прыгает с Сандры на Рани.

Шагает слониха осторожно, но все-таки...

Рукопожатие тигра и слона.

невозмутим, не огрызается, но вероломен: может мурлыкать, ластиться — и тут же ни с того ни с сего цапнуть за ногу.

Тайфуна привезли из уссурийской тайги уже взрослым, порядком травмированным при поимке. Полгода не давал он подходить к клетке, при людях не ел. И все-таки сдался воле Запашных, их дружелюбию. Сейчас, пожалуй, самый способный «артист», но свиреп попрежнему. И, наконец, Вася — уроженец острова Суматра — лентяй, так и смотрит, как бы увильнуть от работы.

И все-таки каждый из них — тигр, зверь, у которого в лапе по пять когтей. Вступая с ним в поединок (а это приходится делать ежечасно), не надо забывать, что тебе противостоит противник с двадцатью «ножами» длиной по пятнадцать сантиметров! Всего предусмотреть нельзя. Неожиданный выкрик в публике, внезапная вспышка блица — любой непредвиденный раздражитель может оказаться роковым. До сих пор не выяснено, что заставило однажды Акбара броситься на Рани. Мстислав успел, правда, перекрыть ему дорогу, но остервенелый хищник обратил свою ярость против человека. Он выбил у него из рук стек, не остановил тигра и холостой выстрел из пистолета. В единоборстве победил все-таки укротитель, но какой ценой! Глубокие шрамы на руках Запашного — память об этой жестокой схватке.

Нападение Акбара на слониху дало повод кое-кому из недоброжелателей вспомнить пессимистические прогнозы, которые сопутствовали первым шагам Мстислава на пути создания аттракциона.

Слоны и тигры в одном аттракционе? Это невозможно! — предрекали скептики. За всю историю цирка никто подобного не добивался. Бывали случаи, когда для эффектного финала сводили на арене вместе слона и тигра, но в продолжение получаса заставить их добрососедствовать на манеже — безнадежное дело!

Однако Запашный сумел опровергнуть мрачные предсказания. Опроверг потому, что он по натуре экспериментатор, и притом удачливый, человек храбрый до дерзости, упорный до фанатизма. А главное, предпочитающий всегда сверхзадачу, не дающий себе скидки ни в большом, ни в малом.

Сейчас аттракцион «Слоны и тигры» выкристаллизовался, достиг зрелости. И он действительно хорош! Мстислав Запашный и его партнерша буквально повелевают (другого слова не найдешь) своими грозными питомцами. Но повелевают как бы шутя, играючи. Рани, например, послушно становится на задние ноги, а на передних баюкает саму укротительницу. Потом по мановению ее руки тигр Вася, как котенок, катается по манежу. А под конец зритель видит и вовсе невероятную картину: Акбар и Тайфун, как заправские наездники, джигитуют на слонах: с тумбы на бегущую по кругу Рани, затем вновь на тумбу, а оттуда на Сандру.

Вскоре для Запашных, этой потомственной цирковой семьи, исполняется весьма почтенная дата — столетие ее пребывания на манеже. Немало славных имен, немало впечатляющих номеров дала русскому цирку династия Запашных. Не оскудевает она талантами и ныне. Старший брат Мстислава, Вальтер, выступает с группой львов и тигров. В номере «Акробаты — вольтижеры на лошадях», кроме самого Мстислава Михайловича и его жены Долорес Павловны, заняты их дочь Эллен, племянник Валерий. А семилетний Дениска, внучатый племянник Мстислава, представитель пятого поколения Запашных, заменяет иногда... Тайфуна в том самом эпизоде, когда через него переступает слониха.

Приобщился уже к артистической карьере и одиннадцатилетний Слава — сын Мстислава Михайловича.

А совсем на днях Союзгосцирк утвердил сценарий грандиозной пантомимы «Спартак». Ставить ее будет и сыграет в ней главную роль Мстислав Запашный. В пантомиме мы увидим, конечно, всех участников аттракциона «Слоны и тигры» и еще около двухсот артистов, а также десятки лошадей, слонов, тигров, львов, гепардов, станем свидетелями захватывающих эпизодов, головокружительных трюков...

Куйбышев.

Акбар сейчас тих и покорен.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663